

РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА – 2020

Аналитический доклад грантополучателей
Международного дискуссионного клуба «Валдай»

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Программа исследовательских грантов
Фонда развития и поддержки
Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Российская элита — 2020

*Программа
исследовательских
грантов Фонда развития
и поддержки
Международного
дискуссионного клуба
«Валдай»*

Москва, июль 2013
valdaiclub.com

Данный доклад подготовлен по итогам исследования в рамках Программы исследовательских грантов Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Исследовательская группа:

Уильям Циммерман, профессор Мичиганского университета

Рональд Инглхарт, профессор Мичиганского университета, научный руководитель Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ-ВШЭ

Эдуард Понарин, профессор кафедры социологии НИУ-ВШЭ, заведующий Лабораторией сравнительных социальных исследований НИУ-ВШЭ

Егор Лазарев, аспирант Колумбийского университета, младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ-ВШЭ

Борис Соколов, младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ-ВШЭ

Ирина Вартанова, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ-ВШЭ

Екатерина Туранова, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ-ВШЭ

Оглавление

4	Введение
10	1. Эволюция российской элиты и трансформация политического режима в постсоветский период: общий обзор
19	2. Российская элита: вчера, сегодня, завтра.
	Основные тренды и динамика изменений
20	2.1. Поведение представителей элиты в качестве респондентов социологического опроса
21	2.2. Внешнеполитические установки российской элиты
31	2.3. Внешнеполитические установки и психологические черты представителей элит
35	2.4. Отношение к США в России — сравнение элиты и масс
50	2.5. Восприятие элитами внешних и внутренних угроз безопасности страны
57	2.6. Динамика идеологических установок элиты
61	2.7. Анализ когортных различий в ценностных установках и политических взглядах элит
72	3. Изменение ценностей и установок элит и трансформация режима в России: прогноз на 2015—2030 годы
83	4. Список литературы
86	Приложение 1. Дзуликий Янус: портреты типичных представителей российской элиты 2020-х годов
91	Приложение 2. Регрессионные таблицы. Влияние индивидуально-психологических особенностей на внешнеполитические установки
99	Приложение 3. Регрессионные таблицы. Вариации антиамериканизма
103	Приложение 4. Восприятие внешних и внутренних угроз российскими элитами
107	Приложение 5. Когортные отличия в установках российской элиты
118	Приложение 6. Идеологическая структура российского общества: динамика изменений

Введение

В течение последних двадцати лет после распада Советского Союза политические и социально-экономические установки представителей российских элит претерпели значительные изменения под влиянием трансформации политической и экономической системы, идеологического кризиса и смены внешнеполитических ориентиров. Взгляды различных групп в высшей страте российского общества на то, какой внутриполитический и внешнеполитический курс должна выбрать Россия, были неоднородными на протяжении всего постсоветского периода развития страны, их динамика отражает изменения, происходящие в различных сферах жизни российского общества, а также положение страны на мировой арене в различные периоды.

Так, роль постсоветской России в международных отношениях также значительно изменилась за последние два десятилетия. Советский Союз наряду с США был одной из двух ведущих мировых держав, обладавшей сильной армией и огромными матери-

альными и людскими ресурсами, что отражалось на проводимой страной внешней политике: СССР имел интересы практически по всему миру и порой применял военную силу для их защиты. После распада Союза Российская Федерация, будучи правопреемницей советского государства, унаследовала геополитический статус своего могущественного предшественника. Вместе с тем, экономический спад, последовавший за перестройкой хозяйственной и политической системы, и отделение нескольких бывших союзных республик существенно подорвали военную и экономическую мощь страны.

Ситуация стала меняться в начале 2000-х годов, когда в России начался экономический рост, а политическая система была укреплена в процессе построения вертикали власти. Усиление внутренних позиций режима отразилось в определенной степени и на внешней политике российского руководства. Россия стала активно продвигать свои интересы на международной арене, временами вступая в конфронтацию

с другими влиятельными членами мирового сообщества. Если ранние годы правления Путина можно было охарактеризовать известной фразой канцлера Горчакова, которую тот обронил по поводу денонсации Российской империей условий Парижского мирного договора – «Россия усиливается» – то после так называемой «мюнхенской речи» Владимира Путина стало ясно, что высшие политические круги России воспринимают РФ как ведущего актора международных отношений и собираются проводить внешнюю политику, соответствующую

мена Советского Союза США официальной советской пропагандой рассматривались как основной политический, идеологический и военный противник. После распада СССР в официальной риторике Кремля в отношении Америки наметился позитивный сдвиг: все больше руководителей позднего Союза, а потом и независимой России рассыпались в заверениях в дружбе с США. Казалось, что эта дружба была взаимной – вручение Михаилу Горбачеву Нобелевской премии мира, активная финансовая и кадровая помощь американского прави-

тельства и частных корпораций во время экономических и политических реформ начала 1990-х годов воспринимались многими как очевидные свидетельства того, что холодная война закончена, и в международных отношениях наступает новый период относительного мира и процветания.

Вместе с тем, уже при президенте Борисе Ельцине, в конце 1990-х годов, появились первые признаки того, что опре-

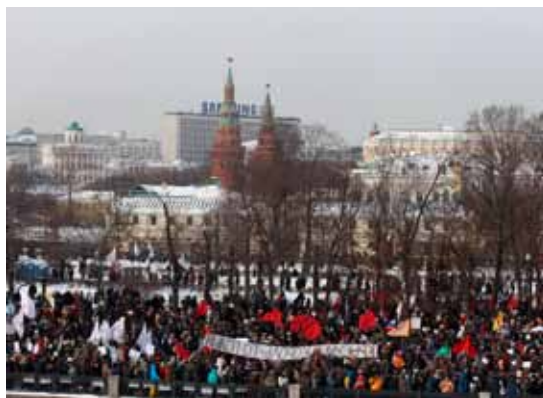
деленные круги российской политической элиты не согласны с доминированием США на международной арене и настаивают на проведении Российской Федерацией независимой внешней политики, пусть даже ценой охлаждения отношений с Вашингтоном. Наиболее известным проявлением этой позиции стал знаменитый инцидент с разворотом своего самолета над Атлантикой Евгением Примаковым, премьер-министром РФ, во время официального визита в США в знак протеста против

В течение последних двадцати лет после распада Советского Союза политические и социально-экономические установки представителей российских элит претерпели значительные изменения. Роль постсоветской России в международных отношениях также серьезно изменилась

этому статусу. Для того чтобы выяснить, сохранится ли эта тенденция в дальнейшем, необходимо определить, как нынешняя элита воспринимает международные интересы России и какие способы отстаивания этих интересов считает наиболее эффективными.

В сфере внешней политики в рассматриваемый период произошел пересмотр формата отношений Российской Федерации и Запада, в первую очередь – двусторонних отношений с Соединенными Штатами. Во вре-

решения НАТО нанести удар по Сербии. В тот момент подобная принципиальность Примакова в отстаивании позиций Кремля была чем-то из ряда вон выходящим.

Впоследствии, с приходом к власти Владимира Путина, претензии России на проведение независимой внешней политики

которые наблюдаются среди элит? Готовы ли они поддерживать текущий внешнеполитический курс, предлагаемый элитами, или же позиция масс сама по себе является катализатором действий правительства в данной сфере, предпринятыми для привлечения дополнительной народной поддержки? Наконец, зависит ли отноше-

ние к США от принадлежности к той или иной возрастной когорте? Иными словами, можно ли предсказать изменения настроений населения России, в том числе и представителей элиты, в будущем, когда нынешних руководителей сменят более молодые политики?

Мы пытаемся ответить на эти вопросы с помощью анализа динамики отношения к США представителей российских элит.

Расхождения между элитными группами указывают на то, что назрело недовольство какими-то аспектами текущего политического курса

и статус одного из мировых лидеров усилились. Возрождение геополитических амбиций российского руководства сопровождалось, в том числе, и усилением конфронтации по ряду вопросов с американским правительством, последним из которых по времени стал обмен «шпильками» в виде так называемых «закона Магнитского» со стороны США и «закона Димы Яковлева» со стороны РФ.

Что стало причиной подобных изменений во внешнеполитической риторике российского правительства? Является ли это лишь следствием роста экономического и военного потенциала, или же мы можем найти какие-то объяснения этого процесса на микроуровне, непосредственно анализируя установки представителей российской элиты? Как изменяются с течением времени настроения остального населения страны – следуют ли они тем трендам,

Консенсус элит считается одним из важнейших условий успешной демократизации. Однако при этом мало внимания уделяется тому факту, что консенсус элит может быть также и ключевым фактором, сдерживающим начало демократических преобразований. Действительно, если среди ведущих акторов авторитарного режима существует базовое согласие относительно распределения ключевых позиций, а также относительно приоритетных векторов развития страны, даже очень сильный запрос населения на демократизацию может блокироваться консолидированными действиями элиты. В данном случае весьма вероятна либо консервация режима, либо – в случае превышения порога терпения масс – попытка демократизации снизу посредством насиль-

ственных методов. Учитывая мировой опыт, можно предположить, что последний сценарий скорее всего также приведет к установлению авторитарного режима либо к периоду длительной политической нестабильности. Вместе с тем, расхождения между элитными группами указывают на то, что в определенных кругах элиты назрело недовольство какими-то аспектами текущего политического курса либо распределением ресурсов и властных полномочий. Таким образом, наличие раскола между элитами по каким-либо позициям может стать катализатором будущих изменений.

При этом масштаб трансформаций может быть различным, в зависимости от вопросов, по которым наблюдается поляризация мнений. Применительно к контексту современной российской политики первостепенный интерес представляет следующий вопрос: наблюдается ли среди элит

власти, относятся к отдельным аспектам управления страной; радикальные требования вроде немедленной революции не больше распространены среди протестующих, нежели среди власть имущих. Таким образом, можно сказать, что речь идет прежде всего об идеологических разногласиях, а не о фундаментальных ценностных различиях, которые могли бы привести к неразрешимым политическим противоречиям между правящими группами или же властью и остальным населением страны.

Сейчас наступает период, когда ключевые посты в политике и бизнесе будут занимать люди, родившиеся в 1970-е и 1980-е годы. Это люди нового поколения, которые формировались как личности в качестве новых условиях и, как следствие, значительно отличаются от своих предшественников. Для ответа на вопрос, как отразится на стране эта смена поколений элит,

необходим подробный анализ ценностных установок этой возрастной когорты и выявление тенденций их трансформации в ближайшие десятилетия.

Целью настоящего исследовательского проекта как раз и является анализ ценностей, установок и идеологических

позиций элит постсоветской России и факторов, которые определяют процесс их формирования и изменения, а также прогнозирование возможных последствий этих трансформаций для внутренней и внешней политики страны. В рамках проекта исследовательский коллектив ставит своей целью ответить на следующие вопросы, позволяющие составить представление о видении ситуации в мире и стране людьми, ответственными за принятие важнейших управленческих решений в стране.

- Можно ли выделить поколенческие различия в политических и социально-экономических установках российских элит, и если подобные различия имеют место, то какова динамика изменений политических и социально-экономических установок внутри возрастных когорт?
- Как современная российская элита видит Россию в системе международных отношений? В частности, как нынешние

Сейчас наступает период, когда ключевые посты в политике и бизнесе будут занимать люди, родившиеся в 1970-е и 1980-е годы

рост оппозиционных настроений по отношению к существующему политическому режиму, который на массовом уровне проявился в масштабных протестных акциях 2011–2012 годов? Иными словами, распространяется ли и среди элит тот запрос на демократизацию политического устройства страны и масштабные реформы, который активно продвигает прослойка российского населения, включающая в том числе многих представителей так называемого «креативного класса»? Или же линия раскола, который обусловил рост протестной активности в стране, расположена в горизонтальной плоскости и скорее разделяет элиты и часть остального населения, чем проходит вертикальным срезом через все статусные группы современной России?

Следует отметить, что в основе своей претензии, предъявляемые формирующимся оппозиционным движением нынешней

лидеры оценивают сферу национального интереса Российской Федерации и какие инструменты считают основополагающими для достижения внешнеполитических целей? Как изменяются эти установки с течением времени?

- Какие факторы способны объяснить разницу в индивидуальном восприятии внешнеполитических проблем и предпочтений относительно средств их решения? В более широком теоретическом контексте этот вопрос можно сформулировать следующим образом: как психологические особенности людей влияют на их внешнеполитические установки?
- Какие внутренние и внешние угрозы безопасности страны оцениваются элитами как наиболее серьезные, и как меняется эта оценка с течением времени?
- Связаны ли структурные сдвиги в политических и социально-экономических установках российских элит с изменениями в экономической и политической сферах, происходившими в России после распада СССР? Соотносятся ли наблюдаемые изменения в идеологических установках элит с трансформацией общественного мнения в целом?
- В каком направлении будут эволюционировать взгляды элит в будущем, и к каким политическим последствиям это может привести?

Для проведения анализа установок элит и ответа на поставленные вопросы в рамках данного проекта было выделено шесть основных направлений исследования.

В рамках первого направления осуществляется анализ восприятия сферы нацио-

нального интереса Российской Федерации представителями элитных групп. Анализ позволяет выявить, какие факторы определяют более узкое понимание границы сферы национального интереса (в пределах государственной территории), а какие, напротив, способствуют поддержке более широкой концепции национального интереса, которая подразумевает, что Россия на современном этапе является одним из ведущих акторов международных отношений и сфера ее интересов захватывает практически весь мир.

Второе направление работы включает в себя анализ влияния индивидуальных психологических характеристик индивидов на формирование их внешнеполитических установок. По результатам исследования была выявлена связь между такими характеристиками индивидов, как этноцентризм, персональный авторитаризм и когнитивная закрытость, и взглядами на такие сферы внешней политики, как определение сферы национальных интересов России, отношение к использованию военной силы в международных отношениях, восприятие США как угрозы для безопасности страны и отношение к ключевым проблемам современной мировой политики.

В рамках третьего направления исследования изучаются причины формирования негативных установок по отношению к Соединенным Штатам как среди элит, так и среди остальных граждан России. Анализ позволяет сформулировать основные причины поддержки антиамериканизма, а также сравнить тренды изменения

отношения к политике США среди элитных групп и остального населения. Кроме того, был сформулирован прогноз относительно дальнейшей динамики изменения антиамериканских установок и их влияния на формирование российского внешнеполитического курса.

Четвертое направление посвящено исследованию восприятия внешних и внутренних угроз безопасности России представителями элит. В рамках анализа этой темы было выявлено, как респонденты оценивают негативное влияние на стабильность страны таких внутренних факторов, как рост экономического неравенства между гражданами России, усиление межэтнической напряженности между русскими и представителями других национальностей, рост цен и инфляция, загрязнение окружающей среды. Также было установлено, насколько опасными для России, по мнению респондентов, являются такие внешние угрозы, как рост военной мощи Соединенных Штатов по сравнению с военной мощью России, приграничные конфликты России со странами СНГ, а также «цветные революции». По результатам анализа данных опросов была выявлена динамика изменения отношения представителей российских элит к упомянутым угрозам, а также составлен прогноз относительно дальнейшего изменения или сохранения существующих трендов.

Пятое направление исследования нацелено на изучение структурных изменений идеологических установок элит в постсоветский период развития России. В ходе анализа были рассмотрены основные тренды поляризации и конвергенции установок респондентов, касающихся основных вопросов общественно-политического и экономического устройства страны. Кроме того, существующие тренды изменения установок элит соотносятся с динамикой изменения общественного мнения по тем же вопросам, что позволяет проанализировать взаимное влияние позиций элит и общественного мнения. Данные по трендам поляризации/конвергенции установок респондентов применяются к прогнозированию социальных

и экономических процессов в российском обществе.

В рамках последнего направления исследовательская группа осуществляет анализ межпоколенческих различий в ценностных установках российских элит и их взглядах на внутреннюю и внешнюю политику страны. Объектом исследования являются изменения политических и социально-экономических установок респондентов на постсоветском этапе развития России. Анализируется влияние принадлежности к определенной возрастной когорте на установки по отношению к оптимальному государственному устройству, демократии, рыночной экономике, действующей власти, акторам международной политики. Также прослеживается динамика изменений политических и социально-экономических предпочтений внутри когорт. Анализ позволяет выявить роль возраста и контекста социализации в процессе формирования и трансформации социально-политических предпочтений.

Работа состоит из трех частей. Первая часть посвящена обзору политической ситуации в России в постсоветский период; в ней также излагается история процесса формирования современной российской элиты и институционального контекста, в котором она функционирует. Вторая часть посвящена анализу установок и ценностей элиты в статическом и динамическом аспектах; в начале этого раздела доклада обсуждаются некоторые методологические проблемы, а затем приводятся развернутые результаты исследования по основным направлениям. В третьей части на основании полученных выводов составляется прогноз относительно сценариев развития России в зависимости от комплексной трансформации ценностей, установок и настроений элиты. В качестве приложения к докладу прилагается социологический портрет типичного представителя российской элиты 2020-х годов: кратко описываются ценностные установки, внутриполитические и внешнеполитические предпочтения и видение путей дальнейшего развития России, характерные для будущего поколения отечественных лидеров.

1. Эволюция российской элиты и трансформация политического режима в постсоветский период: общий обзор

Любой политический режим является, в первую очередь, результатом деятельности элит, поэтому механизм взаимодействия различных групп элит, их коммуникации с гражданами страны определяет характер политической системы и ее стабильность. Различия в механизме взаимодействия элит, степени их внутренней однородности и структуры определяются двумя основными параметрами [Burton & Higley, 2006]. Первый из них – степень структурной интеграции, которая показывает, насколько глубоко в систему отношений элит вписаны региональные элиты, а также насколько устойчива система вертикальных связей внутри элит. Второй параметр – степень консолидации элит, которая отражает, в какой мере представители элит готовы поддерживать единый набор ценностей, который они декларируют, и готовы ли они следовать определенному единому кодексу поведения.

Исходя из этих аспектов, можно выделить три основных типа элит (более подробно

о приведенной классификации – см. лекцию Джона Хигли «Демократия и элиты») // http://www.yermak.com.ua/txt/pol/art_higley.html/. Первый тип – разрозненные элиты, то есть те элиты, которые не достигли компромисса относительно единой ценностной структуры и кодекса поведения. Для этого вида элит характерны частые конфликты, непрекращающаяся борьба за перераспределение власти и, как следствие, политический режим, который эти элиты поддерживают, отличается нестабильностью и более низкой степенью эффективности.

Второй тип – элиты, объединенные на базе идеологии (яркий пример – советская номенклатура). Этот вид элиты отличается высоким уровнем централизации и тесной интеграции на основе единой совокупности ценностей, которые определяются доминирующей идеологией. Не все представители элиты могут разделять эти ценности, однако декларировать их они должны. Как правило, в таком случае основные власт-

ные полномочия концентрируются в руках узкой группы членов политической элиты.

Наконец, третья категория – согласованные элиты. Они функционируют в соответствии с единым кодексом поведения, сформулированным на базе системы ценностей, которой согласны придерживаться все элитные группы. Ценностная основа их деятельности не декларируется в открытую, как в случае с идеологически объединенными элитами, однако существуют негласные правила сосуществования

нирование которой по большей части удовлетворяет интересы всех сторон. Сами элиты заинтересованы в поддержании такой сбалансированной системы и исключении из нее элементов, разрушающих устоявшийся порядок.

На основе исторического опыта можно выделить несколько основных путей объединения национальных элит. Во-первых, интеграция групп с противоречащими друг другу целями и ценностями может быть результатом войн (как гражданских, так и с внешним врагом) или революций – сильных внутриполитических потрясений, кризисов, которые определяют необходимость объединения всех сил для восстановления стабильности страны.

Если брать пример США, то в данном случае механизм консолидации элиты был обусловлен другим фактором:

идеологической основой ее объединения стало осознание необходимости избавления от британского колониального господства [Higley & Moore, 1981]. Объединяющая идея национального масштаба – второй фактор, который стимулирует формирование компромиссной основы сотрудничества противоборствующих элит для достижения общих целей.

Благоприятные экономические условия в стране, устойчивый рост экономики создают условия для постепенного сближения элит, которое происходит в отсутствие сильных внешних импульсов и достижения

Политические установки российских элит отличались неоднородностью на протяжении всего постсоветского периода развития Российской Федерации

в политической системе страны, ограничения и принципы, нарушение которых не поощряется.

Существование консенсуса не означает отсутствие противоречий и конфликтов между представителями различных групп элит или внутригрупповых разногласий, но все эти процессы протекают в рамках сложившейся системы. Если рассматривать идеальный случай, то достижение устойчивого баланса сил и согласованности интересов позволяет создать саморегулирующуюся систему взаимодействия элит, существование и бесперебойное функцио-

специальных договоренностей. Отличительной чертой такого интеграционного процесса является долгосрочность, которая может измеряться десятками лет.

По мнению Хигли, современные российские элиты относятся к категории идеологически объединенных элит. С другой стороны, некоторые специалисты считают, что процесс консолидации элит постсоветской России, начавшийся в условиях глубокого политического и экономического кризиса в стране, не закончился до сих пор. Таким образом, вопрос о степени консолидации российских элит остается предметом дискуссий.

Попытки консолидации российских элит, предпринятые с 1993 по 1998 год, провалились

Политические установки российских элит отличались неоднородностью на протяжении всего постсоветского периода развития Российской Федерации. Первым переломным событием, определившим глубокий раскол элиты, после распада Советского Союза стал кризис 1993 года [Gelman, 2002]. С принятием Конституции 1993 года в российской политической системе появились многопартийные выборы, результаты которых стали индикатором поляризации взглядов избирателей: на думских выборах 1993 года представителям различных оппозиционных сил удалось получить почти половину мест в парламенте. В тот период,

хотя правящая элита и оппозиционные силы не смогли воздержаться от принятия силовых решений, удалось избежать крупномасштабного конфликта.

В 1994–1995 годах начался новый этап взаимодействия политических сил в России. Президент Ельцин и его сторонники инициировали подписание договора об общественном согласии, целью которого была провозглашена консолидация политической элиты страны. В действительности документ, который предусматривал определенные уступки и гарантии со стороны правящей элиты и оппозиции, являлся попыткой обеспечить безопасность режима, сформировавшегося после событий 1993 года. Таким образом, в рассматриваемый период конфликт принял латентную форму.

«Перемирие» между противостоящими политическими силами было неустойчивым и не могло обеспечить ста-

бильность политического режима страны. Ухудшение экономической ситуации и чеченский конфликт привели к резкому падению популярности правящей элиты, а также к снижению доверия к российским политическим институтам со стороны населения [Лапкин, Пантин, 1999]. Это поставило правящую элиту в трудное положение накануне президентских выборов 1996 года, что подтвердила уверенная победа коммунистов на парламентских выборах 1995 года. От результатов выборов президента 1996 года напрямую зависела судьба правящей элиты и преемственность существующего режима. Отказ от прове-

дения выборов, которые с большой долей вероятности могли быть проиграны Ельциным, не был выбран в качестве инструмента сохранения власти, потому что такой шаг привел бы не только к делегитимизации режима, но и углублению конфликта

редь, коммунисты, потерпевшие поражение на выборах, ограничились своей протестной активностью фрондированием в Государственной думе. Однако это не могло в должной мере обеспечить стабильность режима, потому что сосуществование элит в еди-

Ставка на повышение значимости военной элиты позволила установить баланс между различными группами российских элит и одновременно способствовала повышению популярности и авторитета президента Путина

между группами правящей и оппозиционной элиты. Команда Ельцина задействовала весь доступный финансовый и административный ресурс для обеспечения победы на выборах, организовала масштабную пропагандистскую кампанию в средствах массовой информации и систематически оказывала давление на оппозиционных кандидатов. В предвыборный период основная борьба развернулась между сторонниками Ельцина и сторонниками коммунистов, у которых было много поводов надеяться на победу Зюганова.

После победы Ельцина на президентских выборах оппозиционные силы изменили стратегию взаимодействия со своими политическими противниками. В силу отсутствия ресурсов для массовой мобилизации и ведения эффективной политической борьбы оппозиционные элиты, в первую оче-

редь, коммунисты, потерпевшие поражение на выборах, ограничились своей протестной активностью фрондированием в Государственной думе. Однако это не могло в должной мере обеспечить стабильность режима, потому что сосуществование элит в единой системе обеспечивалось только совпадением краткосрочных целей. Хрупкость этого перемирия доказал новый этап борьбы за доминирование в политической системе между различными силами, который начался вскоре после президентских выборов. Открытый конфликт национальных элит подорвал легитимность и без того нестабильного существующего политического режима

в глазах граждан, а с началом экономического кризиса 1998 года правящая элита оказалась в очень тяжелом положении, которое оставляло мало шансов на сохранение режима.

Таким образом, попытки консолидации российских элит, предпринятые с 1993 по 1998 год, провалились по нескольким причинам. Во-первых, отсутствовал сильный лидер, который мог бы объединить вокруг себя ключевых акторов экономической, политической, культурной и военной сфер российского общества и достичь компромисса в целях стабилизации внутривластной обстановки и создания условий для развития России в новых условиях. Во-вторых, элиты (как оппозиционная, так и правящая) не смогли обеспечить себе поддержку со стороны широких масс населения. Кроме того, глубокий эконо-

мический кризис и неэффективность государственного управления помешали как консолидации элит, так и формированию стабильной внутривластной обстановки и международного имиджа страны.

Но в 1999 году обстоятельства изменились, и после того, как Евгений Примаков был назначен премьер-министром, начался этап постепенной консолидации российских элит. Примаков первым ввел в правительство нескольких министров, представлявших оппозиционные партии, попытавшись тем самым наладить диалог между Кремлем и противостоящей

ей была воспринята как адекватный ответ на совершенные взрывы. Такие перемены в общественном мнении в значительной мере помогли утвердиться Путину и его сторонникам во время выборов в 1999–2000 годах.

Путин начал свой президентский срок с заявления намерений по восстановлению страны. Одним из основных направлений российской политики в тот период было завершение конфликта в Чечне, которое требовало мобилизации административных и экономических ресурсов, а также означало повышение степени влияния

Основной принцип, который был положен в основу политической системы, заключался в наличии неформального соглашения между доминирующим политическим актором – правящей элитой – и остальными политическими силами о разделении власти и функционировании системы распределения ресурсов

военной элиты на важнейшие внутривластные и внешнеполитические процессы. После 1991 года участие представителей силовых структур в российской политике было ограничено, но с приходом к власти Путина их роль изменилась; кроме того, они были включены в новую систему распределения ресурсов [Bremmer & Charap, 2007]. Хотя ставка на повышение значимости военной элиты требовала привлечения дополнительных экономических средств, такой шаг позволил установить баланс между различными

ему Думой. Примаков также попытался играть на поле великодержавных настроений, заняв, в частности, жесткую позицию по вопросу независимости Косово, в тот момент ключевой проблеме международных отношений, не побоявшись при этом вступить в конфронтацию с США.

Курс на консолидацию, правда, в несколько измененном формате, был продолжен затем Владимиром Путиным. Новому премьеру на фоне совершения взрывов в Москве и других городах, которые в массовом сознании ассоциировались с чеченскими сепаратистами, удалось успешно переместить фокус народного гнева с политики правящей элиты на террористическую угрозу. Несмотря на то, что первая чеченская кампания была непопулярна, и большинство населения высказывалось против ее проведения, война 1999 года

группами российских элит и одновременно способствовал повышению популярности и авторитета нового президента. Реализация амбициозных экономических реформ также потребовала кадрового обновления: на ключевые посты в Правительстве и Администрации Президента был назначен ряд либеральных экономистов.

В результате реализации указанных мер новому Президенту удалось стабилизировать внутривластную обстановку в стране, устранить острые открытые конфликты внутри элитных групп и наладить коммуникацию между элитами и зарождающимся гражданским обществом. Значительно изменилась роль Государственной думы: если в 1993–1998 годах она являлась площадкой для множества разнородных оппозиционных групп, то с начала 1999 года Дума стала поддерживать поли-

тический режим и законодательные инициативы Президента. В итоге, к моменту следующих президентских выборов Путин пользовался значительной народной поддержкой: его политику положительно оценивали, по данным различных опросов, около 60–65% населения.

Основной принцип, который был положен в основу политической системы, заключался в наличии неформального соглашения между доминирующим политическим актором – правящей элитой – и другими политическими силами о разделении власти и функционировании системы распределения ресурсов [Gelman, 2012]. У каждого актора российской политической системы, предпринимавшего попытки изменить порядок распределения политической власти или ресурсов, появился выбор: стать частью существующей системы на условиях, сформулированных правящей элитой, или быть выброшенным из политического поля страны под давлением существующей системы.

С 2000 года, после того, как началась реформа федеративных отношений в России, изменилось положение региональных элит. В рамках проведения реформы было учреждено 7 федеральных округов и создан институт полномочных представителей Президента в регионах, которые были призваны координировать деятельность федеральных округов, следить за соблюдением норм федерального законодательства и другими ключевыми сферами. Если до начала реформы региональные элиты обладали практически неограниченной властью на местах и контролировали про-

цесс распределения ресурсов в пределах региона, то теперь их деятельность была в определенной степени ограничена и подконтрольна федеральному центру [Чирикова, 2008]. Кроме того, с 2003 года Президент получил право распускать региональные законодательные органы и снимать с должности губернаторов в случае нарушения ими федерального законодательства. Вместе с ограничением власти региональных элит на местах им была предоставлена возможность влиять на формирование политического курса страны через своих представителей в Совете Федерации. Таким образом, было положено начало институционализации отношений между региональными политическими элитами и федеральным центром.

В отношении крупного бизнеса была выбрана стратегия ограничения политической автономии бизнес-элиты и, как следствие, уменьшения ее влияния на принятие внутривластных и внешнеполитических решений в стране [Фокин, 2009]. Большинство представителей крупного бизнеса приняли такую схему взаимодействия с правящей элитой. Попытка консолидации российских элит была осуществлена путем навязывания определенных условий сосуществования со стороны правящей элиты. Это предопределило неустойчивость отношений между различными группами элит, привело к снижению степени их автономности и изменило систему перераспределения ресурсов. Существующая система интеграции могла демонстрировать эффективность только в условиях стабильного экономического развития страны и расширения влияния России на миро-

вой арене. Кроме того, такой навязанный «сверху» компромисс в определенной мере ставил под угрозу перспективы развития демократической политической системы в стране, создавая неблагоприятную среду для равной конкуренции различных политических сил.

В современном российском обществе в процессе выбора путей развития страны прямо или косвенно принимают участие не только представители политической элиты, которая в общих чертах сложилась как более-менее однородный класс к концу 2000-х годов. Понятие элиты включает помимо людей, непосредственно задействованных в системе государственного управления, широкий круг других акторов, влияющих на формирование политического курса страны. Анализируя процессы, происходящие сегодня в России, отечественную элиту

лидации отраслевых элит проходил в тех же сложных экономических и политических условиях, которые не способствовали формированию единого набора ценностей для всех групп элитного класса. Таким образом, система межгруппового и внутригруппового взаимодействия российских элит находится сегодня в процессе образования.

Формирование элиты как социального класса в России имеет свою специфику и с точки зрения особенностей социальной мобильности. В первую очередь, для этого класса, в особенности, политической элиты, характерна более высокая степень конкуренции [Крыштановская, 2005]. Если эта характеристика может быть применена в отношении большинства современных обществ, то специфической чертой российской действительности является неопределенность критериев, по которым проис-

ходит отбор в высшие социальные слои. Как показывает история последних двадцати лет, нельзя выделить набор специфических компетенций или качеств, которые определяют успешность инкорпорации в ту или иную элитную группу. Элитная мобильность подчиняется в большей мере

не регламентации трудового законодательства, а определенным внутригрупповым нормам, которые, как уже было сказано выше, пока являются достаточно нечеткими. Кроме того, отсутствует эффективный инструмент контроля гражданского общества за процессом ротации элит, что усложняет процесс исключения из рядов управляющей группы неэффективных членов (с несоответствующим профессиональным уровнем, низкой трудоспособностью в силу возраста и т.д.) [Крыштановская, 2004].

В общих чертах, таковы основные институциональные характеристики элиты постсоветской России, сложившиеся к настоящему моменту. Можно сказать, что нынешняя элита является достаточно консолидированной, однако следует отметить, что некоторые моменты указывают на возможность будущего раскола. Массовые протесты, неоднократно имевшие место на протяжении 2011–2012 годов, с очевидностью

Система межгруппового и внутригруппового взаимодействия российских элит находится сегодня в процессе образования

стоит рассматривать как широкий класс, включающий в себя представителей различных «профессиональных» групп: бизнесмены и экономисты, военные, представители академических и научных кругов, деятели культуры и т.д. Элита как класс имеет собственную структуру и состоит из нескольких групп, которые можно выделять по отраслевому, функциональному или иерархическому признаку. Причем индивид в этой структуре может относиться к нескольким группам, будучи одновременно, например, представителем военной элиты и частью правящей элиты.

Все элитные группы в существующем политическом поле находятся в постоянном взаимодействии, и стабильность системы зависит от того, как протекает процесс согласования интересов и целей всех акторов. О том, как были заложены основы компромисса между правящей и оппозиционной элитой, было уже сказано выше; процесс консо-

показали, что часть населения РФ недовольна существующей системой правил игры и распределением ресурсов и полномочий – прежде всего, в политической сфере. Многие представители оппозиции, громко заявившие о себе в ходе протестов,

ческой; а также проявлениями активности террористических организаций, в том числе и международных, что также может в перспективе угрожать стабильности властной системы РФ.

Налицо запрос на изменение политической системы, поддерживаемый как частью элит, так и достаточно значительной прослойкой населения, которому основная часть элиты пытается противостоять

также могут рассматриваться в силу своего социального, культурного и экономического статуса как принадлежащие к элите (хотя и не к самым высокопоставленным группам). Таким образом, налицо запрос на изменение политической системы, поддерживаемый как частью элит, так и достаточно значительной прослойкой населения, которому основная часть элиты, судя по принимаемым в ответ мерам, пытается противостоять.

Помимо перспективы идеологического раскола, страна в целом и существующая политическая система в частности стоят также перед несколькими весьма серьезными социально-экономическими вызовами. Так, внутри страны имеется ряд проблем, связанных с обострением национальных и религиозных отношений; ростом преступности, особенно экономи-

Далее, сейчас в РФ проводится целый ряд важнейших реформ, затрагивающих важнейшие аспекты функционирования общественных институтов в стране, в том числе военная реформа, образовательная реформа, пенсионная реформа.

Также наблюдаются определенные экономические трудности. Относительно высокая инфляция; значительный уровень социально-экономического неравенства; недостаточно диверсифицированная структура экономики с акцентом на добычу и экспорт полезных ископаемых; диспропорциональное развитие регионов; значительный уровень государственных расходов и недостаточное развитие инновативных секторов отечественной экономической системы – все это создает дополнительные риски для существующей сейчас в России политико-экономической структуры в условиях флуктуаций мировой экономики после кризиса конца 2000-х годов.

С учетом курса на все более тесную интеграцию России в международное экономическое пространство определенные проблемы создает и репутация, сложившаяся у страны в глазах мирового сообщества; в первую очередь, низкие позиции во мно-

гих рейтингах, влияющих на принятия решений о сотрудничестве с потенциальными инвесторами и партнерами.

Наконец, сложившаяся геополитическая ситуация, в которой гегемония США постепенно начинает оспариваться сразу несколькими претендентами; в которой вместе с тем заявляют о себе новые акторы международных отношений, нехарактерные для предыдущей эпохи доминирования национальных государств (такие, как террористические организации, международные институты и транснациональные корпорации); в которой все большую роль начинают играть культурные различия, а не только экономические интересы;

и которая, очевидно, не может быть названа устойчивой, также создает угрозы национальной безопасности Российской Федерации в целом и элитным группам в частности.

От того, как воспринимает все перечисленные проблемы российская элита и какие средства их решения она считает наиболее эффективными, во многом зависит то, какой будет комплексная стратегия развития страны на ближайшие 10–15 лет. В следующей части мы как раз и предпринимает анализ установок и позиций отечественной элиты по основным проблемным направлениям внутренней и внешней политики России.

2. Российская элита: вчера, сегодня, завтра. Основные тренды и динамика изменений

Основной целью данного исследования является полное и всестороннее описание ценностей и идеологических и политических установок российских элит. Кроме того, мы также анализируем умонастроения представителей когорт 1970-х и 1980-х, с тем чтобы предсказать возможное изменение политического курса по мере замещения сегодняшней элиты выходцами из младших возрастных групп. Для решения задач, поставленных в рамках данного исследования, мы применяем различные методы статистического анализа. Во-первых, для анализа временных изменений в той или иной сфере, характеризующей различные аспекты мировоззрения современной элиты, мы интерпретируем графически представленную динамику разнообразных индикаторов ценностных установок индивидов. Для того чтобы учесть возможные межпоколенческие различия, мы применяем когортный анализ. С целью подтвердить наши выводы в отдельных разделах исследования используются тесты, проверяющие статистическую зна-

чимость различий, а также корреляционный и дисперсионный анализ. Наконец, для проверки некоторых более сложных исследовательских гипотез мы используем регрессионный анализ.

В качестве эмпирической базы исследования выступают материалы шести волн опроса российских элит, разработанного и возглавляемого Уильямом Циммерманом [Zimmerman, 2002, 2009]. Опросы проводились в 1993, 1995, 1999, 2004, 2008 и 2012 годах; всего за период с 1993 по 2012 годы было опрошено более 1400 человек. Необходимо отметить, что в качестве респондентов в ходе исследования выступили только жители Москвы; представители региональных элит не опрашивались. С учетом огромной диспропорции, существующей во влиянии на принятие политических решений, имеющих вес в масштабах всей страны, между Москвой и остальными регионами страны, представляется, что ограничение выборки только индивидами, живущими в Москве, не приведет к фор-

мированию смещения результатов статистического анализа. Это могло бы рассматриваться как недостаток выборки, однако именно Москва является основным финансовым, политическим, интеллектуальным и культурным центром России, в котором сосредоточены основные центры принятия решений, равно как и индивиды, занимающие ключевые позиции в различных областях общественной жизни.

Для сравнения установок элит и масс в определенных аспектах (в частности, в плане отношения к США) в рамках проекта также использовались данные совместного проекта Ричарда Роуза и ВЦИОМ «Новый русский барометр» [Rose, 1992–2009]. В рамках данного исследования было проведено 18 национальных опросов за период 1992–2009 годы, из которых в сферу исследования вошло 12 (в силу того, что в некоторых волнах были пропущены те или иные вопросы, представляющие интерес для рассматриваемых в рамках данного проекта тем). Кроме того, для анализа различий в ценностных ориентациях в исследовании также использовались данные проекта «Всемирное исследование ценностей» (World Value Survey) по шести волнам опросов, проводившимся соответственно в 1990, 1995, 1999, 2006, 2008 и 2011 годах [World Value Survey, 1981–2008].

Доступ к данным нескольких волн опросов на протяжении двадцати лет позволяет не только выявить краткосрочные трансформации ценностных установок представителей элит, но и обнаружить долгосрочные устойчивые тренды, характерные для разных групп элит, в том числе провести когортный анализ, демонстрирующий различия внутри- и внешнеполитических предпочтений респондентов в зависимости от принадлежности к определенной возрастной группе.

Для выявления межпоколенческих различий в ценностных установках элит в рамках анализа респонденты были разбиты на несколько когорт: родившиеся до 1940 года включительно; родившиеся в период 1941–1950 годов; родившиеся между 1951 и 1960 годами; родившиеся с 1961 по 1970 годы; а также люди, родив-

шиеся после 1970 года. Для анализа данных World Value Survey мы также отдельно выделили поколение 1980-х годов.

В общих чертах, таковы важнейшие аспекты методологической части нашего исследования; так как далее мы рассматриваем весьма широкий круг частных проблем, то для каждой темы, если требуется, дополнительно описываются релевантные конкретные проблематике специфические методы анализа. Соответствующие методологические детали мы обговариваем отдельно в каждом из разделов Части 2.

2.1. Поведение представителей элиты в качестве респондентов социологического опроса

В базе данных, сформированной по результатам опроса российских элит Уильяма Циммермана, имеется некоторое число пропущенных значений. С одной стороны, это накладывает определенные ограничения на анализ имеющегося материала, так как объем доступных данных существенно сокращается. С другой стороны, наличие пропущенных значений предоставляет возможность воспользоваться некоторыми методологическими приемами, позволяющими получить информацию даже из факта её отсутствия. Если в структуре данных наблюдаются устойчивые паттерны пропущенных значений, то эти последние сами по себе могут стать зависимой переменной в регрессионном анализе, что позволит выявить те факторы, от которых зависит отказ от ответа на вопрос, или же затруднения с ответом при интервьюировании.

Изучение факторов, определяющих поведение представителей политической элиты в качестве респондентов социологического исследования, позволяет, во-первых, понять, оценить, насколько открыто и честно ведут себя респонденты и, соответственно, насколько хорошо отражают действительность их ответы, а во-вторых, понять, что вызывает применение стратегии ухода от прямого ответа в ходе опроса.

С целью выявления закономерности в паттернах отказа от ответа на тот или иной вопрос или же возникающих затрудне-

ний при ответе был проведен регрессионный анализ с пропущенными значениями в качестве зависимой переменной. В качестве описательных переменных были выбраны психологические особенности, такие как самооценка и родительские (parenting) ценности, уровень межличностного доверия, возраст, пол, принадлежность к группам элит, политическая ориентация. Кроме того, с помощью опросного эксперимента также было изучено воздействие национальной принадлежности руководителя исследования (Россия/США) на готовность респондента принять участие в подобном исследовании в будущем.

Результаты показывают, что лица, занимающие, по их собственному мнению, влиятельные позиции среди российской элиты, в меньшей степени готовы высказывать свое отношение к протестам 2011-2012 годов. Этот результат вполне понятен в контексте существующих моделей поведения опрашиваемых лиц. Представители элит, которые придерживаются более консервативных взглядов (в соответствии с ответами на вопросы относительно ценностей воспитания детей), также менее склонны открыто высказывать своё мнение по поводу честности выборов в Государственную думу в 2011 году.

Аффилиация исследователя, проводящего опрос, не оказывает значительного воздействия на готовность респондента сотрудничать с ним в дальнейшем. Большую готовность к сотрудничеству проявляют женщины и респонденты, представляющие старшие поколения. Наименее склонны к сотрудничеству с исследователями из другой страны в ходе проведения социологических опросов люди с повышенным уровнем этноцентризма. Также представители элит, склонные к этноцентризму, и люди с высоким уровнем межличностного доверия реже скрывают, как они проголосовали на президентских выборах.

Респонденты, склонные к этноцентризму, а также женщины в меньшей степени готовы делиться информацией касательно уровня личного дохода. В свою очередь, представители научной элиты менее склонны отвечать на вопросы касательно уровня

удовлетворенности жизнью и личного счастья, причем люди с высоким уровнем межличностного доверия демонстрируют большую открытость в этом вопросе.

2.2. Внешнеполитические установки российской элиты

Для исследования внешнеполитических установок российских элит был проведен анализ временных рядов и поколенческих различий по двум основным измерениям: определение сферы (территориальной) национальных интересов России и отношение к использованию военной силы в международной политике. В качестве индикаторов, отражающих взгляды представителей элиты по указанным двум измерениям, используются следующие вопросы:

1. Существуют разные мнения о национальных интересах России. Какое из двух утверждений ближе к Вашей точке зрения?

- 1) Национальные интересы России по большей части должны быть ограничены ее нынешней территорией
- 2) Национальные интересы России по большей части простираются шире, чем ее нынешняя территория

2. Я считаю Вам два высказывания о роли военной силы в международных отношениях. Какое из них ближе к Вашему мнению?

- 1) Военная сила в конечном счете всегда будет все решать в международных отношениях
- 2) Экономический, а не военный потенциал страны сегодня определяет ее место и роль в мире

В анализе используются данные всех шести волн исследования Уильяма Циммермана, что позволяет нам построить временные ряды и проследить, как изменялись внешнеполитические установки представителей российской элиты с течением времени, а также сделать определенные прогнозы относительно дальнейших изменений

в данной сфере. Применение этого метода к изучению рассматриваемых установок представляется вполне оправданным, так как внешнеполитические аттитюды являются достаточно устойчивыми. Чтобы сделать анализ более надежным, мы, помимо временных изменений, учитывали также и когортные различия. Очевидно, что через десять-пятнадцать лет ключевые позиции во власти займут представители младших

России шире ее государственных границ. Более того, динамика изменений ускорится с течением времени: самое резкое снижение численности сторонников «широкого» определения сферы национальных интересов пришлось на период между 2008 и 2012 годами (интересно, что в этот же период произошел значительный спад числа респондентов, считающих, что США представляет значительную угрозу для России).

Постепенно геополитические амбиции, унаследованные от советского прошлого, сменяются более трезвой оценкой. Все больше людей считают, что Россия фактически утратила статус мировой державы и должна сосредоточиться на решении внутренних проблем

Этот тренд отражается также и в когортных различиях: младшие поколения в 2012 году склонны более узко определять сферу национальных интересов страны. Соответственно, можно предположить, что постепенно геополитические амбиции, унаследованные от советского прошлого, сменяются более трезвой оценкой существующего положения сил на международной арене.

поколений, поэтому с течением времени удельный вес установок групп, родившихся после 1960 года, для предсказания последующего тренда должен быть выше. Поэтому мы разбили всех респондентов на пять групп по времени рождения в соответствии со схемой, приведенной в начале Части 2.

На Графике 2.2.1. представлены данные, отражающие определение сферы национального интереса России респондентами опроса Циммермана.

Здесь наблюдается очевидный тренд: с течением времени все меньше респондентов считают, что сфера национальных интересов

Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что среди родившихся в 1960-х и в 1970-х годах наблюдается наиболее радикальная трансформация установок. Так, в 1999 году среди поколения 1961–1970 годов 89% считали, что национальные интересы России выходят за рамки нынешних государственных границ, а в 2012 году таких респондентов в соответствующей группе было менее 40%. Такая же картина имеет место и в самой младшей когорте: количество сторонников «широкой» концепции национального интереса в ней сократилось с 87% в 2004 году (что намного превышает аналогичный показатель данного года для остальных возрастных

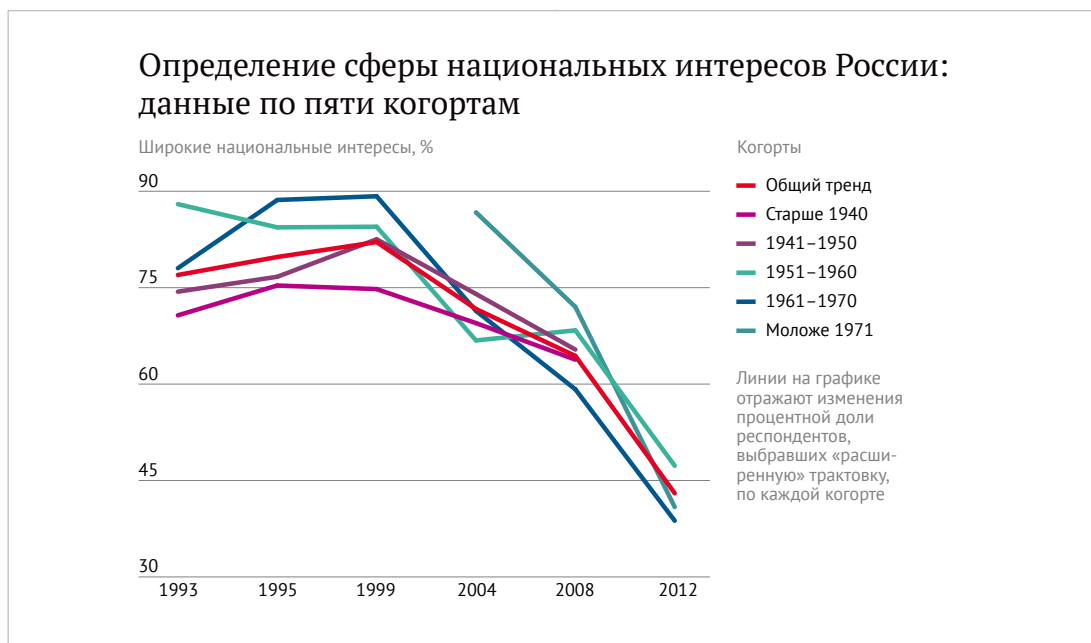

График 2.2.1

групп) до всего лишь 41,5% в 2012 году (меньше было только в когорте 1961–1970 годов). За исключением этого несколько неожиданного изменения, тенденция в оценке сферы национального интереса РФ сомнений не вызывает: всё больше людей считают, что Россия фактически утратила статус мировой державы и должна сосредоточиться скорее на решении внутренних проблем.

Другой важный вопрос заключается в том, насколько широко определяется круг национальных интересов России теми, кто считает, что сфера активной внешнеполитической деятельности страны должна выходить за границы государства. Составить представление об этом можно на основе данных, полученных в ходе опросов в 2004, 2008 и 2012 году.

Как показали опросы, в середине 2000-х годов половина респондентов считала, что сфера национальных интересов России включает территорию СНГ, однако к 2012 году количество таких ответов резко упало, до 15%. Значительный рост числа сторонников концепции, которая предполагает, что сфера российских интересов распространяется почти на весь мир, был отмечен в 2008 году (с 10% в 2004 году

до 26%), не сохранился, и в 2012 году доля таких респондентов всего на 1% превышает показатель 2004 года. К 2012 году количество представителей элит, поддерживающих три различные концепции широкого определения национального интереса, практически сравнялось.

В зависимости от подхода к определению национальных интересов России отличается и отношение респондентов к перспективам объединения Российской Федерации с Украиной и Белоруссией. Сторонники ограничения сферы российских интересов пределами государственной территории в меньшей степени, чем все остальные, поддерживают идею объединения России, как с Украиной, так и с Белоруссией, выступая за независимое развитие этих трех стран. Этот показатель значительно выше у сторонников других концепций национального интереса, однако наблюдается значительное снижение сторонников объединения для всех групп респондентов.

В рамках анализа внешнеполитических установок представителей элит представляется интересным рассмотреть, как менялись их взгляды на важность роли различных акторов в формировании российского внешнеполитического курса.

Сфера интересов России

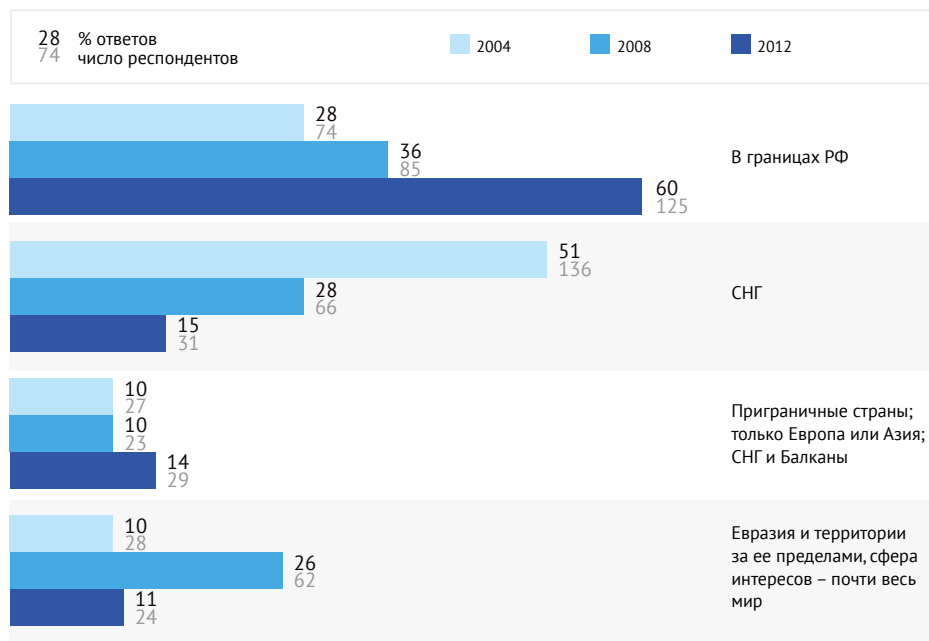

Таблица 2.2.1

Как видно из Таблицы 2.2.3, опросы среди элит показывают, что Президент страны, по мнению респондентов, является самой влиятельной фигурой, определяющей формирование основных векторов внешней политики. Причем, с середины девяностых годов возрос показатель, определяющий степень влияния главы государства на принятие важнейших внешнеполитических решений. Следующим по значимости, по мнению респондентов, является Министерство иностранных дел; оценка влиятельности МИД также значительно выросла на протяжении последнего десятилетия (на 0,9). Показатель влияния Министерства обороны на формирование курса российской внешней политики немного ниже аналогичного показателя для Министерства иностранных дел.

Согласно опросам, представители бизнес-элит чуть менее значимы в качестве субъектов, влияющих на принятие решений в сфере российской внешней политики, однако уровень их влиятельности значительно возрос в течение десятилетия с 1995 года. Члены Государственной думы,

главы российских регионов и политические партии, по мнению представителей элит, менее заметно влияют на формирование внешнеполитического курса страны; наименее влиятельным фактором оказалось мнение общественности.

Если обратиться к вопросу о роли военной силы в международных отношениях (см. График 2.2.2), то здесь наблюдается несколько иной тренд: с течением времени количество людей, считающих, что военная сила является решающим фактором международных отношений, возрастает.

Что касается поколенческих различий, то оказывается, что наиболее «воинственной» является группа, включающая людей, родившихся между 1951 и 1960 годами включительно. Почти половина респондентов, принадлежащих к этой когорте, в опросе 2012 года оценили роль военной мощи в международных отношениях как решающую. Когорта 1961–1970 годов также демонстрирует относительно высокий уровень приверженности силовым

Распределение вариантов «4» и «5» при ответе на вопрос о том, нужно ли объединяться России с Украиной или Белоруссией*

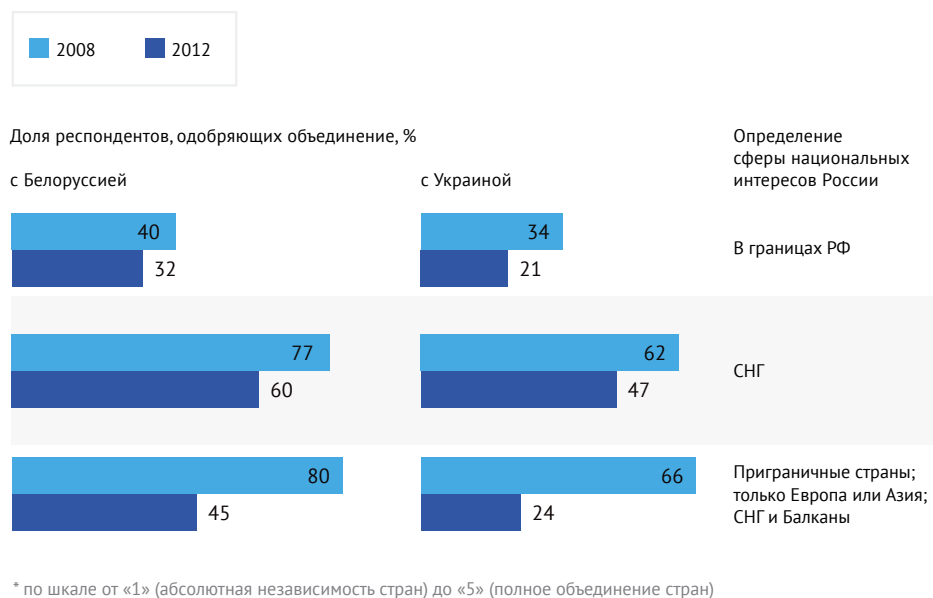

Таблица 2.2.2

Президент страны, по мнению респондентов, является самой влиятельной фигурой, определяющей формирование основных векторов внешней политики

методам (около 35%), тогда как лишь 21% самых младших респондентов в последней волне ответили соответствующим образом.

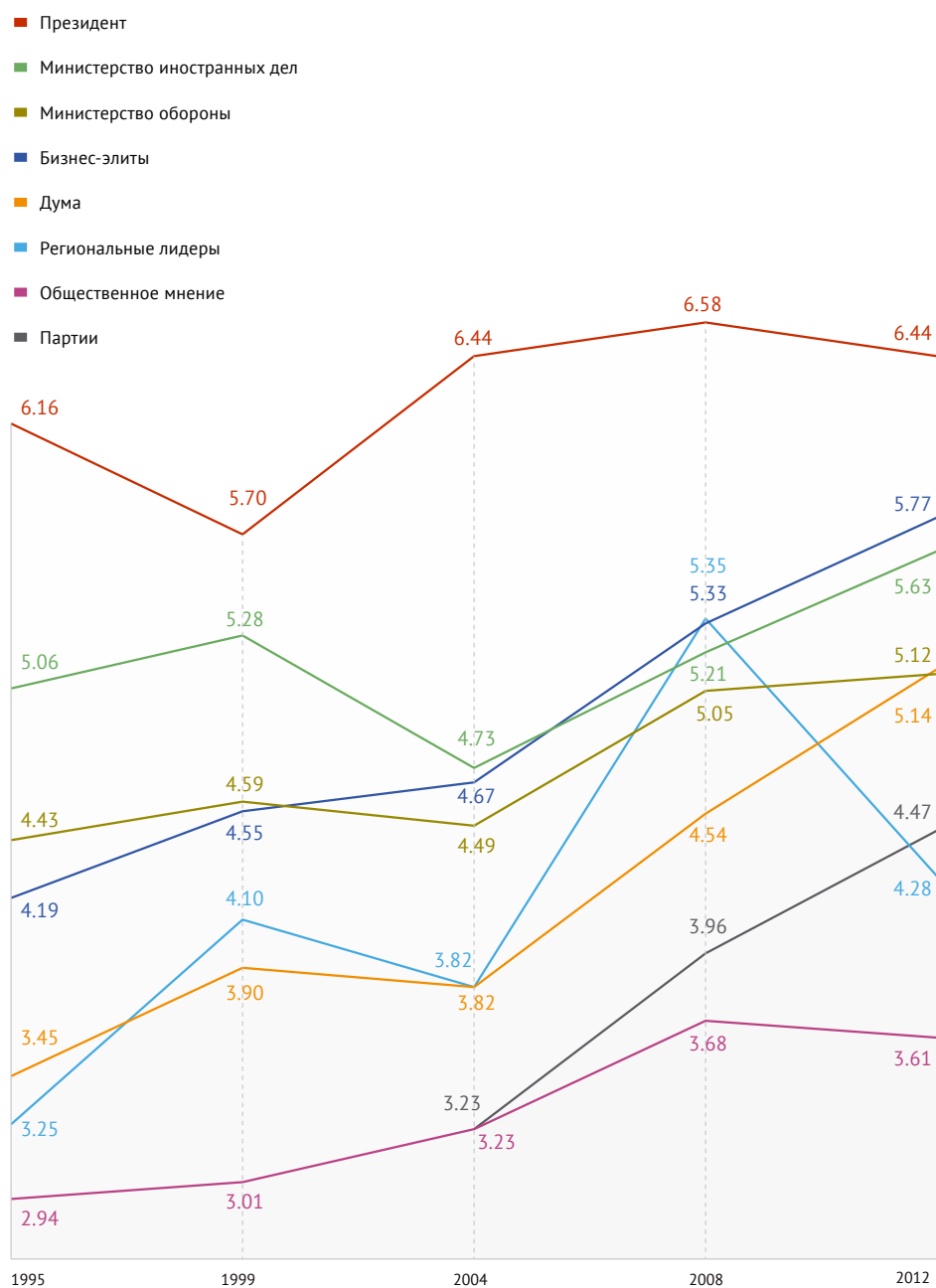
То, каких взглядов представители элит придерживаются относительно определения сферы национальных интересов страны, может во многом предопределять их отношение к допустимости использования военной силы за рубежом как с целью оказания помощи, так и ради защиты собственных интересов. Все рассматриваемые группы элит более склонны к военной поддержке стран СНГ, чем любых других государств. Однако лица, считающие, что сфера национальных интересов России ограничивается государственными границами, в меньшей степени,

чем остальные, считают возможность применения военной силы приемлемой в том случае, если та или иная страна обратилась с просьбой об оказании военной поддержки.

Группа представителей элиты, утверждающих, что сфера национальных интересов России должна распространяться далеко за пределы Евразии, практически на весь мир, в 2008 году полагала, что России стоит использовать вооруженные силы при условии поступления просьбы об оказании такого рода помощи; в меньшей степени они поддерживали использование военной силы для защиты национальных интересов страны, как на территории СНГ, так и за ее пределами. Однако к 2012 году значительно возросло количество респондентов из этой группы, выступающих за силовые методы защиты интересов по всему миру.

Интересно, что те, кто поддерживал самое узкое определение национальных интересов

Оценка степени влияния различных акторов на российскую внешнюю политику*

* по 7-балльной шкале

Таблица 2.2.3

Ключевые факторы международных отношений: данные по пяти когортам

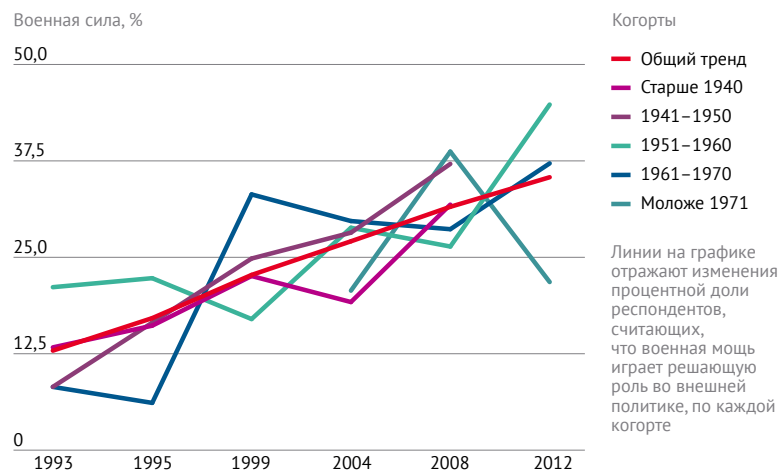

График 2.2.2

С течением времени количество людей, считающих, что военная сила является решающим фактором международных отношений, возрастает

страны (в рамках российских границ), в 2008 году в большей степени, чем остальные представители элит, считали необходимым использование силы для защиты интересов россиян без географических ограничений. Однако к 2012 году их число примерно сравнялось с долей таких респондентов в других группах, кроме последней.

Это интересное наблюдение, объяснение которого неочевидно. Некоторые авторы предполагают, что здесь весьма важную роль может играть развитие этноцентризма среди российской элиты. Так, похожий механизм ранее был описан Романом Шпорлюком [Szporluk, 1988], который противопоставлял интернациональные по своему духу империи и преследующие ограниченные внешнеполитические цели национальные государства. В данном случае мы видим, что для тех, кто в целом придерживается локальной концепции национального интереса, единственной

оправданной целью применения военной силы является защита русских, т.е. интерес «нации» как народа ставится выше интереса «нации» как государства. С другой стороны, как будет показано далее (Раздел 2.3), этноцентризм положи-

тельно коррелирует с широкой концепцией национального интереса, что заставляет усомниться в приемлемости аргументации Шпорлюка для объяснения данного феномена.

В целом, за четыре года ощутимо выросло число людей, которые поддерживают легитимное использование военной силы на территории бывших советских республик. Также резко возросла доля респондентов, которые выступают за приемлемость использования военной силы, из группы с наиболее широким видением сферы российских интересов.

Мы видим, что в отношении двух ключевых измерений внешнеполитической деятельности в среде российской элиты наблюдаются два несовпадающих тренда. С течением времени все больше респондентов воспринимает Россию как региональную, а не мировую державу: в этом аспекте

Причины использования военной силы России за рубежом: процент респондентов, согласных с указанными утверждениями и считающих их легитимными

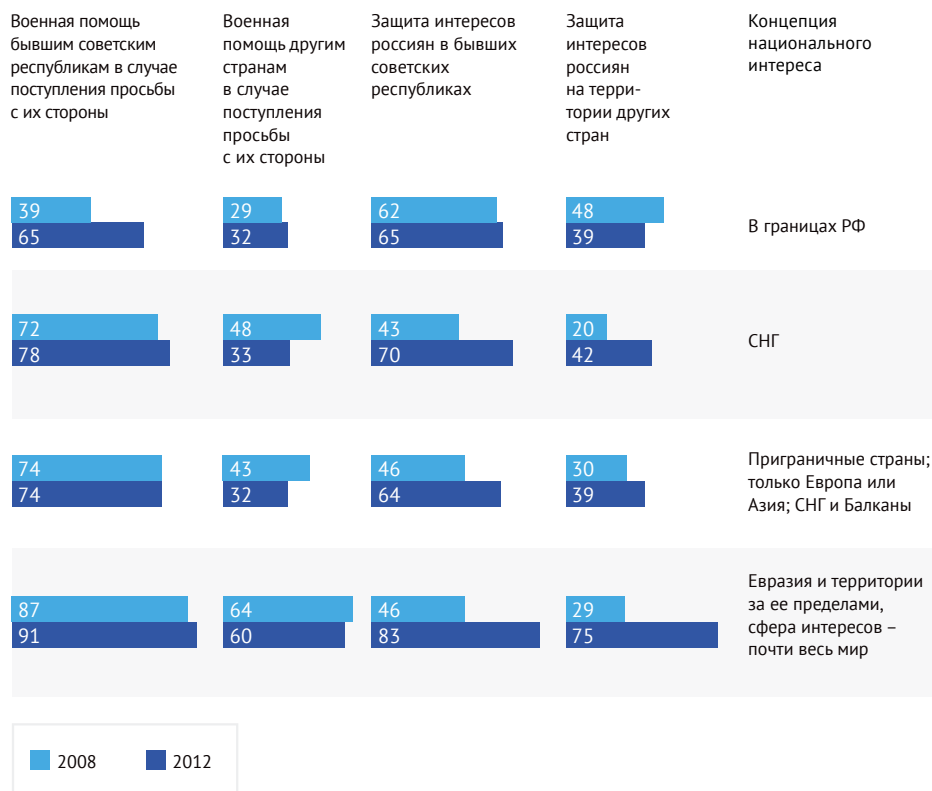

Таблица 2.2.4

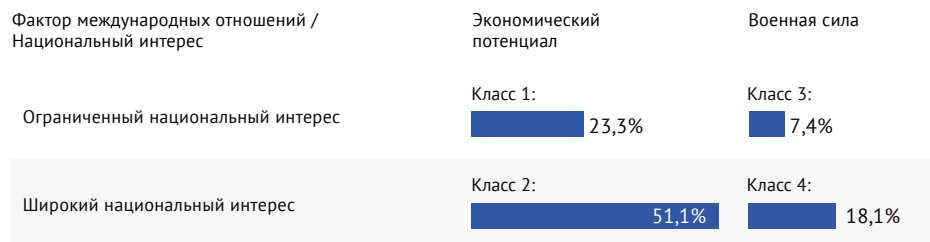
заметны и серьезные изменения между 2012 годом и 1990-ми годами, и различия между старшими и младшими когортами. С другой стороны, все больше представителей элиты считают, что военная сила является решающим фактором международных отношений, хотя рост числа приверженцев этой позиции не является таким резким, как в случае с определением сферы национальных интересов. Тем не менее, в 2012 году уже треть от общего числа опрошенных высказала свое согласие с этой позицией.

На первый взгляд, расхождение в динамике позиций элит по рассматриваемым измерениям внешнеполитических установок представляется контринтуитивным: приверженность широкому определению сферы

национальных интересов на практическом уровне подразумевает активную и даже агрессивную внешнюю политику, направленную на экспансию в различных регионах мира. В свою очередь, экспансионистские устремления, как правило, ассоциируются с убеждением в том, что именно вооруженные силы выступают пассивным или активным образом в качестве ключевого элемента проведения внешней политики. Таким образом, изменения позиции по одному вопросу должно повлечь и соответствующее изменение позиции по другому вопросу.

Тем не менее, данные показывают, что тренды по этим двум измерениям различаются. Это заставляет предположить, что в глазах представителей высших кругов российского общества цели и средства про-

Классификация респондентов по внешнеполитическим установкам

Общее количество наблюдений = 1291 (без пропущенных значений).
Число пропущенных значений = 130

Таблица 2.2.5

ведения внешней политики воспринимаются относительно независимо друг от друга. Иное объяснение этого факта можно сконструировать в рамках уже упомянутой выше концепции Романа Шпорлюка – вполне возможно, что сейчас среди российской элиты происходит переход от имперского сознания к доминированию националистической идеологии и сопряженной

основным фактором, определяющим положение страны в мировой политике, является все же ее экономический, а не военный потенциал. Соответственно, наше базовое допущение о наличии связи между широким определением национального интереса и позитивной оценкой роли военной мощи не подтверждается (коэффициент корреляции в данном случае близок к нулю).

Сейчас среди российской элиты происходит переход от имперского сознания к доминированию националистической идеологии и сопряженной с ней повышенной агрессивностью

с ней повышенной агрессивностью. Чтобы лучше оценить сопутствующие изменения позиций отечественной элиты относительно сферы национального интереса и ключевых факторов международной политики, мы построили двумерную классификацию участников опроса, разделив всех респондентов на четыре группы.

Из Таблицы 2.2.5 видно, что большая часть респондентов считает, что, даже учитывая, что сфера интересов России простирается за пределы ее собственной территории,

Однако представленная таблица не совсем точно отражает положение дел в последних по времени волнах: мы уже видели, что в 2012 году резко выросло число респондентов, воспринимающих Россию как региональную державу (более 5%), тогда как доля этой группы в общей выборке составляет всего лишь около 30%. Для того чтобы учесть временные изменения по двум измерениям внешнеполитических установок, мы построили график, отражающий колебания численности выделенных классов в отдельных волнах опроса (График 2.2.3).

Данный график отчетливо показывает, что на протяжении пятнадцати лет соотношение численности классов, представленных в Таблице 2.2.5, в общих чертах сохранялось. Респонденты, принадлежащие к классу 2 («широкое понимание национального

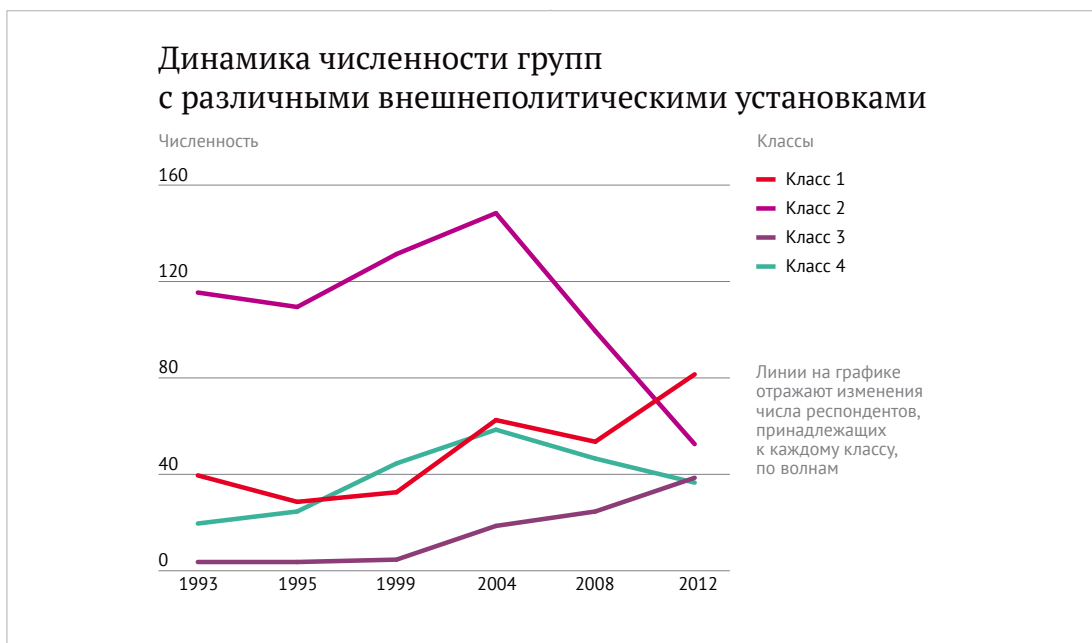

График 2.2.3

По результатам анализа установок российских элит относительно оценки сферы национальных интересов России и роли военной силы в международных отношениях можно заключить, что наблюдается явная поляризация внешнеполитических предпочтений респондентов

интереса/акцент на экономический потенциал»), составляли подавляющее большинство в пяти первых волнах исследования Циммермана.

Ситуация начала меняться после 2004 года, и в последней волне наиболее распространенной категорией стал класс 1 («локальная концепция национального интереса/акцент на экономический потенциал»). Однако доминирование этого класса является не столь значительным, как у класса 2 в предыдущие годы. В целом, в 2012 году респонденты распределены по классам достаточно равномерно; обращает на себя также постепенный рост численности класса 4 («широкое понимание национального

интереса/акцент на экономический потенциал»), который объединяет индивидов с наиболее агрессивным видением внешней политики. Таким образом, можно заключить, что сейчас среди российской элиты представлены различные типы взглядов на проблематику международных отношений, при этом ни один класс не доминирует. Это свидетельствует о том, что сегодня среди элиты нет консенсуса

относительно приоритетных внешнеполитических целей и средств их достижения.

Таким образом, по результатам анализа установок российских элит относительно оценки сферы национальных интересов России и роли военной силы в международных отношениях можно заключить, что наблюдается явная поляризация внешнеполитических предпочтений респондентов. Исходя из этого, можно сделать ряд выводов относительно динамики изменения анализируемых установок, а также предположить, как эти трансформации будут воздействовать на внешнеполитический курс России. Соответствующий прогноз будет представлен в третьей части отчета.

2.3. Внешнеполитические установки и психологические черты представителей элит

Роль индивидуальных психологических черт в политике изучена достаточно подробно. В то же время, в сфере международных отношений, где безраздельно властвует подход, основанный на теории рационального выбора с ее акцентом на объяснение в терминах максимизации, полезности и стратегического мышления, роль психологических факторов изучена не столь подробно. Важным фактором, ограничивающим ученых, работающих в этом направлении, является труднодоступность данных: получить доступ к высокопоставленным политикам, которые отвечают за внешнюю политику, представляется весьма сложной задачей [Tetlock, 1981]. В работе эта проблема решается с помощью использования данных, полученных в ходе шестой волны опроса российских элит под руководством Циммермана (по поводу использования этих данных в исследовании процесса формирования внешнеполитических установок см.: [Zimmerman, 2002]).

Анализ воздействия психологических факторов на внешнеполитические установки российских элит основан на результатах опроса, в ходе которого в сентябре-октябре 2012 года было опрошено 240 человек. Респонденты представляли органы исполнительной власти, Федеральное Собрание, Вооруженные силы и органы правопорядка, бизнес, государственные предприятия, научные учреждения и средства массовой информации.

В рамках исследования по этому направлению был сформулирован следующий набор гипотез.

Во-первых, учитывая опыт исследования связи между психологическими характеристиками и различными формами идеологических установок, было выдвинуто предположение, что:

(H1) индивиды, демонстрирующие более высокий уровень личностного авторитаризма, будут занимать более агрессивные внешнеполитические позиции.

Кроме того, была выдвинута гипотеза, что:

(H2) более консервативные индивиды будут более негативно относиться к Соединенным Штатам и поддерживать концепцию широкого определения национального интереса России.

Представляется, что люди с ярко выраженными националистическими или этноцентристскими убеждениями также будут выступать за агрессивную, имперскую внешнюю политику. Соответственно, третья гипотеза была сформулирована следующим образом:

(H3) высокий уровень этноцентризма связан с «ястребиными» взглядами.

Основными объяснительными переменными в данном контексте выступают этноцентризм, персональный авторитаризм (измеряемый через индекс, составленный на основе вопросов по ценностям в воспитании детей), а также когнитивная закры-

тость. Для изучения влияния этих факторов на формирование внешнеполитических установок был проведен факторный анализ индикаторов, отражающих психологические характеристики представителей элиты, а также исследование связей между внешнеполитическими установками и латентными переменными, выражающими те или иные психологические особенности респондентов, с помощью моделирования структурными уравнениями.

В базе данных, сформированной по результатам опроса, имеется определенное число пропущенных значений. Как уже было указано выше, это предоставляет нам некоторую информацию об установках респондентов (см. Раздел 2.1). С другой стороны, это составляет некоторое неудобство для исследователя – так как паттерны пропущенных значений не совпадают между переменными, это означает, что нельзя сравнивать угнезденные модели по критериям хи-квадрат, информационному критерию Акаике или байесовскому критерию, так как число наблюдений в модели будут зависеть от включения той или иной переменной. В этом случае регрессионные модели, хотя и сформированные из угнезденного набора переменных, по факту не могут считаться угнезденными.

Чтобы избежать затруднений с применением регрессионного анализа, связанных с наличием в базе данных пропущенных значений, таблица переменных была заполнена с помощью метода множественной импутации, воплощенного в пакете *mi* для статистической программной

среды R группой соавторов под руководством Эндрю Гельмана, профессора Колумбийского университета [Yajima et al., 2011]. В результате была получена возможность напрямую сравнивать объяснительный потенциал моделей, включающих различные переменные, по тем или иным показателям качества регрессионных оценок, таким как информационный критерий Акаике (AIC: [Akaike, 1974]) или байесовский информационный критерий (BIC: [Schwartz, 1978]).

Согласно теоретическим предсказаниям были отобраны пять индикаторов внешнеполитических установок российских элит (все указанные переменные являются бинарными):

- Определение респондентом сферы геополитических интересов России: является ли таковой весь мир или же национальный интерес страны лежит непосредственно внутри ее территориальных границ (Q1).
- Восприятие респондентом роли военной силы в международных отношениях: понимается ли военная мощь как основополагающий фактор или же как вспомогательный инструмент проведения внешней политики (Q2).
- Отношение к США, традиционному геополитическому конкуренту СССР, а затем России: является ли внешняя политика США угрозой для интересов России или нет (Q11).
- Отношение респондента к военной операции международных сил в Ливии (Q15).
- Отношение респондента к возможной военной операции международных сил в Сирии (Q16).

На следующем этапе был проведен факторный анализ зависимых переменных. Изначально предполагалось, что за ними стоит одна латентная переменная, которую можно было бы обозначить как «внешнеполитические установки». Однако факторные модели, построенные с применением статистического пакета Mplus, показали, что исходное допущение оказалось неверным: из пяти отобранных индикаторов значимая связь наблюдается только между восприятием действий международного сообщества по отношению к Ливии и Сирии. Соответственно, было принято решение проверять базовые гипотезы по отдельности для каждой зависимой переменной.

На основе вопросов, отражающих отношение людей к представителям национальных и религиозных меньшинств, был сконструирован индекс этноцентризма, включающий четыре компонента: отношение к мусульманам, отношение к жителям Кавказа, отношение к евреям и отношение к трудовым мигрантам. В различных моделях тестировались две версии этого индекса: в обычных регрессиях использовалось арифметическое среднее для оценок по указанному четырем аттитюдам (измеренным с помощью так называемого «термометра чувств» – шкалы со значениями от 1 до 100, отражающей оценку респондентом представителей иной группы). При применении моделирования структурными уравнениями данный индекс трактовался как латентная переменная. В обоих случаях индекс этноцентризма продемонстрировал значительную предсказательную силу и оказался статистически значимым.

2.3.1. Индекс этноцентризма = $((A1 + A2 + A3 + A4)/4)/100$,

где **A1-4** – значения упомянутых выше четырех компонентов. Индекс приведен к шкале от 0 до 1.

Для построения индекса личностного авторитаризма был предпринят факторный анализ вопросов, отражающих так называемые родительские ценности респондентов, или ценности воспитания детей (parenting values). Оказалось, что на основе имеющихся данных выделить факторы по родительским ценностям не представляется возможным. Вместе с тем, в методологической литературе ставится под сомнение сама возможность применения факторного анализа к данным такого типа, как переменные по родительским ценностям, а именно, ипсативным данным. Ипсативность – это такое свойство распределения, при котором средняя оценка (или, что в данном случае эквивалентно, сумма оценок) по группе вопросов является константой независимо от конкретных наблюдаемых значений случайной величины. В связи с этим оценки, получаемые в результате анализа, оказываются несостоятельными. К сожалению, существующие способы работы с ипсативными данными оказались неприменимыми в данном случае в силу использованной в анкете системы кодировки (конкретно – из-за отказа авторов опросника от методики принудительного ранжирования родительских ценностей), поэтому было принято решение проверить в регрессионных моделях альтернативный индекс авторитаризма, сконструированный не на основе взвешивания соответствующих переменных по факторным нагрузкам, а путем

арифметического сложения показателей по семи переменным, априори выбранным согласно теоретическим предсказаниям, которые можно обнаружить в литературе [Kohn, 1977; Stenner, 2005].

Для построения индекса авторитаризма были использованы следующее индикаторы родительских ценностей: ответственность, повиновение и религиозность как индикаторы консервативного полюса ценностной шкалы, которые могут быть интерпретированы также как индикаторы личностного авторитаризма, и самовыражение, толерантность, воображение и независимость как индикаторы другого полюса. Индекс представляет собой разницу арифметических средних для оценок, набранных респондентом по каждому из индикаторов, входящих в две указанные группы (из средней оценки консервативного полюса вычитается среднее по либеральным ценностям). Получившийся индекс аппроксимируется графиком функции нормального распределения и может быть использован в качестве предиктора в регрессионной модели.

2.3.2. Личностный авторитаризм = $(X1 + X2 + X3)/3 - (Y1 + Y2 + Y3 + Y4)/4$,

где $X1-X3$ – значения по индикатором консервативных установок, а $Y1-Y4$ – по индикаторам либеральных установок, перечисленных выше.

Набор объяснительных переменных также включает вопрос относительно допустимости/непозволительности существования нескольких идеологий (Q18.4), который трактовался как индикатор ментальной ригидности (закрытости). Также в качестве независимых переменных в базовую модель были включены следующие переменные:

- оценка собственной способности влиять на принятие внешнеполитических решений;
- доверие;
- групповая принадлежность (респондент представляет военную, законодательную, исполнительную, деловую, научную, либо медиа элиту);
- политические пристрастия (голос за Путина);

- членство в КПСС;
- возраст;
- пол;
- образование.

Так как зависимые переменные являются бинарными, то для их анализа использовалась логистическая регрессия в пакете R (индекс этноцентризма как агрегированный показатель). Чтобы проверить, имеется ли разница в эффекте между переменной по этноцентризму, замеренного с помощью агрегированного индекса, и соответствующей латентной переменной, регрессионные модели были также проверены с использованием моделирования структурными уравнениями в программе Mplus.

Результаты регрессионного анализа представлены в Приложении 2. Мы видим, что личностные характеристики являются значимыми предикторами внешнеполитических установок, правда, их эффект может быть разнонаправленным. Так, этноцентризм положительно связан с широкой концепцией национальных интересов, а также с негативным отношением к вторжению в Ливию, но при этом люди с высоким уровнем этноцентризма считают, что экономическое процветание является более значимым фактором, обуславливающим внешнеполитический статус, нежели вооруженные силы. Кроме того, они также в целом более мягко настроены по отношению к политике США. Те респонденты, которые разделяют авторитарные родительские ценности, в свою очередь, также склонны широко трактовать сферу национального интереса РФ и негативно относиться к вторжению в Ливию и возможной военной операции в Сирии; при этом, как и этноцентристы, они не склонны видеть угрозы во внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов. Но представители этой категории все же делают акцент на роли вооруженных сил в отношениях между суверенными государствами. Ментальная закрытость также является значимой объяснительной переменной, которая повышает вероятность негативного отношения к США, широкой трактовки геополитических интересов страны и принятия тезиса о решающей роли военной мощи

в мировой политике, но при этом уменьшающей неприятие интервенций в Сирию и Ливию.

Потребность в порядке увеличивает оценку роли вооруженных сил, а также негативное отношение к операции в Ливии, но при

она была убрана на предварительном этапе, поэтому в таблицу не попала).

В целом, можно сделать вывод о том, что наше базовое предположение подтвердилось – персональные психологические характеристики оказывают влия-

ние на выбор целей и средств международной политики. Конечно, обнаруженные нами эффекты требуют дальнейшего рассмотрения, чтобы прояснить вопросы, возникающие в связи с разнонаправленностью эффектов, однако несомненно то, что выявленные закономерности могут с успехом использоваться для предсказания внешнеполитического курса той или иной страны, причем не только России.

Персональные психологические характеристики оказывают влияние на выбор целей и средств международной политики. Выявленные закономерности могут с успехом использоваться для предсказания внешнеполитического курса той или иной страны

этом отрицательно связано с концепцией национального интереса. Любопытно, что профессиональная принадлежность элиты практически не играет никакой роли; образование проявляется частично – так, среди людей, закончивших военные или административные ВУЗы, больше респондентов, высоко оценивающих роль вооруженных сил. Возраст и пол также почти не значимы в приведенных моделях (хотя в случае с полом объяснение весьма простое: подавляющее большинство опрошенных – мужчины). Единственный значимый эффект возраста – это повышение вероятности того, что респондент ставит экономику выше военной мощи в сравнении факторов мировой политики. Отметим, что такая переменная, как голосование за Путина, также оказалась незначимой (из модели

2.4. Отношение к США в России – сравнение элиты и масс

В современных исследованиях антиамериканизма выделяют два различных аспекта антиамериканских настроений, разница между которыми, как это формулируют П. Катценштайн и Р. Кеохейн [Katzenstein & Keohane, 2007], может быть в первом приближении выражена как разница между оценками того, как США действуют, и тем, что Америка есть на самом деле. Иными словами, первый тип антиамериканизма касается отношения к американской внешней политике, тогда как второй связан с восприятием американского образа жизни, американцев и Америки в целом. В настоящем исследовании речь идет о первом типе установок по отноше-

нию к США, а именно, восприятию внешней политики Америки. Базовым вопросом для нижеследующих статистических выкладок является вопрос о том, считают ли респонденты, что США представляет угрозу для России, или нет.

Основным массивом данных для анализа установок в отношении Соединенных Штатов является также агрегированная база, составленная на основе результатов шести

ставляет особой угрозы, то уже в начале 2000-х больше половины респондентов, как среди элиты, так и среди масс, видели в Америке потенциальную угрозу. И даже в 2012 году, несмотря на относительно большой спад антиамериканских настроений, во всех когортах этот показатель существенно выше уровня 1993 года.

Вместе с тем, обращает на себя внимание нелинейность тренда. Так, на графике, построенном по материалам Циммермана, есть два пика – 1999 и 2008 годы. Вероятно, всплеск антиамериканизма в указанные периоды можно объяснить, сославшись на международный контекст: эти даты совпадают с моментами наивысшей конфронтации между Москвой и Вашингтоном после окончания холодной войны, войной в Косово и бомбардировками Сербии, а затем войной в Южной Осетии. Обострение националистических чувств и, как следствие, неприязни к потенциальному противнику во время войн или периодов международной напряженности – хорошо изученный феномен; представляется, что он является достаточным объяснением указанных пиков [Mueller, 1970].

Это также подтверждается данными других опросов общественного мнения, которые проводились в России в различные годы. Так, данные опросов ВЦИОМ, которые приводят Лев Гудков [Гудков, 2002] и Эдуард Баталов [Баталов, 2003] отчетливо показывают, что во время операции НАТО в Сербии в России случился массовый всплеск антиамериканизма. Другие

С течением времени антиамериканизм среди элиты возрастает

волн опросов представителей политических, экономических, военных и культурных элит, проводившихся в рамках проекта по изучению российских элит, осуществляемого Уильямом Циммерманом.

На Графике 2.4.1 отражена динамика восприятия представителями различных российских элитных групп США как угрозы по всем шести волнам опроса Циммермана. Для анализа возрастных различий все респонденты были разбиты на пять когорт: родившиеся до 1940 года включительно, родившиеся между 1941 и 1950 годами, между 1951 и 1960-м, между 1961 и 1970-м, а также появившиеся на свет после 1970 года.

Отчетливо видно, что с течением времени антиамериканизм среди элиты возрастает. Если в начале 1990-х годов во всех когортах большинство считало, что США не пред-

Восприятие США как угрозы: данные по шести волнам опроса российских элит

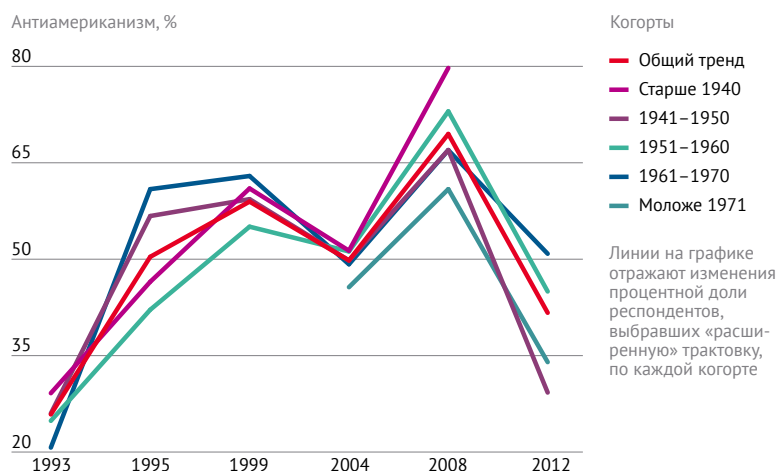

График 2.4.1

данные Левада-центра, которыми пользуется Р. Андреев [Андреев, 2011], еще более отчетливо отражают тот факт, что пики антиамериканизма среди российского населения приходятся на периоды международной напряженности: на графике, приводимом в его работе //График также доступен по адресу <http://www.levada.ru/press/2008092501.html> (дата обращения 15.01.2013). См. Рисунок 1// видно, что самые прохладные чувства по отношению к США россияне испытывали в такие моменты (помимо Косово), как вторжение США и союзной коалиции в Ирак, война в Осетии, а также во время Олимпиады в Солт-Лейк-Сити (которая запомнилась, среди прочего, несколькими допинговыми скандалами с участием российских спортсменов). Соответственно, динамика, которую мы наблюдаем на графике по материалам опросов элиты, вполне соотносится с общероссийскими тенденциями и может быть привязана к традиционному объяснению пиков 1999 и 2008 годов (а также 2001 и 2003 годов) для массовых опросов.

При этом следует отметить, что хотя в следующих за кризисными временными периодах – 2004 и 2012 годах соответственно – наблюдается снижение антиамериканских настроений, в целом уровень антиамери-

канизма в 2012 году значительно выше, чем в 1993. Более того, этот тренд сохраняется, даже если мы посмотрим на динамику изменения отношения к США среди отдельных когорт. Что особенно интересно, наибольшие различия в восприятии Америки как угрозы между различными временными периодами демонстрирует группа респондентов, родившихся в 1961–1970 годах. Если в 1993 году они были наиболее про-американски настроенной когортой, то в 2012 году подавляющее большинство представителей этой когорты считали, что США представляет угрозу для России.

В целом, можно было предположить, что респонденты, относящиеся к поколению 1960-х годов (из которого вышли многие политики, стоявшие у истоков либеральных реформ в постсоветской России), должны демонстрировать более либеральные и, в частности, в большей степени проамериканские взгляды. Однако наблюдается противоположная ситуация. В других когортах рост антиамериканизма был не таким резким, но, тем не менее, также имел место. Почему со времени окончания холодной войны антиамериканизм в России только возрастает? То, что наиболее резкий рост антиамериканских настроений в России случился в середине

1990-х, позволяет предложить для объяснения этого феномена гипотезу «рессентимента». Она предполагает, что причиной роста антиамериканизма стало разочарование в итогах либеральных реформ начала последнего десятилетия XX века, когда предполагалось, что США окажет значительную помощь России в построении новой экономической и политической системы, чего на самом деле не случилось. Более подробно эта гипотеза будет проанализирована ниже.

Причиной роста антиамериканизма стало разочарование в итогах либеральных реформ начала последнего десятилетия XX века

В менее крупных масштабах рост неприязни по отношению к США продолжился и в 2000-х, хотя тренд в данном случае является нелинейным, и всплески антиамериканизма на протяжении этого периода, скорее всего, зависят от контекстуальных особенностей российско-американских отношений. Однако в 2012 году наблюдается значительное снижение антиамериканизма. Объяснение последнего факта не является однозначным. Изменение отношения элитных групп к США может, с одной стороны, быть связано с обнаруженными нами ранее сдвигами в оценке сферы геополитических интересов России (согласно данным Циммермана, все больше представителей элиты с течением времени склонны воспринимать Россию как региональную, а не мировую

державу), а с другой, может свидетельствовать о нарождающемся расколе в среде элит по данному вопросу.

Чтобы оценить сходства и различия в динамике настроений элит и масс, мы сравнили данные Циммермана с данными «Нового русского барометра». На Графике 2.4.2 представлены общие тренды изменения установок по отношению к США среди элит и среди масс (ломанные линии отражают изменение выраженной в процентах доли респондентов, считающих, что США представляет угрозу для России). Мы видим, что в обеих базах данных наблюдается один и тот же тренд – постепенный рост с пиками в 1999–2000 годах и 2008–2009 годах и снижением в начале 2000-х.

Определенную проблему для интерпретации может представлять тот факт, что даты конкретных волн не совпадают для двух исследований. Поэтому мы убрали некоторые соседние волны в исследовании Роуза; в частности, мы убрали волну 1994 года (к тому же в ней были пропущены данные по возрасту респондентов, что не позволяло учесть эту волну при анализе когортных различий), а также вторую волну 2000 года. Так как данные Роуза, находящиеся в открытом доступе, ограничены 2009 годом, то на графике данные по опросу элит также приведены без учета последней волны (2012 год).

Несмотря на схожесть трендов, между графиками существует также и одно суще-

График 2.4.2

ственное различие, которое заключается в том, что среди элит антиамериканизм распространен в большей степени — соответствующая линия на всем протяжении расположена выше линии, отражающей настроения масс. Кроме того, среди элит рост антиамериканизма начался раньше, чем среди масс. Это наблюдение также согласуется и с данными других исследователей; так Андреев [2011; ср. также: Понарин, 2001] считает, что до 1999 года вряд ли можно говорить о систематическом антиамериканизме среди российского населения, тогда как на графике мы видим, что 50-процентный барьер антиамериканизма в элитной группе преодолел уже в 1995 году (среди остального населения негативные установки по отношению к США стали превалировать только в середине 2000-х).

Чтобы проверить наличие соответствующего эффекта для наиболее статусных респондентов опроса Роуза, мы построили отдельный график, отражающий временные изменения в отношении к США для людей с наличием высшего образования (График 2.4.3) в сравнении с остальным населением. Данный график показывает, что между двумя этими группами существуют некоторые различия: среди

респондентов с высшим образованием негативное отношение к США распространено в несколько большей степени.

Если сравнить когортные различия (График 2.4.1 и График 2.4.4), то мы обнаружим, что на обоих графиках наблюдается наибольший рост антиамериканизма среди когорты 1961–1970 годов на протяжении всего периода наблюдений: и по данным Роуза и по данным Циммермана представители этой когорты были среди наиболее проамерикански настроенных в 1993 году, тогда в последний временной период (соответственно в 2009 и 2012 годах) доля респондентов, считавших, что США представляет угрозу для России, в этой когорте был самым высоким. Кроме того, тренды по остальным когортам также в общих чертах совпадают.

В целом, можно заключить, что оба массива данных отражают один и тот же тренд распространения антиамериканизма среди населения России. Вместе с тем, очевидно, что среди элит антиамериканские установки встречаются чаще.

Даже разница в уровне антиамериканизма между элитами и группой людей с высшим образованием остаётся достаточно

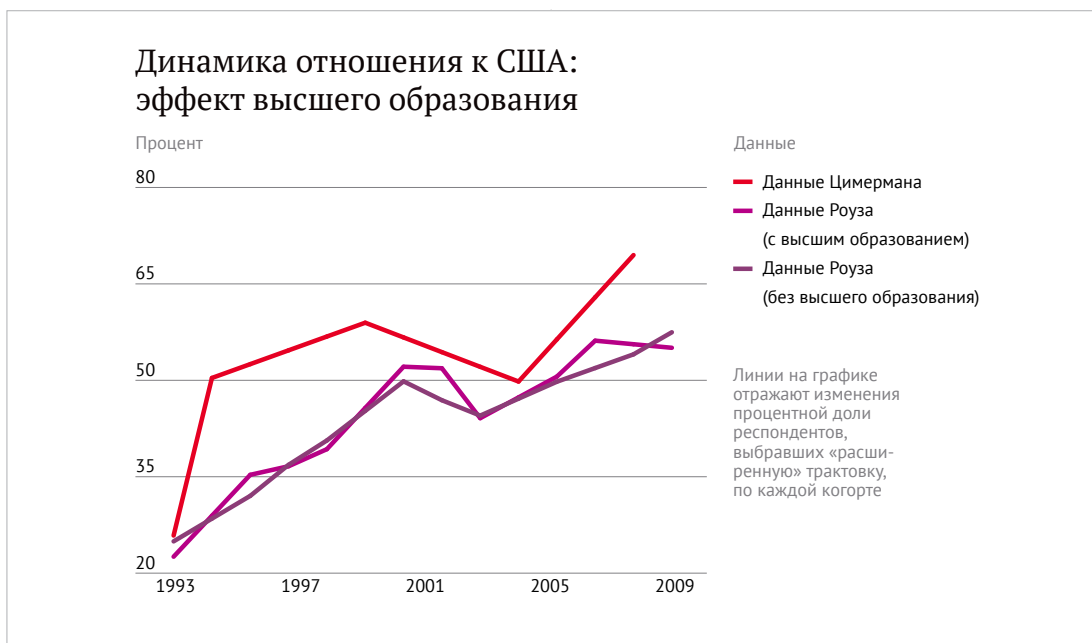

График 2.4.3

Среди респондентов с высшим образованием негативное отношение к США распространено в несколько большей степени

большой. Все же, сам факт того, что наличие образования повышает уровень антиамериканизма (что также подтверждается результатами регрессионного анализа), показывает, что различия между элитами и массами в этом аспекте существуют. С одной стороны, это можно объяснить с помощью уже упомянутой гипотезы рессентимента: уровень разочарования в последствиях перестройки среди элит, которые в силу образованности и высокого социального статуса имели более высокие ожидания относительно перспектив реформ, был выше, чем среди масс, что вылилось затем в резкое ухудшение отношения к США. Эта гипотеза, в частности, подтверждается с помощью регрессионной модели, которая будет описана ниже.

Дополнительным объяснением разницы в отношении к Соединенным Штатам, наблюдаемой между элитами и остальным

населением, могло бы послужить часто высказываемая гипотеза о том, что мнение населения России относительно США подвержено воздействию пропаганды, поэтому оно меняется вслед за официальной позицией Кремля [Shlapentokh, 2011]. Однако

против такой интерпретации говорит то, что амплитуда колебаний мнений элиты (График 2.4.2) между отдельными волнами значительно выше, чем у населения в целом, пусть даже промежутки между волнами для исследования Циммермана несколько больше; это свидетельствует о большей устойчивости массовых atti- тудов по сравнению с установками представителей высших слоев российского общества.

Эффект «рессентимента»

В настоящем исследовании для объяснения роста антиамериканизма предлагается гипотеза, основанная на идее «рессентимента», предложенной Лией Гринфельд в её классической работе «Национализм: пять путей к модерну» [Greenfield, 1992; Гринфельд, 2008]. Само понятие «рессен-

Динамика отношения к США: данные по пяти когортам («Новый русский барометр»)

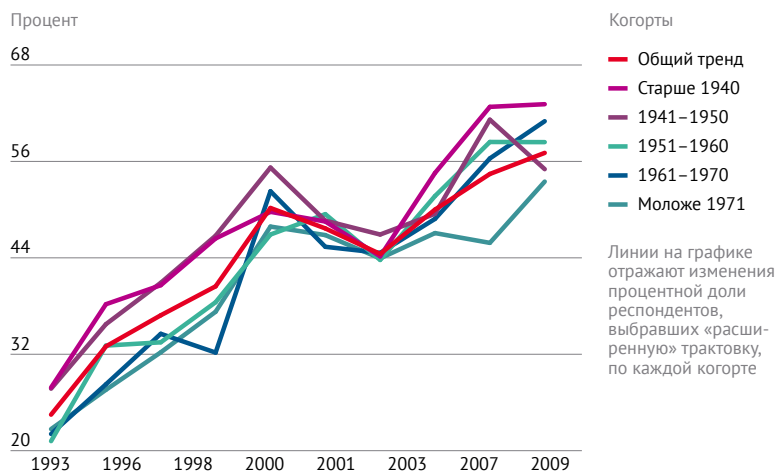

График 2.4.4

тимент» было введено Фридрихом Ницше в его работе «Генеалогия морали» и затем разработано в социологическом контексте Максом Шелером. Изначально этот термин использовался для обозначения ситуации, при которой позитивная ориентация на некоторый объект, стремление к обладанию им, сталкивается с невозможностью его достижения; это ведет к тому, что позитивное чувство трансформируется в отрицание какой-либо ценности первоначальной цели. Гринфельд адаптирует концепцию «рессентимента» для объяснения формирования националистических идеологий в Европе в XVIII–XIX веках. С помощью этого термина она обозначает феномен формирования негативных установок национальной элиты, а затем и масс, по отношению к какой-либо другой стране, которая прежде служила образцом для развития. По мысли Гринфельд, эффект рессентимента проявляется следующим образом: в одной стране опыт реформ, проведенных в другой, сначала воспринимается как образцовый, но если заимствование этого опыта не приводит к достижению поставленных целей, то у населения развивается своего рода комплекс неполноценности, перерастающий в агрессивный национализм и неприязнь к государству, бывшему ранее образцом.

Следуя теории Гринфельд, мы предполагаем, что наблюдаемое на материалах опросов изменение установок российского населения, в частности, представителей элит, по отношению к США обусловлено крахом надежд на улучшение общей социально-экономической ситуации с переходом от социалистической к рыночной системе, а также к новой форме правления. Во время перестройки представители младших поколений с оптимизмом смотрели в будущее; США представлялись своего рода ориентиром для изменений в стране [Левада, 1990; Kagarlitsky, 2002; Shlapentokh, 2011]. Кроме того, на волне эйфории, вызванной окончанием холодной войны, Америка воспринималась как будущий союзник и партнер, который мог бы сделать многое для улучшения ситуации в России.

Резкое снижение уровня жизни и другие проблемы, вызванные реформами начала 1990-х годов, во многом поубавили оптимизма у сторонников демократии и рыночной экономики. Разочарование этих групп населения, в первую очередь, отразилось на отношении к Соединенным Штатам, которые, вопреки надеждам приверженцев либеральной идеологии, практически ничего не сделали для того, чтобы привести Россию в «светлое будущее».

Рост недоверия и враждебности по отношению к США, который наблюдается в данных социологических опросов, стал естественным следствием крушения надежд времен перестройки. Осознав, что Россия не стала в одночасье полноправным членом

умонастроений этой категории во многом совпадает с трактовкой рессентимента, предлагаемой в настоящем исследовании. По словам Баталова, среди приверженцев этой позиции «немало вчерашних прозападников, которые еще совсем недавно взирали на Европу и особенно на Америку, людей, связывавших скорое возрождение России и ее вступление в цивилизованный мир с поддержкой (бескорыстной поддержкой!) со стороны Запада во главе с США...». Эти люди перешли от восхищения Америкой к её критике, когда стало очевидно, что никто не собирается принимать Россию в сообщество западных государств.

Неспособность соответствовать образцу, заданному политическими и экономическими институтами западных демократий, вызвала последующее отторжение этих ценностей

западного мира, что переход к демократии и рынку сопряжен со множеством проблем, которые западные партнеры не собирались решать, многие политики поспешили обвинить в этом Соединенные Штаты. Неспособность соответствовать образцу, заданному политическими и экономическими институтами западных демократий, в первую очередь, конечно, США, вызвала последующее отторжение этих ценностей, равно как и страны, их олицетворяющей.

Похожие идеи уже высказывались исследователями, изучавшими антиамериканизм в России. Так, описывая различные позиции, существующие в российском обществе по отношению к западному миру в целом и США в частности, Эдуард Баталов [Баталов, 2003] выделил отдельную категорию «разочарованных». Описание

В пользу этой гипотезы можно также найти достаточно свидетельств, если обратиться к анализу риторики российских политиков или публичных интеллектуалов. Однако факты подобного рода могут отражать лишь эволюцию индивидуальных взглядов; наличие нескольких ярких примеров «рессентимента» не может быть расценено как доказательство того, что этот эффект имел место в масштабах всей страны. В этой связи необходимо подтверждение сформулированной идеи с помощью статистического анализа и использования данных социологических опросов.

Основные проблемы, возникающие при попытке найти количественное подтверждение гипотезы «рессентимента», заключаются в следующем.

Во-первых, необходимо найти эмпирические индикаторы, адекватно отражающие различные аспекты понятия ressentiment. Во-вторых, обязательным условием подобного исследования является контроль временных и поколенческих изменений: можно допустить, что по мере экономического роста, который начался в России после кризиса 1998 года, эффект разочарования должен ослабевать. Однако на графиках мы видим, что рост антиамериканизма в 2000-е годы, невзирая на очевидные экономические успехи, достигнутые в период президентства Путина, продолжился. Соответственно, следует допустить, что с течением времени на отношение российских граждан к США стали воздействовать также и другие факторы.

Мы предполагаем, что после прихода к власти Владимира Путина, использующего в определенной степени антиамериканскую риторику и старающегося воссоздать образ России как ведущей силы в мировой политике, оценка ситуации в стране может иметь обратное воздействие на отношение к США. Люди, считающие, что страна идет верным курсом, могут негативно воспринимать США в силу воздействия образа «оранжевой угрозы», которая может разрушить достигнутое при Путине благосостояние.

В соответствии с приведенными выше аргументами, мы формулируем следующий набор гипотез:

(H1) разочарование в экономических и политических изменениях, происходя-

щих в России, обуславливает формирование антиамериканских настроений.

Так как в России с конца 1990-х годов начался экономический рост, то можно предположить, что эффект ressentiment будет наблюдаться только для первого десятилетия постсоветского этапа развития страны.

(H2) Разочарование в текущей ситуации является значимым предиктором отрицательных установок по отношению к США до 2000 года. После 2000 года фактором, питающим антиамериканизм, становится положительная оценка текущего политического и экономического курса, проводимого правительством.

Так как в опроснике Циммермана отсутствуют индикаторы, отражающие оценку респондентом текущего состояния дел в стране, которые позволили бы проследить динамику изменения этой переменной с течением времени, а также ее влияние на отношение респондентов к США, то для проверки гипотезы о росте антиамериканизма в результате воздействия эффекта ressentiment этих данных недостаточно. Поэтому мы дополнили базу Циммерманна данными «Нового русского барометра». В сферу анализа были включены только данные по двенадцати волнам с 1992 по 2009 годы (июнь-июль 1993 года, март-апрель 1994 года, январь 1996 года, июль-август 1996 года, март-апрель 1998 года, январь 2000 года, апрель 2000 года, июль-июль 2001 года, июль 2003 года, январь 2005 года, апрель 2007 года, июль 2009 года). Это вызва-

но тем, что результатов последних двух волн – 2011 и 2012 годов – нет в открытом доступе, кроме того, не во все волны был включен базовый для нашего исследования вопрос, отражающий отношение респондента к США.

В качестве зависимой переменной используется ответ на следующий вопрос (в отношении США): «По вашему мнению, какая-то из этих стран представляет серьезную

категории «Серьезная угроза» (Big threat)/ «Некоторая угроза» (Some threat) были объединены в категорию «Угроза» (Threat), а категории «Незначительная угроза» (Little threat)/ «Никакой угрозы» (No threat at all) были объединены в категорию «Никакой угрозы» (No threat).

В качестве независимых переменных были выбраны индекс разочарования и индекс уверенности. Как уже было отмечено, чтобы оценить, имеет ли место эффект рессентимента, необходимы адекватные индикаторы разочарованности граждан в результатах реформ 1990-х годов. Такие индикаторы можно обнаружить в базе данных, сформированной по результатам «Нового русского барометра». В частности, во всех волнах этого исследования респондентам задавался вопрос относительно их оценки текущей экономической и политической ситуации в стране, а также их оценки экономической и политической ситуации в стране до перестройки и их прогноза относительно экономической и политической ситуации, которая будет иметь место в России через пять лет.

На основании данных индикаторов достаточно просто сконструировать переменные, отражающие оценку респондентом уже произошедших реформ (сравнение советского строя и текущей ситуации), а также уверенность в перспективах текущего политического курса (сравнение текущей ситуации и прогноза на пять лет). Первый показатель, как представляется, можно

Ностальгия по Советскому Союзу является одним из основных факторов, обуславливающих антиамериканские настроения среди российской молодежи

угрозу, некоторую угрозу, незначительную угрозу или никакой угрозы миру и безопасности в этом обществе?»

Изначально в опроснике «Нового русского барометра» предлагаются четыре варианта ответа (за исключением волн 1993 и 1994 годов). Вместе с тем, в опроснике Циммермана для оценки восприятия респондентом США как угрозы используется похожий вопрос, который, однако, предполагает только два варианта ответа (равно как и в первых волнах «Нового русского барометра»). Чтобы сделать данные двух исследований сравнимыми, мы перекодировали данные Роуза, дихотомизировав переменную «Негативное отношение к США»:

Формула индекса разочарования:**2.4.1**

$$\text{Disappointment.ec} = (((\text{epast} - \text{epres}) / (((\text{epres} + \text{epast}) / 2) + 0.1)) + ((\text{epres} + \text{epast}) / 2))$$

2.4.2

$$\text{Disappointment.pol} = (((\text{ppast} - \text{ppres}) / (((\text{ppres} + \text{ppast}) / 2) + 0.1)) + ((\text{ppres} + \text{ppast}) / 2))$$

2.4.3

$$\text{Disappointment} = (((\text{Disappointment.ec} + \text{Disappointment.pol}) / 2) + 1.205556) / 3.5$$

Формула индекса уверенности:**2.4.4**

$$\text{Conf.ec} = (((\text{efut} - \text{epres}) / (((\text{epres} + \text{efut}) / 2) + 0.1)) + ((\text{epres} + \text{efut}) / 2))$$

2.4.5

$$\text{Conf.pol} = (((\text{pfut} - \text{ppres}) / (((\text{ppres} + \text{pfut}) / 2) + 0.1)) + ((\text{ppres} + \text{pfut}) / 2))$$

2.4.6

$$\text{Confidence} = (((\text{Conf.ec} + \text{Conf.pol}) / 2) + 1.204412) / 3.5,$$

где epast/ppast , epres/ppres , efut/pfut обозначают соответственно оценки положения дел в экономической и политической системе до перестройки, в настоящий момент времени и через пять лет. Disappointment.ec и $\text{Disappointment.pol}$ – частные индексы разочарования по экономическому и политическому измерению, Conf.ec и Conf.pol – частные индексы разочарования уверенности в правильности выбранного курса по экономическому и политическому измерению. Disappointment и Confidence представляют собой общие индексы разочарования и уверенности.

использовать для операционализации одного из аспектов ressentiment, а именно – разочарования в выбранном идеале. Реформы 1990-х годов, как уже не раз отмечалось выше, проводились в соответствии с либеральными идеалами Вашингтонского консенсуса, поэтому разочарование в этих реформах (более высокая оценка советского строя по сравнению с нынешним) может воздействовать и на отношение к соответствующей политике в целом, равно как и к странам, ее олицетворяющим. Кроме того, как обнаружили Мендельсон и Гербер [Mendelson&Gerber, 2007], ностальгия по Советскому Союзу является одним из основных факторов, обуславливающих антиамериканские настроения среди российской молодежи. Таким образом, представляется вполне оправданным использовать этот показатель в качестве предиктора негативных установок по отношению к США; разница оценок советского строя и текущего положения дел, на наш взгляд,

вполне адекватно отражает «ностальгию» или «разочарование».

Уверенность в правильности выбранного курса может в свою очередь рассматриваться как фактор, снижающий или повышающий уровень ressentiment в зависимости от официальной позиции Кремля. Если респондент предполагает, что в будущем ситуация улучшится, то он в большей степени склонен поддерживать проводимую правительством политику и те идеалы, которые за ней стоят, что в принципе согласуется с данными предыдущих исследований. В частности, Мендельсон и Гербер сообщают, что принадлежность к прокремлевскому молодежному движению «Наши» существенно повышает вероятность негативного отношения к США.

Индикаторы разочарования и уверенности конструировались следующим образом. Сначала оценки по всем трем измерениям

(прошрое/настоящее/будущее) были приведены к шкале от 0 до 1. Затем были посчитаны четыре индекса, отражающие соответственно экономическое и политическое разочарование и экономическую и политическую уверенность. Для индексов разочарования для каждого респондента была посчитана разница между его оценкой советского строя и восприятием текущей ситуации. Для индексов уверенности, соответственно, оценка текущей ситуации вычиталась из оценки будущего.

Чтобы учесть в индексе не только разницу, но и абсолютные значения составляющих его переменных (так как можно предположить, что нулевая разница при низких оценках по отдельным компонентам может иметь несколько иной смысл, нежели нулевая разница при высоких оценках), соответствующие индексы были разделены на арифметическое среднее составляющих его компонентов плюс 0,1 (одна десятая была добавлена во избежание появления нулевых значений в знаменателе), и к получившемуся значению опять было прибавлено среднее компонентов индекса.

Итоговые индексы разочарования и уверенности представляют собой арифметические средние частных показателей по экономическому и политическому измерению, приведенные к шкале от 0 до 1. Оба индекса нормально распределены; максимальное значение обоих индексов означает, соответственно, максимальное разочарование и максимальную уверенность.

Для проведения исследования выделено пять возрастных когорт: люди 1940-го года

рождения и старше, родившиеся между 1941-м и 1950-м, между 1951-м и 1960-м, между 1961-м и 1970-м годами, а также люди, родившиеся после 1970-го года.

Дополнительная категориальная переменная – время (по количеству проведенных опросов).

Контрольные переменные:

- пол: бинарная переменная, опорная категория – мужчина;
- занятость: безработный или нет;
- место проживания: село или город;
- социальный статус: высокий или низкий (вопрос используется для того, чтобы выделить в общей массе респондентов условных представителей элиты). Индикатор социального статуса не был включен в первые волны опросов «Нового русского барометра»; модели, в котором используется данная переменная, основаны на результатах десяти волн опросов, начиная с января 1996 года;
- образование: бинарная переменная с опорной категорией «отсутствие высшего образования». Используется как альтернативный индикатор принадлежности к элите.

Как уже было показано выше, мы проверили, насколько сравнимы могут быть данные по двум разным исследованиям Циммермана и Роуза и сделали вывод, что в целом оба массива данных отражают один и тот же тренд распространения антиамериканизма среди населения России. Соответственно, выводы, полученные с помощью статистического анализа данных одного исследования, можно с определенными

оговорками применить и для интерпретации закономерностей, которые наблюдаются в материалах другого.

Для проверки наших гипотез мы предприняли статистический анализ данных массовых опросов «Нового русского барометра». Сначала мы использовали бинарную логистическую регрессию для того, чтобы оценить, влияют ли разочарование и/или уверенность в правильности выбранного курса на антиамериканизм (Модель 1а). Затем мы проверили, изменяется ли, как изначально предполагалось, эффект рессентимента со временем (Модель 1б). Для этого в модель были добавлены интерактивные эффекты между разочарованием/

Чтобы выяснить, изменяется ли воздействие рессентимента с течением времени, мы также построили модель, которая оценивает интерактивные эффекты между индикаторами рессентимента и временем опроса (также представлена в Таблице 1 в Приложении 3). Из нее мы видим, что воздействие разочарования уменьшилось в середине 1990-х годов, и после этого оставалось более-менее стабильным; соответственно, можно сделать вывод, что воздействие разочарования было наибольшим в период сразу после распада Советского Союза и проведения радикальных экономических реформ. Первый опрос в рамках «Нового русского барометра» состоялся летом 1993 года, когда многие негативные

последствия реформ были уже очевидными. В дальнейшем этот эффект уменьшался, но также оставался значимым.

Что касается эффекта уверенности в правильном курсе, то наиболее сильным его воздействие на установки по отношению к США было

во второй половине 1990-х годов. Для этого периода наблюдаются наиболее высокие коэффициенты интеракций, что означает более сильный эффект по сравнению с опорной категорией (1993 год). В 2000-х годах эти коэффициенты были примерно на таком же уровне, как и в начале 1990-х. Вероятнее всего, это связано с тем, что общее число сторонников антиамериканских взглядов со временем выросло; поэтому дисперсия зависимой переменной уменьшилась, таким образом, усиления наблюдаемого эффекта не произошло. Это также объясняет и постепенное снижение воздействия разочарования на антиамериканизм в России.

Наконец, была построена общая модель, в которую мы включили все предполагаемые предикторы антиамериканизма (представлена в Таблице 2 в Приложении 3 (модель 2а)). Согласно этой модели, эффекты разочарования и уверенности остаются устойчивыми при добавлении контрольных переменных. Разочарование все так же ведет к усилению антиамериканских взглядов, в то время как уверенность

Воздействие разочарования было наибольшим в период сразу после распада Советского Союза и проведения радикальных экономических реформ

уверенностью в правильности курса и временем. Наконец, было проверено, устойчив ли этот эффект рессентимента (без интеракций со временем) при включении контрольных переменных. Модель 2а также позволяет нам оценить наличие значимых межпоколенческих различий и проверить, насколько влияют на отношение к США такие показатели, как социальный статус и образованность. Также мы построили еще одну модель, чтобы объяснить обнаруженные различия в эффектах образования и статуса (Модель 2б).

В самой простой из построенных моделей (см. Таблицу 1 в Приложении 3) имеются всего лишь два предиктора: индекс разочарования и индекс уверенности в правильности выбранного курса. Обе переменные являются статистически значимыми, однако эффект их является различным: как и предполагалось, разочарование значительно повышает вероятность восприятия США в качестве угрозы, в то время как положительная оценка перспектив развития страны ассоциируется с более-менее терпимым отношением к Америке.

в правильности выбранного курса, напротив, снижает градус антиамериканизма, что является еще одним свидетельством в пользу гипотезы Н1, которая гласит, что разочарование в экономических и политических изменениях, происходящих в России, обуславливает формирование антиамериканских настроений.

Что касается эффекта социодемографических переменных, здесь можно отметить следующие интересные моменты. Во-первых, оказалось незначимым место проживания респондента (город/село). Наличие постоянной работы также оказалось незначимым предиктором негативных установок по отношению к США, хотя эта переменная имеет значения Z-value и p-value, близкие к пороговым (1,78 и 0,07 соответственно); таким образом, потенциально она может рассматриваться как один из факторов, влияющих на отношение к США.

Среди младших поколений антиамериканизм распространен в меньшей степени

Далее мы видим, что женщины намного реже мужчин считают, что США являются угрозой для России. Также можно предположить, что среди младших поколений антиамериканизм распространен в меньшей степени; по крайней мере, в двух когортах (1951–1960, 1961–1970) наблюдается статистически значимое отличие по уровню антиамериканизма по сравнению с опорной категорией – когортой, родившейся до 1940 года включительно. В самой младшей когорте коэффициент также отрицательный, однако в данном случае стандартный критерий статистической значимости ($p\text{-value} < 0.05$) не соблюден.

Вместе с тем, это наблюдение противоречит тому, что мы видим на графиках 2.4.1 и 2.4.4, которые демонстрируют наиболее высокий прирост доли людей с негативными установками по отношению к США именно в когорте 1961–1970 года. На наш

взгляд, это расхождение связано с тем, что резкий рост антиамериканизма в этой группе случился в последние годы, хотя до этого она была в большей степени «проамериканской» относительно других когорт (что видно и на графиках, где линия, отражающая долю людей, считающих США угрозой, в интересующей нас когорте превышает другие возрастные графики только на самом последнем отрезке).

Наиболее интересное наблюдение, касающееся интерпретации эффектов контрольных переменных, относится к воздействию переменных «социальный статус» и «образование». Изначально предполагалось, что эти переменные могут быть использованы в качестве косвенных индикаторов принадлежности респондента к элите, соответственно, эффект обеих переменных должен быть однонаправленным. Однако мы видим, что на самом деле регрессионные коэффициенты этих переменных имеют разные знаки: наличие высшего образования повышает вероятность поддержки антиамериканских взглядов, в то время как более высокая оценка собственного социального статуса отрицательно влияет на восприятие США как угрозы. Получается, что

два индикатора одного и того же качества имеют различный эффект. Как это возможно? Следует отметить, что в базовой модели переменная «статус» является интервальной и принимает значения от 1 до 10. Вполне возможно, что здесь существует нелинейная связь. В модели 2б в Таблице 2 (приложение 3) переменная «статус» закодирована как категориальная переменная, включающая пять значений: «низший класс», «низший средний класс», «высший средний класс», «высший класс», «элита» (подкатегория, выделенная в рамках категории «высший класс»). В данном случае можно заметить, что статистически значимы различия в силе эффекта только для категорий «высший средний класс» и «высший класс», в то время как мы не можем сказать, что представители элиты действительно в меньшей степени склонны считать Америку угрозой (хотя регрессионный коэффициент действи-

тельно имеет отрицательный знак). Таким образом, мы можем предположить, что в наиболее статусной прослойке населения, которая могла быть охвачена в рамках массового опроса, антиамериканизм выше, чем среди представителей среднего класса и приближается к тому уровню, который демонстрируют респонденты опроса элит под руководством Циммермана.

В наиболее статусной прослойке населения антиамериканизм выше, чем среди представителей среднего класса

Кроме того, следует учитывать эффект субъективности, заложенный в формулировку вопроса относительно социального статуса. Наконец, сам вопрос о статусе присутствует не во всех волнах, и если данную переменную убрать из модели, то существенно ничего не изменится. Таким образом, можно предположить, что в нашем случае переменная «социальный статус» может являться не самым удачным индикатором принадлежности к элите; таким образом, ее эффект следует интерпретировать с особой осторожностью. Всё же, следует признать, что мы не можем до конца объяснить разницу в эффектах социально-го статуса и образования.

В целом, можно заключить, что гипотеза рессентимента подтвердилась по материалам анализа данных «Нового русского барометра». Вместе с тем, если мы добавим в модель интерактивный эффект рес-

сентимента и года, в которые проводился опрос, мы увидим, что в 2000-х годах воздействие рессентимента ослабевает среди всех возрастных когорт (как и предполагалось ранее). При этом эффект уверенности в правильности текущего курса, который является в том числе индикатором лояльности режиму, в целом отрицательно влияет на уровень антиамериканизма, хотя изна-

начально предполагалось, что при президентстве Путина положительная оценка текущей социально-экономической ситуации в стране должна воздействовать на отношение к США негативно, т.е. повышать антиамериканизм. Таким образом, можно предположить, что на уровень

антиамериканизма в стране в 2000-е годы влияет какой-то фактор, помимо вошедших в нашу статистическую модель. С другой стороны, вполне возможно, что рост антиамериканизма был обусловлен несколькими ситуациями острой конфронтации Москвы и Вашингтона по внешнеполитическим вопросам: Косово, Ирак, Южная Осетия. Вкупе с эффектом рессентимента негативные эмоции, вызванные этими событиями, также повысили уровень отрицательного отношения к США – хотя после пиков антиамериканизма в 1999–2000 и 2008–2009 годах наблюдался небольшой откат, но все же в целом уровень антиамериканизма не возвращался на ту отметку, на которой он находился до пикового периода. С учетом того, что индивидуальные установки являются очень инертными, то можно утверждать, что вызванные указанными ситуациями трансформации объясняют значительную часть антиамериканских настроений в России.

Другой важный результат нашего исследования антиамериканских установок заключается в том, что рост антиамериканизма среди элиты в общем предваряет рост антиамериканизма в массах (что также видно из графиков 2.4.2 и 2.4.3). Это наблюдение можно рассматривать как дополнительное свидетельство в пользу теорий, согласно которым антиамериканизм и, шире, антизападничество в России является феноменом, скорее насаждаемым сверху, нежели произрастающим с низов.

Вполне возможно, что рост антиамериканизма в 2000-е годы был обусловлен несколькими ситуациями острой конфронтации Москвы и Вашингтона по внешнеполитическим вопросам: Косово, Ирак, Южная Осетия

Результаты исследования во многом согласуются с теоретическими предсказаниями, которые давала Гринфельд и некоторые другие авторы, равно как и с мнением некоторых авторитетных публицистов, занимавшихся данным вопросом. В целом, мы склонны полагать, что гипотеза ressentimentа представляется весьма продуктивной при объяснении феномена антиамериканизма, причем не только в российском контексте, но и в сравнительной перспективе. В этой связи необходимо отметить, что надежность наших результатов может получить подтверждение при анализе межстрановых данных. В частности, определенный интерес представляет сравнение процессов, происходивших в России и других странах Восточной Европы, начавших переход к демократической политической системе практически одновременно и в похожих условиях. Известный болгарский политолог Иван Крастев отмечает, что в посткоммунистических странах отношение к США тесно связано с отношением к демократии и рынку. В частности, он утверждает, что население Восточной Европы в начале 1990-х годов «было готово принять демократию главным образом из-за того, что демократия

ассоциировалась с американской мечтой» [Krastev, 2004:11], что имело место и в России; соответственно, можно предположить, что и последующий рост антиамериканизма в этих странах был обусловлен не только ролью элит, для которых антиамериканская риторика стала одним из факторов «продажи товара» на политическом рынке, как полагает Крастев, но и ressentimentом. Если вернуться к российским реалиям, то другой исследовательской стратегией, которая могла быть послужить проверке гипотезы ressentimentа, является использование качественных методов, таких как изучение публичных выступлений представителей российской элиты или глубинные интервью по данному вопросу с отечественными политиками, общественными деятелями и учеными.

2.5. Восприятие элитами внешних и внутренних угроз безопасности страны

На основе данных опросов элит, полученных в ходе опросов под руководством Циммермана, можно оценить, какие аспекты внутренней политики Российской Федерации отечественные элиты считают наиболее проблемными, и как восприятие представителями элитных групп угроз в той или иной сфере меняется с течением времени. Анализ проводился по четырем основным направлениям, которые воспринимаются респондентами в качестве угроз: рост экономического неравенства, этнические конфликты внутри страны, рост цен и инфляция, загрязнение окружающей среды.

В Таблице 2.5.1 приведены данные, которые демонстрируют, как респонденты оценивают опасность роста экономического неравенства в период с 1993 по 2012 год (по шкале от 1 до 5 – от наименьшей угрозы к наибольшей).

Рост экономического неравенства острее всего воспринимался российской элитой во второй половине 1990-х годов, затем

Рост экономического неравенства как угроза стабильности страны

По шкале от 1 до 5 - от наименьшей угрозы к наибольшей

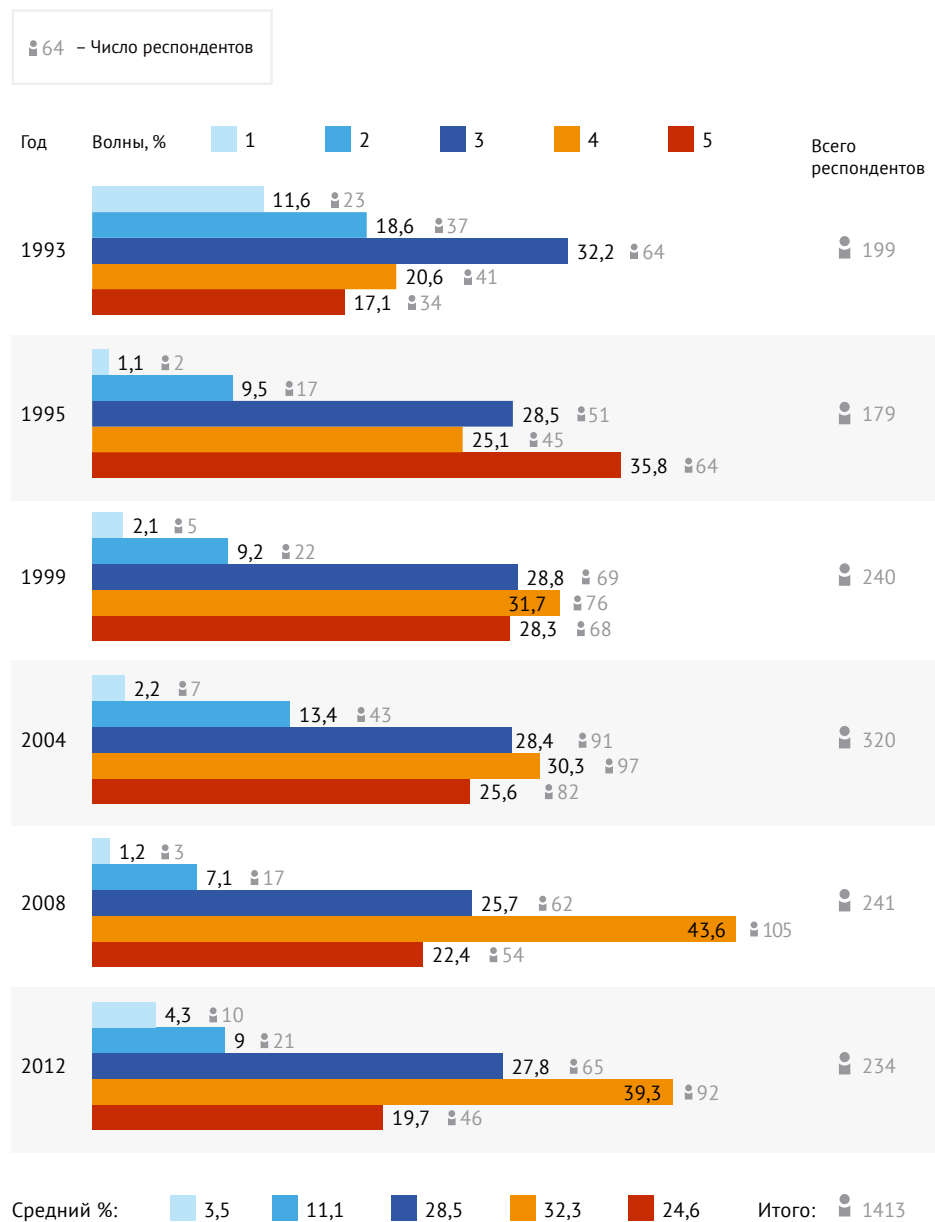

Таблица 2.5.1

наблюдается тенденция к снижению частоты присвоения данному процессу наивысшей степени угрозы. Тем не менее, самая распространенная категория ответа на данный вопрос – 4 (которую можно условно обозначить как «Повышенная опасность»); в четырех волнах из шести ее выбирал наибольший процент респондентов.

Рост экономического неравенства острее всего воспринимался российской элитой во второй половине 1990-х годов

В рамках последней волны (2012 год) более 85% респондентов ответили, что экономическое неравенство представляет как минимум некоторую угрозу для стабильности в стране (выбравшие варианты ответа 3–5), в то время как 59% считают, что неравенство представляет значительную угрозу (варианты ответа 4–5). Таким образом, можно предположить, что, несмотря на значительный рост экономики страны в 2000-х годах, российская элита по-прежнему считает, что в стране существует значительное экономическое неравенство, которое чревато социальными взрывами.

Вместе с тем, стоит отметить, что мировой кризис 2007–2008 годов, который по оценкам специалистов весьма сильно затронул российскую экономику, незначительно отразился на восприятии элитой ситуации с экономическим неравенством

в стране: число ответивших, что неравенство представляет собой очень серьезную угрозу (вариант 5) уменьшается с каждой новой волной. В 2008 году, в самый разгар кризиса, наблюдалось увеличение числа респондентов, выбравших вариант ответа 4, но к 2012 году доля подобных ответов также снизилась, хотя предостережения о наступлении второй волны кризиса были весьма распространены на протяжении всего периода между волнами. В целом, можно сделать вывод, что экономическое неравенство воспринимается элитой как серьезная проблема российского общества (что скорее всего является отголоском ситуации, сложившейся в 1990-х годах), но с течением времени острота этой проблемы для респондентов снижается.

На протяжении 1990-х годов, эпохи так называемого «парада суверенитетов», специалисты называли в качестве одной из наиболее серьезных проблем российского общества многочисленные этнические конфликты, тлевшие по всей стране и иногда превращавшиеся в полномасштабные войны. Таблица 2.5.2, которая демонстрирует, как респонденты оценивают опасность этнических конфликтов, показывает, что эти взгляды разделяли и представители элиты.

В первых трех опросах не менее 70% респондентов считали, что межэтническая напряженность представляет собой значительную угрозу внутренней стабильности, и не менее 40% опрошенных полагали, что

Межнациональные конфликты в России как угроза стабильности страны

По шкале от 1 до 5 - от наименьшей угрозы к наибольшей

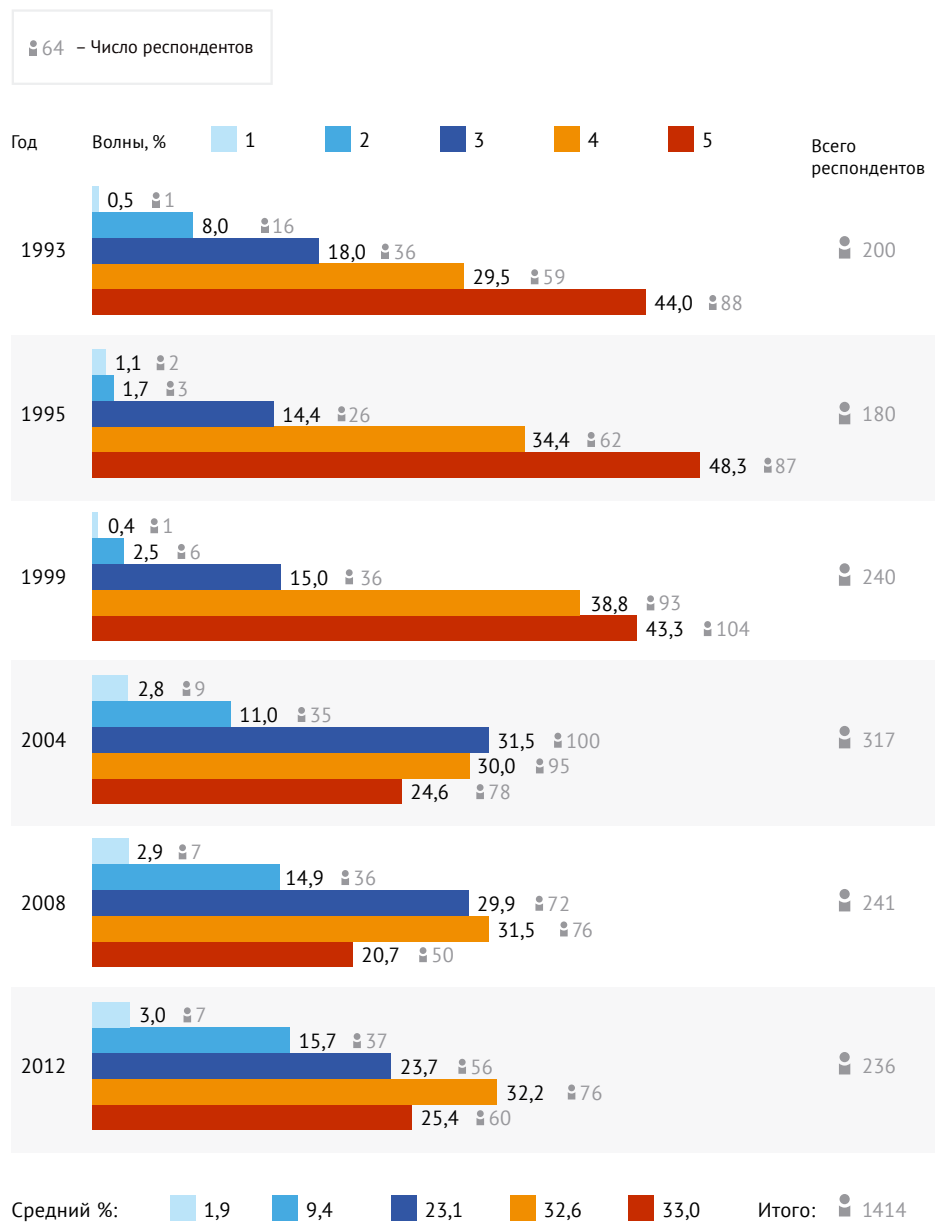

Таблица 2.5.2

данная проблема имеет наивысшую степень опасности.

Опросы, проводившиеся после прихода к власти Владимира Путина, в числе наиболее важных достижений которого называют завершение войны в Чечне и подавление сепаратистских движений в других регионах, показывают, что элиты в целом согласны с подобной оценкой. В 2000-х

продолжают воспринимать межэтнические отношения как источник серьёзных угроз.

Таблица 2.5.3 демонстрирует изменение отношения представителей элит к росту цен и инфляции и оценки уровня их опасности.

Несмотря на то, что самый высокий уровень инфляции в новейшей российской истории был зафиксирован в 1990-х, во время радикальных экономических преобразований, данные свидетельствуют о том, что наиболее остро эта проблема воспринимается элитой сегодня, в начале 2010-х годов. Максимальные значения частоты выбора вариантов 4 и 5, означающих наивысшую степень угрозы, наблюдаются именно в волне 2012 года. Совокупная частота таких ответов в опросе 2012 года составляет 69,1%, что существенно больше значения данного показателя для 1993 и 1995 годов (57,8% и 62,6%), когда инфляция в стране была очень высокой, в то время как сегодня инфляция, хотя и является достаточно значительной, но все же остается в разумных пределах (6–7% в год). Тем не менее, беспокойство элитных кругов относительно угрозы инфляции достигло очень высокого уровня и даже превышает оценку опасности этнических конфликтов и экономического неравенства для стабильности страны. Это наблюдение в некотором смысле является парадоксальным.

Тема разногласий между титульной нацией и другими этническими группами, проживающими в РФ, остаётся весьма болезненной для представителей элиты, которые продолжают воспринимать межэтнические отношения как источник серьёзных угроз

годах число респондентов, считающих межэтническую напряженность существенной или очень серьёзной угрозой, значительно снизилось. Вместе с тем, в абсолютном исчислении доля таких респондентов по-прежнему составляет более 50%. Кроме того, обращает на себя внимание тот

Беспокойство элитных кругов относительно угрозы инфляции достигло очень высокого уровня

факт, что после резкого уменьшения уровня угрозы этнических конфликтов между 1999 и 2004 годами, для последующих волн не наблюдается значительных отличий в его оценке (за исключением небольшого роста доли ответов «Наивысшая опасность» в 2012 году). Это свидетельствует о том, что тема разногласий между титульной нацией и другими этническими группами, проживающими в РФ, остаётся весьма болезненной для представителей элиты, которые

Таблица 2.5.4 показывает, что в целом элита склонна считать потенциальные проблемы в сфере загрязнения окружающей среды не слишком серьёзной угрозой. Рост беспокойства, связанный с этой темой, наблюдался в 1995 и 2008 годах, однако в 2012 году значительное большинство респондентов считало, что экологическая ситуация не представляет серьёзной угрозы. Наблюдается устойчивая тенденция к конвергенции мнений представителей элит по данному вопросу: крайние варианты со временем

Инфляция как угроза стабильности страны

По шкале от 1 до 5 - от наименьшей угрозы к наибольшей

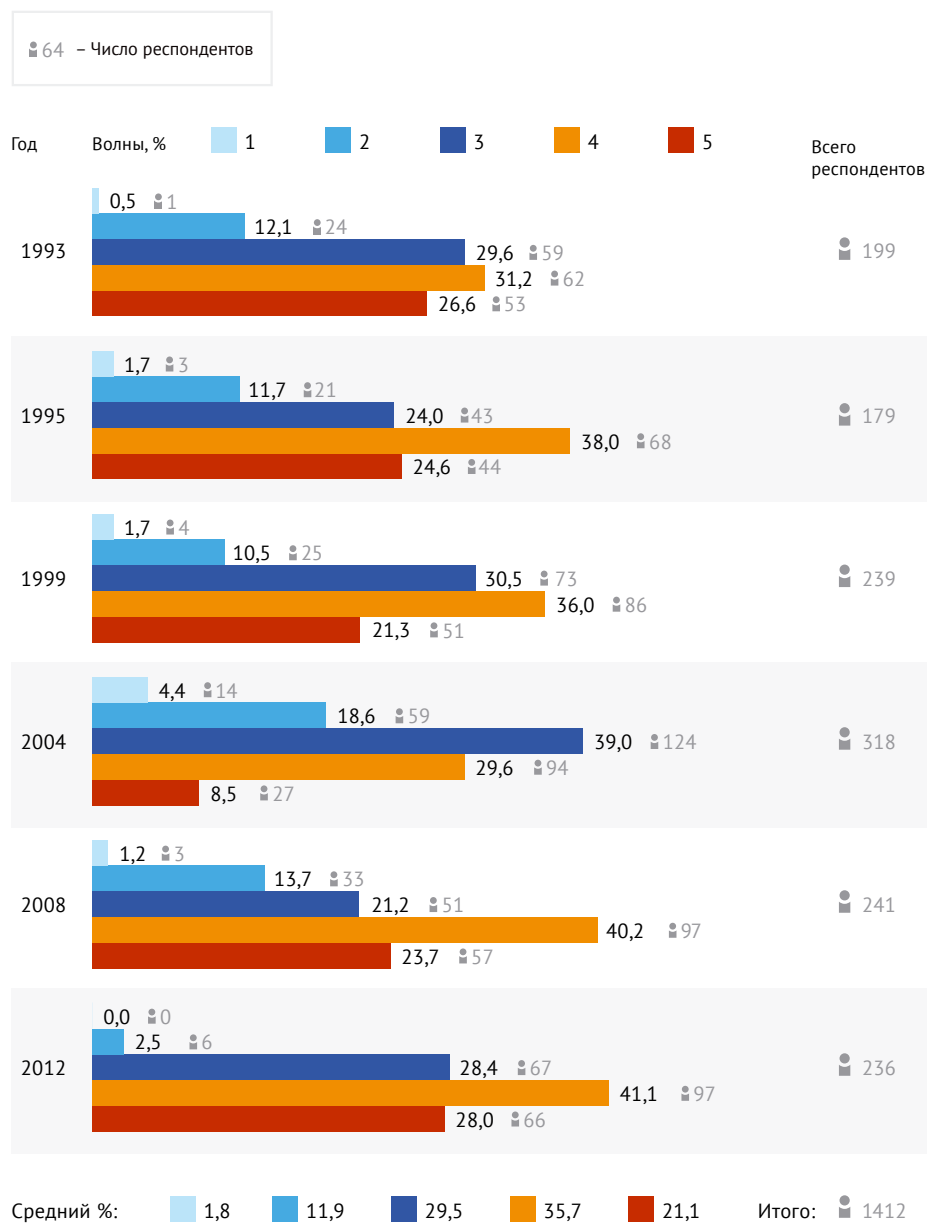

Таблица 2.5.3

Загрязнение окружающей среды как угроза для страны

По шкале от 1 до 5 - от наименьшей угрозы к наибольшей

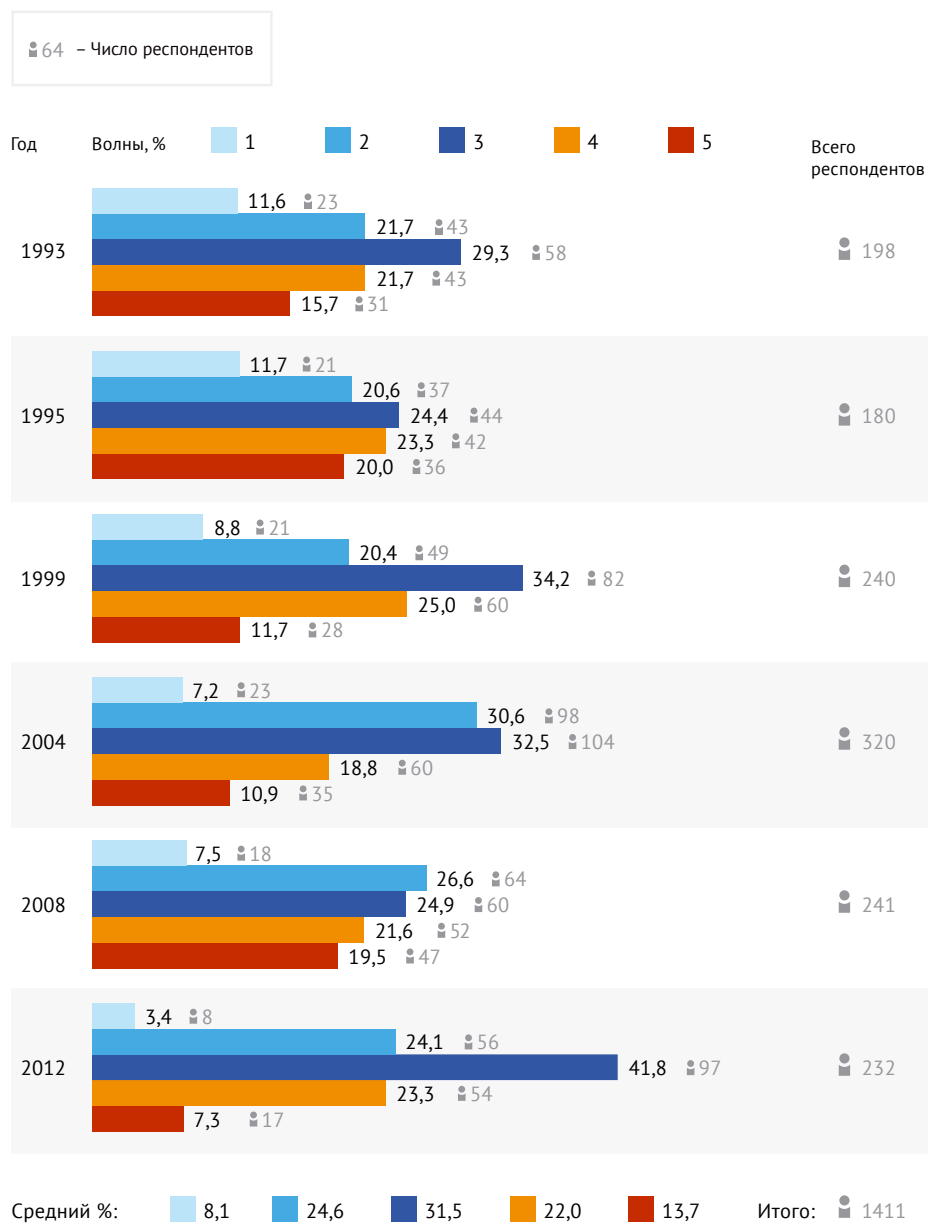

Таблица 2.5.4

выбираются реже (за исключением пика обеспокоенности в 2008 году). Таким образом, можно заключить, что экологическая проблематика не рассматривается российской элитой как источник серьезных угроз; более того, постепенно она теряет свою актуальность.

Другими проблемами, которые, по мнению элиты, представляют наибольшую опасность для внутренней стабильности и безопасности страны, являются неспособность разрешить внутренние проблемы и возможное снижение цен на нефть (более 70% респондентов отметили значительную или крайнюю степень опасности), в то время как терроризм рассматривается в качестве серьезной проблемы значительно реже – высокую степень угрозы в данной связи отметили менее 50% опрошенных (см. Приложение 4).

Экологическая проблематика не рассматривается российской элитой как источник серьезных угроз; более того, постепенно она теряет свою актуальность

Таким образом, наиболее болезненно представителями элит воспринимаются проблемы, связанные с внутренними делами России. Внешнеполитические угрозы также оцениваются как потенциально опасные, однако они считаются менее актуальными, чем проблемы в экономике или других сферах внутренней политики. Вероятно, повышенный статус внутренних проблем связан с тем, что положение России на международной арене вызывает у элитных кругов с учетом имеющейся у них информации меньшее беспокойство, нежели текущее положение дел внутри страны. Любопытно, что два наиболее тревожных направления, отмеченных респондентами – управляемость страны («Неспособность решить внутренние проблемы») и зависимость от экспорта энергоносителей («Снижение цен на нефть») – называются в качестве основных проблем современной России и многими представителями экспертного сообщества. Таким образом, можно пред-

положить, что элита достаточно реалистично оценивает сильные и слабые стороны экономической и политической системы, сложившейся в РФ на сегодняшний день.

2.6. Динамика идеологических установок элиты

Исследование российских элит Уильяма Циммермана предоставляет нам возможность оценить, как изменяются с течением времени идеологические позиции индивидов, принадлежащих к высшим кругам российского общества. Это позволит ответить на вопрос: демонстрируют ли элиты жесткий консенсус относительно базовых целей развития общества, а также средств их достижения, или же напротив, установки наиболее статусных групп постепенно расходятся, и можно говорить о росте идеологической поляризации элиты. Это так-

же позволит нам сделать некоторые выводы относительно сценариев развития политической и экономической системы РФ в течение ближайших десяти-пятнадцати лет.

В опроснике Циммермана присутствуют различные индикаторы идеологических позиций

респондентов. В каждой волне исследования анкета включала в среднем около пятнадцати соответствующих вопросов, при этом список мог меняться в различные годы. Тем не менее, десять индикаторов, описываемых ниже, присутствуют во всех волнах. Мы построили наш анализ, опираясь именно на изучение динамики позиций по этим десяти пунктам.

Формулировка вопросов одинаковая для всех десяти индикаторов: «Я зачитаю Вам некоторые утверждения, по которым существуют разные точки зрения. В какой степени Вы согласны или не согласны с каждым из них?». Данный вопрос предполагает пять вариантов ответа – от «Полностью не согласен» (1) до «Полностью согласен» (5). В сферу нашего анализа вошли индивидуальные позиции по следующим утверждениям: «В любом обществе всегда будет необходимо запрещать публичное высказывание опасных мыслей», «Права чело-

века должны быть защищены, даже если виновные люди будут иногда оставаться на свободе», «Интересы общества должны быть защищены, даже если невиновные люди будут иногда попадать в тюрьму», «Очевидно, что из всех существующих в мире философий только одна безусловно правильная», «Сталина обвиняют в том, чего он не делал», «Конкуренция различных политических партий сделает нашу систему сильнее», «Конкуренция между предприятиями, фирмами организациями

Наиболее болезненно представителями элит воспринимаются проблемы, связанные с внутренними делами России. Внешнеполитические угрозы также оцениваются как потенциально опасные, однако они считаются менее актуальными, чем проблемы в экономике или других сферах внутренней политики

пойдет на пользу нашему обществу», «Я считаю нормальной ситуацией, когда владелец процветающего предприятия, использующего труд наемных рабочих, становится богаче других людей», «Нет смысла начинать новое дело, потому что оно может провалиться», «Вся тяжелая промышленность должна принадлежать государству, а не находиться в частной собственности».

В целях удобства интерпретации индикаторы из приведенного списка можно разбить на две большие категории. Первая категория включает вопросы относительно установок по вопросам, касающимся моделей государственного управления; во вторую категорию входят индикаторы предпочтений опрошенных в сфере экономической политики. Таким образом, в целом всех респондентов можно упорядочить в двухмерном идеологическом пространстве, одно из измерений которого имеют полюсы «социализм/либерализм» (экономическое измерение), а второе — «авторитаризм/демократия».

На Графике 2.6.1 представлена динамика средних значений по каждому вопросу. Мы видим, что практически по всем вопросам наблюдается убывающий тренд: респонденты с течением времени склонны в меньшей степени соглашаться с предложенными утверждениями. Единственным исключением является отношение к государственной собственности на крупную промышленность. Вместе с тем, уровень колебаний «усредненной» позиции различается по отдельным идеологическим индикаторам. Для некоторых из них также обращает на себя внимание нелинейность тренда: так, на протяжении 1990-х годов среди элиты было достаточно распространено мнение о том, что циркулирование опасных идей в обществе должно быть запрещено, но в течение следующего десятилетия степень согласия с этим утверждением вернулась фактически к исходному уровню.

На графике также наблюдаются два периода резких понижений: после 1999 года (среднее уменьшилось для 8 пунктов) и после 2008 года (уменьшение по семи пунктам, из них — для трёх более чем на 0,5, т.е. на 10–20%). Самое большое снижение за весь период наблюдений фиксируется для убеждения в том, что права человека должны соблюдаться даже ценой того, что виновные могут избежать наказания, и для оценки воздействия политической (партийной) конкуренции на ситуацию в стране. Это свидетельствует о том, что сегодня элиты склонны в меньшей степени поддерживать идеалы либеральной демократии, нежели в прошлые годы. Также обращает на себя внимание то, что для индикаторов политических взглядов характерен больший разброс значений внутри группы: изначально более низкий и поэтому относительно стабильный уровень согласия с антилиберальными суждениями (утверждение примата единственной идеологии) либо относительно большое снижение этого показателя на протяжении исследуемого периода для пролиберальных высказываний (приоритет прав человека).

График 2.6.1

Интересно, что тренд на снижение наблюдается также и для тех индикаторов, которые в содержательном плане могут рассматриваться как противоположные друг другу (например, приоритет прав человека или общественного интереса) может означать, что на самом деле по каждому индикатору

му вопросу в различные годы. Изменение среднего значения может быть интерпретировано как показатель общего изменения тренда. Дисперсия же является мерой разброса случайной величины, показывающей, условно говоря, насколько сильно конкретные наблюдаемые значения отли-

чаются от среднего по группе. Иными словами, применительно к исследованию ценностей и установок возрастание уровня дисперсии со временем может быть индикатором расхождений в позициях респондентов. Поэтому дисперсия часто используется при попытках оценить ценностные и идеологические тренды на предмет поляризации либо конвергенции

//Необходимо заметить, что некоторые авторы возражают против использования дисперсии как показателя поляризации при работе с порядковыми переменными [Моисов&Sobel, 2001]; тем не менее, дисперсия является единственным адекватным индикатором, позволяющим в первом приближении оценить наличие тренда на поляризацию, который затем может быть проверен с помощью более

На протяжении 1990-х годов среди элиты было достаточно распространено мнение о том, что циркулирование опасных идей в обществе должно быть запрещено

могут быть два или более расходящихся тренда. Иными словами, в данном случае снижение среднего может означать, что в реальности имеет место поляризация элитных групп по различным идеологическим позициям. Для того чтобы более тщательно оценить степень расхождений между отдельными представителями элитных групп, необходимо проанализировать изменения дисперсии ответов по каждо-

График 2.6.2

сложных методов даже в случае использования порядковых индикаторов, что, в частности, признают и сами Моув и Собель//.

Сегодня элиты склонны в меньшей степени поддерживать идеалы либеральной демократии, нежели в прошлые годы

Для того чтобы задать точку отсчета для сравнения абсолютных показателей дисперсии в различные временные периоды, все переменные были стандартизованы. Таким образом, единица представляет собой условно нормальное значение дисперсии; значения больше единицы могут рассматриваться как свидетельства в пользу того, что расхождения между элитами носят достаточно значительный характер; значения меньше единицы означают, что у элит в данный момент времени наблюдается консолидированная позиция по данному вопросу.

На Графике 2.6.2 мы видим, что дисперсия по всем вопросам возрастает с течением времени, хотя динамика изменений колеблется в зависимости от конкретного индикатора. Кроме того, на графике присутствуют два пика (в которых наблюдаются наивысшие значения практически для всех линий): 2004 и 2009 годы. Вместе с тем, если посмотреть на период после 2004 года, то мы увидим, что дисперсия остается на относительно постоянном уровне только для трех переменных: отношение к экономической конкуренции, отношение к допустимости использования наемного труда для личного обогащения и приоритет прав человека. Кроме того, в случае утверждений о примате общественных интересов и несправедливости обвинений в адрес Сталина наблюдается некоторое снижение вариабельности оценок. Самый резкий рост дисперсии произошёл в позициях по вопросам о существовании единственной верной философии, перспективам предпринимательской деятельности и роли партийной конкуренции. Обращает на себя внимание

то, что в целом рост дисперсии для индикаторов политического измерения идеологических установок российский элиты выше, нежели для индикаторов экономических убеждений. Более того, если посмотреть на абсолютный показатель дисперсии, то мы увидим, что по данному измерению для большинства вопросов дисперсия превышает 1. Это может свидетельствовать о том, что в рядах элиты отсутствует консенсус относительно того, какие методы управления страной являются приоритетными, в то время как позиции по экономической политике являются более консолидированными.

В рядах элиты отсутствует консенсус относительно того, какие методы управления страной являются приоритетными, в то время как позиции по экономической политике являются более консолидированными

2.7. Анализ когортных различий в ценностных установках и политических взглядах элит

Опросы элитных групп предоставляют обширные сведения относительно умонастроений высших слоев российского общества, а также факторов, их определяющих. Это имеет важное значение для предсказания различных аспектов внутренней и внешней политики РФ в ближайшие 10–15 лет. Однако на данном матери-

але трудно делать выводы относительно настроений, ценностей и убеждений тех возрастных групп, которые уже к 2020 году будут составлять низовой эшелон, костяк российской элиты, а еще через десять лет займут ключевые управленческие позиции. В первую очередь это относится к представителям поколений, появившихся на свет в 1970-х и 1980-х годах. В силу их относительной молодости они мало представлены в исследовании российских элит Уильяма Циммермана, поэтому для анализа их установок требуется альтернативный источник данных.

Мы использовали для этих целей материалы «Всемирного исследования ценностей» (World Values Survey, далее WVS), серии глобальных опросов, проводящихся уже в течение тридцати лет во многих странах мира. В частности, чтобы понять, каков будет тот социальный контекст, в рамках которого будет формироваться будущая российская элита, мы использовали

данные по шести волнам WVS по России (опросы проводились в 1990, 1995, 1999, 2006, 2008 и 2011 годах). Наибольшее внимание мы уделили анализу поколения, родившегося в 1981–1990 годах. Основные аспекты, которые нас интересовали, связаны с ценностными установками представителей этой когорты, а также с их идеологическими предпочтениями, видением идеального политического устройства и перспективами их политического участия.

Базовые индивидуальные ценности накладывают значимый отпечаток на восприятие различных аспектов социальной жизни. Согласно предсказаниям современных социологических теорий, основным трендом в большинстве стран мира является переход к так называемому постматериалистическому обществу: для всё большего

может означать, что по мере взросления и приобретения большего веса в принятии важных социальных, экономических и политических решений представители этих возрастных групп будут также трансформировать саму общественную систему, в рамках которой они существуют, делая ее более демократичной и открытой.

Рост постматериализма среди младших поколений может означать, что представители этих возрастных групп будут трансформировать саму общественную систему, делая ее более демократичной и открытой

количества людей удовлетворение материальных потребностей становится второстепенной задачей, а в списке жизненных приоритетов лидирующие позиции занимают такие цели, как самореализация и развитие личностного потенциала. Этот процесс также имеет очевидные политические последствия; как показывают данные многолетних исследований, среди постматериалистов растет приверженность идеалам демократии, прав человека, свободного общества и т. д. Более того, широкое распространение постматериализма в отдельной стране рано или поздно приводит к тому, что сам политический режим, существующий в данном обществе, становится более демократичным. Применительно к анализу российской действительности рост постматериализма среди младших поколений

Чтобы проверить, наблюдают ли среди российского населения значимые трансформации в сфере ценностных ориентаций, мы использовали два показателя. Первый – это классический индекс постматериализма, сконструированный непосредственно автором теории постматериалистических ценностей, американским политологом Рональдом Инглхартом. Второй индикатор – это индекс эмансипативных ценностей, предложенный постоянным соавтором Инглхарта Кристианом Вельцелем.

Индекс постматериализма Инглхарта представляет собой переменную, которая может принимать три значения. Респондентам предлагают выбрать две наиболее важные на их взгляд задачи, стоящие перед обществом, из следующих четырех пунктов: 1) поддержание порядка в стране, 2) обеспечение широких возможностей участия в принятии политических решений для основной части населения, 3) борьба с ростом цен, 4) защита свободы слова. Те, кто отдаёт наибольший приоритет первому и третьему пункту, классифицируются как «материалисты»; индивиды, выбравшие второй

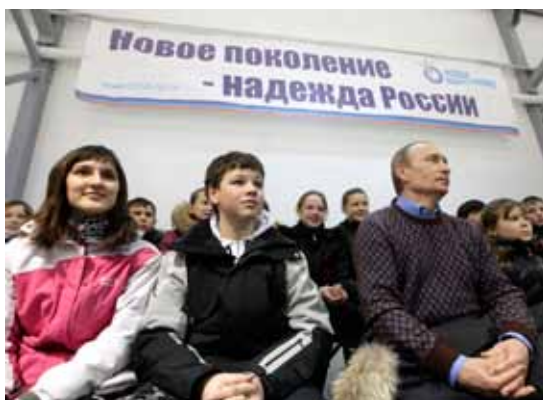

График 2.7.1

и четвертый пункт, относятся к категории постматериалистов. Также возможна и промежуточная категория – если респондент выбрал соответственно один из вариантов 1) и 3) и один из вариантов 2) и 4) [Inglehart, 1971, 1990]. Вместе с тем, индекс постматериализма имеет свои недостатки, и некоторые исследователи выражают сомнение в том, что с помощью этого показателя можно корректно отразить ценностные изменения, происходящие в обществе [Davis & Davenport, 1999]. Поэтому мы также использовали в своем анализе индекс эмансипативных ценностей как более современный и надёжный показатель трансформаций ценностных установок //Методика расчёта индекса эмансипативных ценностей достаточно сложна; в целях экономии места мы не приводим ее в тексте отчёта. Описание технологии построения данного индекса можно найти непосредственно в работах К. Вельцеля. См., например, приложение к следующей работе: Welzel C. *The Contribution of 'Good' Jobs to Development and Cohesion: The Human Empowerment Perspective*, forthcoming. Статья доступна в Интернете по адресу: <http://siteresources.worldbank.org/EXTNWDR2013/Resources/8258024-1320950747192/8260293-1320956712276/>

8261091-1348683883703/WDR2013_bn_Contribution_of_Good_Jobs_to_Development.pdf/.

На Графике 2.7.1 представлен общий тренд изменений уровня постматериализма в РФ; мы видим, что после 1990 года произошло резкое падение, а затем уровень постматериализма оставался более или менее стабильным – за еще одним спадом в 2006–2008 годах последовал всплеск в 2011 году, когда тренд фактически вышел на уровень 2006 года.

Сам по себе абсолютный показатель постматериализма в России достаточно низкий – менее 1,5 (напомним, что значение может варьироваться в интервале от 1 до 3). Чтобы оценить на данных «Всемирного исследования ценностей», как изменялись установки высших страт населения, мы выделили условную «эли-ту» с помощью двух индикаторов – наличие законченного высшего образования и высокий уровень доходов (четыре высшие категории согласно шкале, предлагаемой в WVS).

Для группы, выделенной по образованию, наблюдается в целом такой же тренд, как

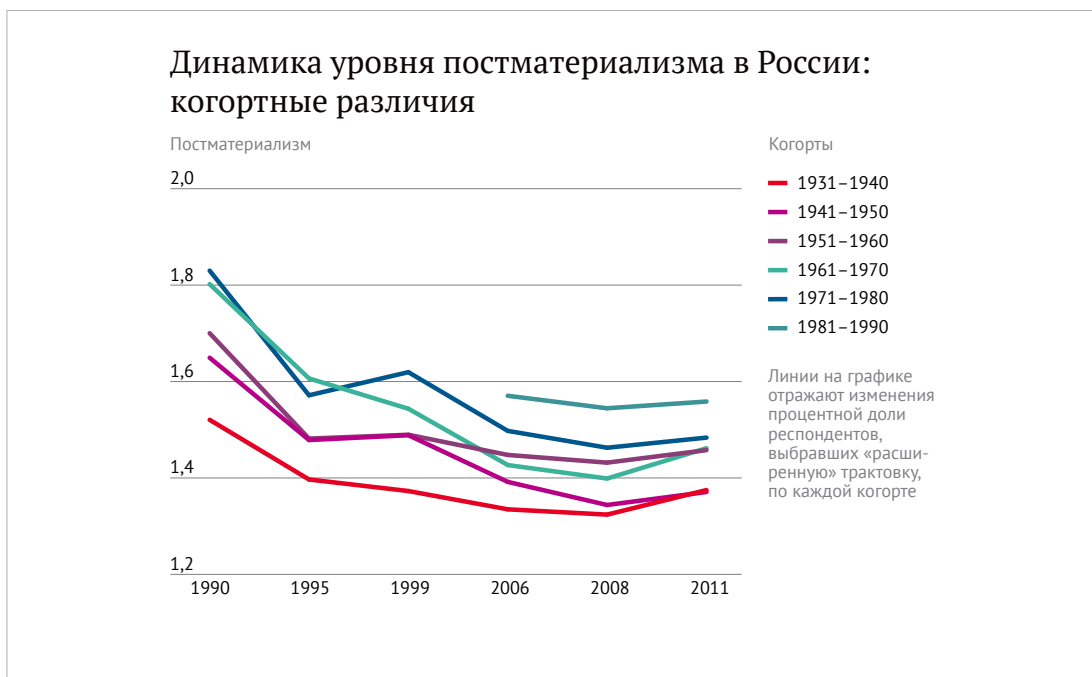

График 2.7.2

и для всего остального населения, хотя абсолютный размер колебаний от волны к волне чуть больше; среди респондентов с высоким доходом уровень постматериализма, напротив, изменяется менее резко, хотя и в этой группе в основном наблюдаются похожие тенденции. Обращает

всех когорт наблюдается одинаковый тренд, который повторяет в общих чертах динамику уровня постматериализма в целом по стране.

Вместе с тем, можно отметить несколько интересных поколенческих особенностей.

Во-первых, снижение уровня постматериализма в начале 1990-х оказалось наиболее существенным среди относительно более молодых групп (когорты 1960-х и 1970-х); однако среди представителей этих поколений постматериалистические установки все

же остались наиболее распространенными в тот период. В последние годы наибольший уровень постматериализма демонстрируют люди, родившиеся в 1980-х годах – то есть именно та когорта, из которой будет сформирован основной сегмент российской элиты 2020-х и костяк правящих групп 2030-х.

Сравним теперь динамику изменений в уровне постматериализма и эмансипативных ценностей. За исключением единственного провала в 1990–1995 годах, общий тренд по эмансипативным ценностям – возрастающий (см. График 2.7.3),

Сам по себе абсолютный показатель постматериализма в России достаточно низкий

на себя внимание также то, что постматериализм в последние годы выше всего среди материально обеспеченных, а среди образованных респондентов уровень постматериалистических установок снизился относительно остальных групп. При этом и среди людей с высоким доходом, и среди образованных уровень постматериализма значимо выше, чем среди остального населения страны.

Если обратиться к когортным различиям (см. График 2.7.2), то также можно увидеть, что, за некоторыми исключениями, среди

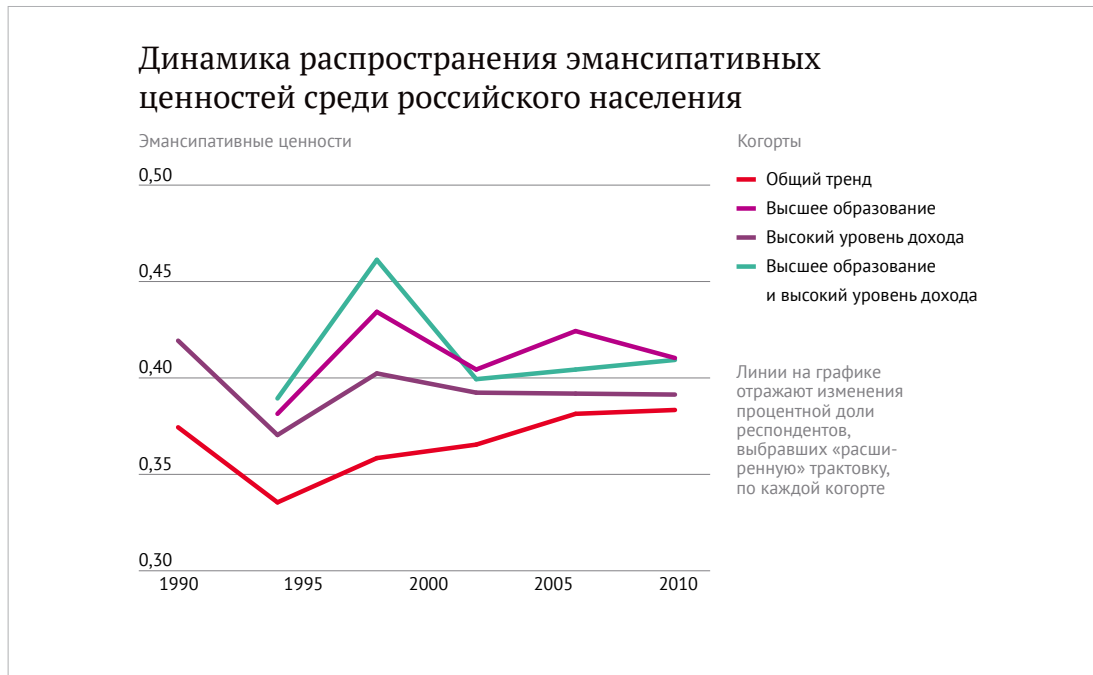

График 2.7.3

тогда как постматериализм после спада в тот же период остаётся в России примерно на одинаковом уровне последние пятнадцать лет (справедливости ради необходимо отметить, что темпы распространения эмансипативных ценностей также весьма умеренные). В целом, динамика обоих трендов согласуется с теорией модернизации Инглхарта и Вельцеля, но эмансипативные ценности как индикатор ценностных изменений все же в большей степени соответствуют теоретическим предсказаниям, в частности, утверждению о том, что ценностные изменения зависят от экономического роста: действительно, середина 1990-х годов, момент наибольшего спада в уровне постматериализма и эмансипативных ценностей, – это также и период глубокого социально-экономического кризиса. В то же время 2000-е годы, в течение которых общий уровень эмансипативных ценностей повышается (в отличие от индекса постматериализма), характеризуются также высоким уровнем экономического роста. Стоит, однако, обратить внимание на тот факт, что у групп с высоким образованием и социальным статусом (или комбинацией этих двух атрибутов), которые можно рассматривать как некое приближение элиты в рамках массового

опроса, не наблюдается устойчивого роста эмансипативных ценностей. В этом отношении динамика изменений, представленная на Графике 2.7.3, ближе к картине, которую мы видим на Графике 2.7.1.

Все же необходима более детальная проверка устойчивости наблюдаемого тренда, для чего следует обратиться к анализу когортных различий. На Графике 2.7.4 представлены изменения в уровне эмансипативных ценностей для каждой из следующих когорт: 1931–1940, 1941–1950, 1951–1960, 1961–1970, 1971–1980, 1981–1990 годов рождения. Три самые молодые когорты демонстрируют в среднем наиболее высокий уровень эмансипативных ценностей, но при этом линейного роста среди этих групп также не наблюдается (хотя в целом для 2011 года характерны более высокие значения по сравнению с «кризисной волной» 1995 года).

Мы проверили достоверность различий средних значений по индексу эмансипативных ценностей в волне 2011 года между когортами с помощью дисперсионного анализа. Различия достоверны на уровне $p < 0,001$ ($F=18,57$, при $df=5$) //Проверка на гомогенность дисперсии в разных груп-

пах с помощью теста Ливена показала, что статистически достоверных различий между дисперсиями не обнаружено ($p=0.816$), следовательно применение ANOVA правомерно. Процедура множественных сравнений проводилась с помощью критерия Tukey–Kramer (Tukey's 'Honest Significant Difference'), который позволяет скорректировать уровень значимости при одновременной проверке нескольких гипотез, чтобы избежать уве-

тверждает Инглхарт, экономическое благосостояние является ключевым пререквизитом распространения постматериалистических ориентаций, тогда как в периоды рецессий и кризисов может наблюдаться возвратное движение к доминированию ценностей выживания. Тем не менее, это подтверждает наше предположение о том, что для людей, родившихся после 1960 года значимых различий в данном отношении не наблюдается (необходимо отметить,

что в сферу анализа не вошли люди, родившиеся после 1990 года; для них уровень эмансипативных ценностей может быть выше; однако это поколение займет доминирующие позиции в обществе не ранее, чем в конце 2030-х, поэтому мы пренебрегли установками этой возрастной группы на данном этапе исследования).

В последние годы наибольший уровень постматериализма демонстрируют люди, родившиеся в 1980-х годах – именно та когорта, из которой будет сформирован основной сегмент российской элиты 2020-х и костяк правящих групп 2030-х

личения ошибки Грода//. Анализ множественных сравнений показал, что уровень эмансипативных ценностей в интересующей нас когорте 1981–1990 достоверно отличается от значений в когортах 1931–1940 ($p<0,001$), 1941–1950 ($p<0,001$), 1951–1960 ($p<0,01$). С когортами 1961–1970 и 1971–1980 различий не обнаружено. Таким образом, можно заключить, что в целом среди людей, родившихся после 1960 года, роста эмансипативных ценностей не наблюдается. Скорее всего, это объясняется масштабным социально-экономическим кризисом, поразившим страну после распада прежней экономической и политической системы в связи с крушением СССР. Как

Стоит также учесть, что поколенческие различия в уровне эмансипативных ценностей отличаются от наблюдаемой разницы в уровне постматериализма по когортам – в этом случае в сравнении между любыми двумя следующими друг за другом когортами наблюдается значимое увеличение числа индивидов с постматериалистическими установками. Как уже упоминалось, согласно результатам последних исследований считается, что результаты, полученные с использованием индекса эмансипативных ценностей, являются более достоверными [Inglehart & Welzel, 2003a, 2003b, 2005]; соответственно этой точке зрения, при наличии расхождений между двумя

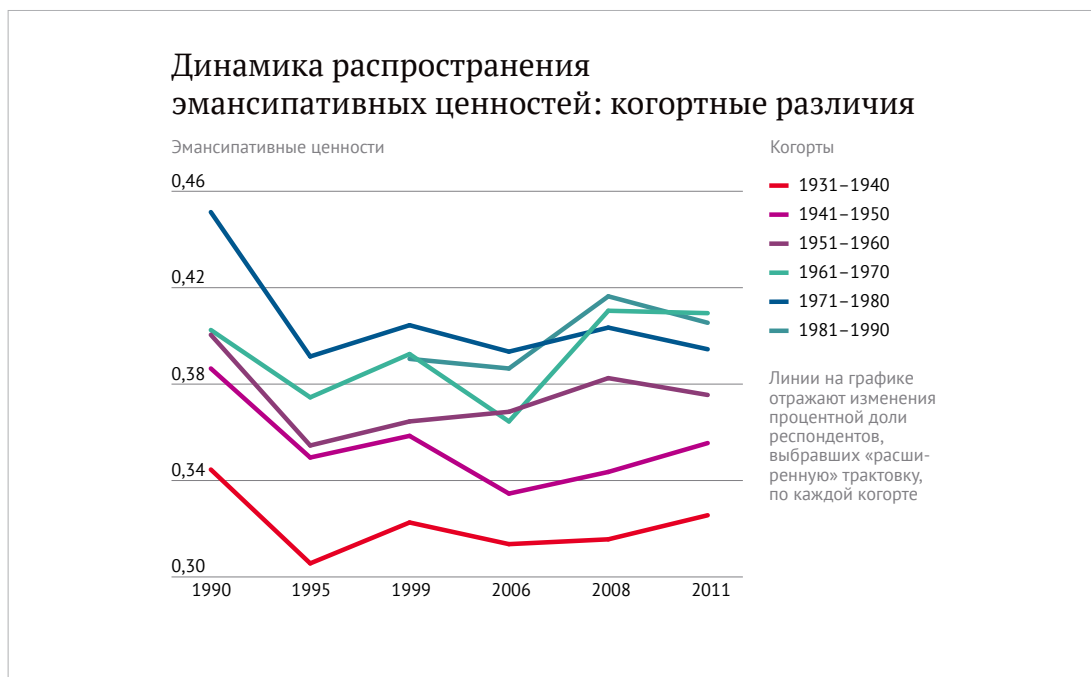

График 2.7.4

трендами мы используем индекс эмансипативных ценностей как более достоверный.

Таким образом, можно заключить, что общий рост эмансипативных ценностей в Российской Федерации, скорее всего, является результатом постепенного вытеснения старших когорт с низким уровнем постматериализма несколькими поколениями с более высокими показателями. Однако в дальнейшем рост числа постматериалистов в стране должен будет замедлиться, так как между поколениями 1960-х, 1970-х и 1980-х годов особых различий не наблюдается.

Будет ли распространение эмансипативных ценностей в России, пусть даже и весьма умеренное по мировым стандартам, также сопряжено с теми политическими последствиями, которые тесно ассоциируются в современной социологии с ценностными изменениями подобного рода – демократизацией и распространением толерантности и прав человека? Чтобы ответить на этот вопрос, мы провели анализ данных «Всемирного исследования ценностей», отражающих индивидуальные политические предпочтения и установки с особым акцентом на рассмотрение опыта поколения 1980-х годов.

Чтобы выявить предпочтения относительно политического режима, в рамках опроса WVS респондентам предлагалось оценить по шкале от 1 до 4, насколько подходят нашей стране каждый из следующих типов политического режима: авторитарная система с ярко выраженным лидером, который не ограничен в своей деятельности ни выборами, ни парламентом; технократическое правление, в рамках которого ключевые решения принимаются не правительством, а независимыми экспертами; военный режим; демократическая политическая система.

На Графике 2.7.5 отражены средние оценки для четырех представленных типов режима в каждой волне (отдельно обозначены значения для когорты 1981–1990; оценки по всем индикаторам были переведены в шкалу от 0 до 1).

Мы видим, что наименьшей популярностью среди населения пользуется военное правление (средняя оценка – 0,3, постепенно убывает с течением времени), но все остальные режимы оцениваются респондентами примерно одинаково с точки зрения их эффективности в российских реалиях. При этом в среднем оценки каждого типа режима растут со временем.

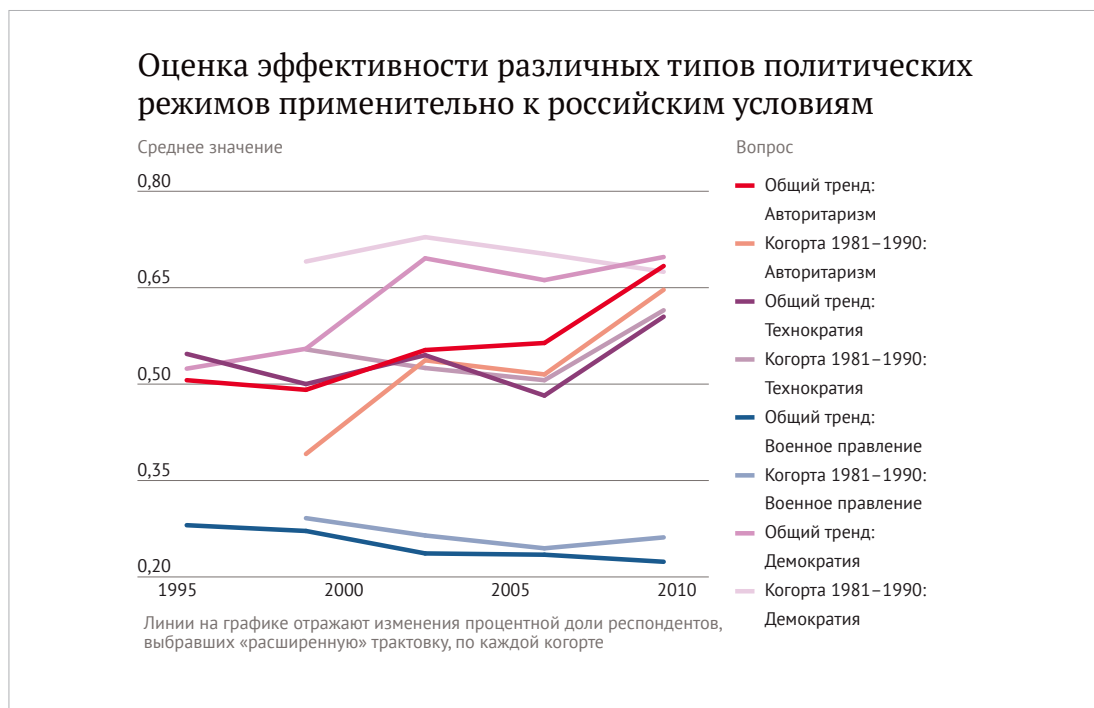

График 2.7.5

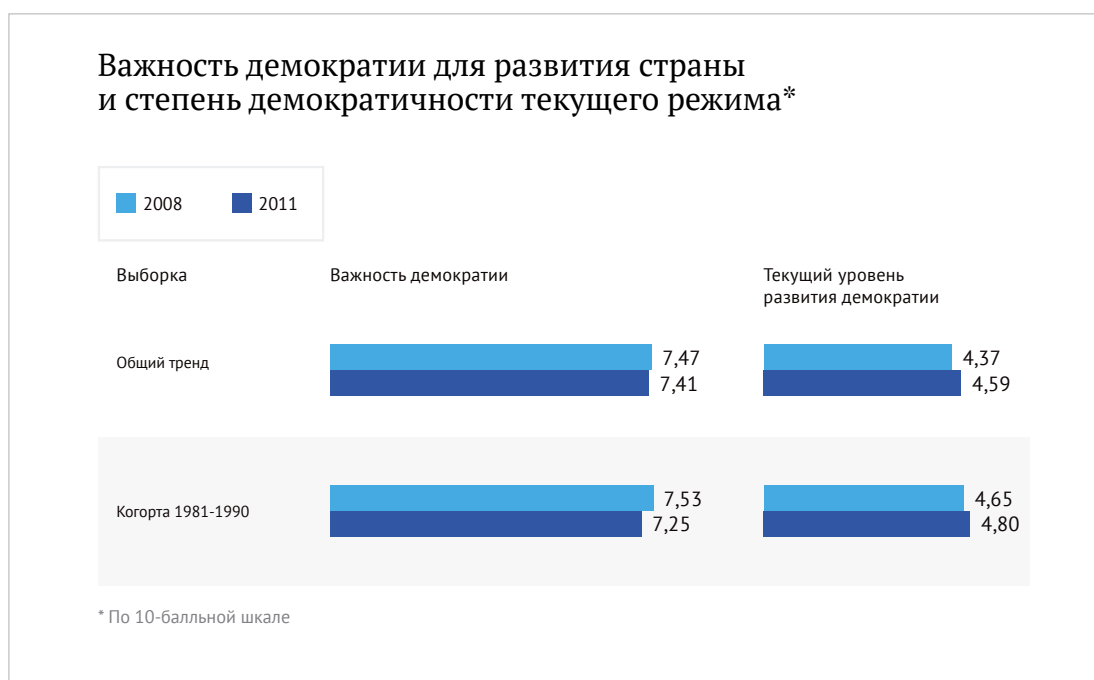

Таблица 2.7.1

Все же стоит обратить внимание на то, что наибольший скачок популярности наблюдается для авторитарной формы правления: по сравнению с 1995 годом (0,52) средняя оценка по данному пункту выросла на 30% (до 0,69). Что наиболее интересно, среди представителей младшего поколения рост составил более 50% (с 0,39 до 0,64). При этом для этой же когорты наблюдается снижение положительных оценок демократии, более того, оценка демократии в этой когорте даже меньше, чем в целом по стране.

Таким образом, очевидно, что сегодня в России среди молодого поколения приверженность демократической идеологии

году были в первом случае ниже общего показателя на 0,16, а во втором – на 0,21. При этом, однако, стоит отметить, что снижение оценок важности демократии по сравнению с предыдущей волной также в этой когорте оказалось больше – 0,28. С другой стороны, оценка демократичности текущего строя повысилась, как в целом по стране, так и среди интересующей нас когорты. Все же произошедшие изменения представляются практически не значимыми, поэтому, с учетом тенденций, изложенных выше, напрашивается вывод, что демократия как образец общественно-политического устройства не приобретает дополнительной популярности среди российского населения. Более того, среди

младших поколений появляются первые признаки снижения уровня приверженности демократическим идеалам по сравнению с другими типами политического режима.

Таким образом, в политической сфере не следует ожидать скорой демократизации страны; напротив, представляется, что куда большей популярностью среди россиян, в том числе и среди будущей элиты, будет пользоваться авторитарный режим с акцентом на решение технических проблем в социально-экономической сфере. Однако какие методы управления в данном случае будут рассматриваться как наиболее желательные? Чтобы оценить возможные приоритеты в сфере социальной политики, мы исследовали идеологические предпочтения современного российского населения.

В качестве индикатора индивидуальных идеологических позиций использовался следующий вопрос: «Говоря о политике, люди используют слова “левый” и “правый”. Говоря в общем, куда бы вы поместили свои взгляды на этой шкале» (необходимо отметить, что в волне 2006 года этот вопрос был пропущен). В качестве ответа на него респонденту предлагалось отметить свое положение на шкале от 1 до 10, где «1» соответствовало крайне левым убеждениям, а «10» – крайне правым. Изме-

Общий рост эмансипативных ценностей в РФ, скорее всего, является результатом постепенного вытеснения старших когорт с низким уровнем постматериализма несколькими поколениями с более высокими показателями

постепенно снижается; также нельзя говорить о том, что она является доминирующей – различия между оценками демократии, авторитаризма и правления экспертов совсем небольшие.

Этот вывод также подтверждается и специальными индикаторами отношения населения к демократии. В Таблице 2.7.1 представлены материалы, отражающие, насколько важной респонденты считают демократию для развития российского общества, а также то, как они оценивают сегодняшний уровень демократии в стране. По обоим вопросам «10» означает максимально возможную оценку, а «1» – наименьшую оценку. Мы видим, что по сравнению с 2008 годом в последней волне опроса практически ничего не изменилось. Поколение 1980-х годов в данном случае несильно отличается от остального населения: оценки важности демократии и текущего уровня развития демократических институтов в стране в этой когорте в 2011

нения идеологических установок населения с течением времени по отдельным когортам представлены на Графиках 1–7 (см. Приложение 6).

Общий тренд, который наблюдается в сфере идеологии среди всех возрастных групп, – это постепенный сдвиг вправо: если сразу после распада СССР и потом на протяжении 1990-х годов «левые» и центристско-левые взгляды (т.е. позиция на шкале от 5 включительно и ниже) разделяло до 80% населения в рамках отдельных когорт, то к 2011 году идеологический баланс выровнялся – правая и левая части шкалы примерно равны по численности. Когортные различия также имеют место, хотя и не столь значительные: старшие поколения несколько в большей степени

позиция оценивается самим респондентом без привлечения каких-то дополнительных объективных показателей, тогда как для элит определение индивидуальных позиций в идеологическом пространстве происходило с помощью набора индикаторов, отражающих различные аспекты их политических и экономических взглядов. Последняя процедура представляется более надежной. С другой стороны, вполне возможно, что между элитами и массами действительно существуют определенные различия в идеологических установках: если население в целом становится все менее идеологизированным, оценивая правительством скорее с точки зрения эффективности обеспечения достаточного уровня жизни, то среди элиты, напротив, ширятся расхождения в оценке того, как и какими

средствами должна дальше развиваться страна.

В политической сфере не следует ожидать скорой демократизации страны; напротив, куда большей популярностью среди россиян, в том числе и среди будущей элиты, будет пользоваться авторитарный режим с акцентом на решение технических проблем в социально-экономической сфере

В случае если поляризация по вопросам методов государственного управления и тех целей, которым они должны служить, действительно присутствует внутри элитных групп, встает вопрос о том, насколько последовательными могут быть группы, принадлежащие к меньшинству, в продвижении своей точки зрения.

предпочитают левые идеи. Кроме того, представляется, что среди этих когорт также выше численность сторонников крайних позиций, тогда как среди родившихся в 1970-е и 1980-е годы подавляющее большинство составляют центристы. Это наблюдение имеет определенную ценность в связи с изложенным выше анализом идеологической ориентации элиты, в рамках которого был обнаружен тренд на поляризацию (наиболее сильный именно среди когорты 1970-х). Мы наблюдаем некоторое противоречие: среди элит поляризация растет, тогда как среди населения в целом распределение индивидов по идеологической шкале все более и более стремится к нормальному. Все же при интерпретации этих результатов необходимо учитывать разницу в измерительных методиках: в случае массового опроса идеологическая

«Всемирное исследование ценностей» позволяет оценить, насколько активна и заинтересована в политике молодежь; в частности, в анкете предусмотрены вопросы относительно готовности респондентов участвовать в различных формах политического действия, таких как забастовки, митинги и пикеты, подписание петиций и некоторых других. Кроме того, участникам исследования задавался вопрос, принимали ли они участие в подобных действиях в последнее время. Потенциально эти данные могут быть использованы для оценки того, насколько активными будут различные группы внутри российской элиты в претворении в жизнь своих позиций по ключевым политическим вопросам. В частности, первостепенный интерес представляет вопрос о том, готовы ли они будут к различного

рода несистемным акциям в случае возникновения действительно серьёзных разногласий, или же поляризация мнений приведет только к обострению кабинетной борьбы без видимых последствий для массовой политики.

Очень низок процент ответов на вопрос о том, участвовал ли человек в каких-то политических мероприятиях в последнее время – не более 11,6%. Таким образом, люди либо фактически не принимают участие в политической деятельности, либо по каким-то причинам не склонны афишировать свою активность в этой области

В этой связи, однако, обращает на себя внимание очень низкий процент ответов на вопрос о том, участвовал ли человек в каких-то политических мероприятиях в последнее время – не более 11,6%. Таким образом, люди либо фактически не принимают участие в политической деятельности, либо по каким-то причинам не склонны афишировать свою активность в этой области. Здесь следует учитывать, что последняя волна «Всемирного исследования ценностей» в России прошла до декабря 2011 года, когда в стране случился первый массовый всплеск политической активности, поэтому самые свежие данные в ней могут не отражаться. При этом сам факт широкомасштабных

протестов против фальсификации выборов недвусмысленно указывает на то, что потенциал политической активности в России достаточно высокий, особенно в крупных, экономически благополучных городах. Вместе с тем, беспрецедентные

по своему уровню протесты можно объяснить со ссылкой на чересчур эмоциональную реакцию населения, которая в условиях сетевого общества привела к резкому выплеску негативных эмоций в виде массовых акций. После того как страсти поутихли, протесты пошли на спад – таким образом, события 2011–2012 годов, возможно, стоит рассматривать не как проявление высокого уровня гражданского активизма и сознательности, а как эмоциональный феномен (или же феномен

моды). В пользу этого вывода также говорят данные, полученные в результате ежемесячных опросов «Левада-центра» по данной теме, согласно которым число индивидов, рассматривающих возможность лично принять участие в протестных акциях, оставалось примерно на одном и том же уровне в течение последних трёх лет, колебавшись вокруг отметки в 20%. При этом доля тех, кто определенно был готов выйти на улицу, даже во время пика протестной активности не превышала 8% //См. График 2 и Таблицу 2 в соответствующей публикации на сайте «Левада-центра»: <http://www.levada.ru/27-12-2012/protestnaya-aktivnost-rossiyan-protsess-po-delu-na-bolotnoi-ploshchadi/>.

3. Изменение ценностей и установок элит и трансформация режима в России: прогноз на 2015–2030 годы

В результате анализа обширной эмпирического материала мы проследили динамику изменения ценностных установок элит, а также их предпочтений относительно политического устройства страны, экономической парадигмы развития и выбора внешнеполитического курса в условиях изменения роли Российской Федерации в системе международных отношений. На основе полученных результатов был составлен портрет типичного представителя современных российских элит и сформулирован прогноз относительно направлений дальнейшей трансформации их ценностных установок, а также их влияния на формирование внешне- и внутривнутриполитического курса страны.

Формирование концептуальных основ политики России и выбор инструментов реализации поставленных целей осуществляется группами элит, которые в свою очередь руководствуются не только рациональными мотивами. Влияние индивидуальных психологических черт индивидов, ответственных за принятие внешнеполитических решений,

изучено пока недостаточно подробно, в первую очередь из-за трудностей, связанных с проведением опросов среди представителей высших кругов. Однако нам удалось проанализировать данную тему, используя уникальные данные опросов Уильяма Циммермана.

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод о том, что психологические характеристики представителей элит действительно детерминируют как предпочтения при выборе союзников на международной арене, так и восприятие определенных акторов мировой политики в качестве угрозы национальной безопасности страны. Учитывая ригидность психологических установок можно сделать вывод, что сформированные под их влиянием внешнеполитические предпочтения могут быть долгосрочным предиктором поведения индивидуальных акторов в конкретных ситуациях. Выяснилось, что психологические особенности индивидов зачастую являются даже более значимыми предикторами внешнеполити-

ческих установок, чем эффекты групповой принадлежности и политической ориентации. Таким образом, при проведении анализа и составлении прогноза относительно трансформации ценностных установок элит нужно учитывать описанный психологический фактор.

Одной из основных черт, которая оказывает значимое влияние на предпочтения элит относительно политического курса, является этноцентризм. Респонденты, которые придерживаются этноцентристских взглядов, склонны более широко определять сферу национальных интересов России. Одновременно прослеживается негативная связь между уровнем этноцентризма и поддержкой применения военной силы в международных отношениях.

Психологические характеристики представителей элит детерминируют как предпочтения при выборе союзников на международной арене, так и восприятие определенных акторов мировой политики в качестве угрозы национальной безопасности страны

Эти два вывода, на первый взгляд, выглядят противоречиво. Кажется более вероятным, что широкое определение сферы национального интереса страны может предполагать признание необходимости защиты этих интересов военными методами. Однако обнаруженная тенденция подтверждается и при анализе внешнеполитических установок российских элит.

В то время как количество сторонников широкого определения сферы национального интереса России (предполагает, что интересы распространяются за пределы государственной территории страны) падает, в среднем по всем анализируемым возрастным группам увеличивается число людей, считающих военную силу ключевым фактором международных отношений. В этой связи важно отметить когортные различия по данным вопросам, которые позволяют

сформулировать определенные прогнозы относительно формирования внешнеполитического курса в ближайшие десятилетия.

Самая низкая доля респондентов, поддерживающих широкую концепцию национального интереса России, наблюдается среди двух групп: родившихся в 1961–1970 годах, а также родившихся после 1971 года. Необходимо отметить, что представители именно этих двух когорт к 2020 году будут шире остальных возрастных групп представлены в числе элит. Поэтому при рассмотрении перспектив внешнеполитической деятельности России стоит обращать особое внимание именно на этих респондентов.

Что касается наблюдаемых трендов для этих возрастных категорий по вопросу роли военной силы как фактора международных отношений, необходимо отметить, что самая младшая когорта (родившиеся после 1971 года) меньше прочих склонна отдавать предпочтение силовым решениям во внешнеполитической деятельности. Однако к 2012 году число респондентов, считающих военную силу ключевым фактором международных отношений, даже в этой группе превысило 20%.

Увеличение количества представителей элит с более агрессивными установками относительно использования военной силы позволяет говорить о том, что существует значительная вероятность того, что в ближайшие годы Россия будет проводить более жесткую внешнюю политику. Однако это вовсе не означает, что будут иметь место открытые вооруженные конфликты, развязанные по инициативе российской стороны. Скорее можно говорить о повышении внимания к вопросам, как прямо, так и косвенно связанным с укреплением военной мощи страны. Это такие мероприятия, как увеличение финансирования военных программ, в том числе выделение дополнительных расходов на перевооружение армии и флота, проведение дальнейшего реформирования вооруженных сил. Таким образом, взгляды элит на роль военной силы в международных отноше-

ниях не только оказывает влияние на формирование внешнеполитического курса, но и отчасти определяет приоритеты внутренней политики страны.

Увеличение количества представителей элит с более агрессивными установками относительно использования военной силы позволяет говорить, что в ближайшие годы Россия будет проводить более жесткую внешнюю политику

Индивидуальные психологические черты, которые, как мы выяснили, во многом влияют на формирование внешнеполитических предпочтений индивидов, определяют и стиль поведения дипломатов и политиков в ходе ведения переговоров по важнейшим вопросам российской внутренней политики и международных отношений. Так, рост агрессивных внешнеполитических установок позволяет предположить, что российские дипломаты будут склонны выступать с позиции силы, если это будет необходимо для защиты интересов страны.

Также растет вероятность того, что руководители российской внешней политики в конфликтных ситуациях на мировой арене будут применять более жесткие методы, в том числе и силовые акции для защиты своих интересов. Примером выбора такой модели поведения является война 2008 года в Южной Осетии. Необходимо отметить, что в 2008 году наблюдается пик частоты отве-

тов о ведущей роли военной силы в международных отношениях в когорте, которая, по данным за 2012 год, является самой миролюбиво настроенной – группа родившихся после 1971 года. Как уже было отмечено выше, эта когорта интересна для исследования в контексте формулирования прогноза внешнеполитического курса страны в ближайшие десятилетия. Наличие описанного пика позволяет предположить, что, несмотря на то, что в целом поколение 1970-х и младше является относительно «миролюбивым», в случае возникновения международного конфликта или угрозы российским интересам они будут готовы поддержать жесткие силовые решения.

Низкую вероятность реализации силовых решений и применения военной силы в период отсутствия международных конфликтов и потенциальных угроз национальным интересам подтверждают следующие результаты опроса. Как респонденты из группы, поддерживающей концепцию широкого определения национальных интересов, так и сторонники противоположных взглядов, выбирая между экономическим потенциалом и военной силой в качестве ключевого фактора международных отношений, отдают предпочтение экономической составляющей.

Это позволяет говорить о том, что вероятнее всего в «мирное» время элиты будут отдавать предпочтение использованию экономических рычагов давления, а не военной силы.

Следует учитывать, что в рамках профессиональных групп, непосредственно связанных с осуществлением внешней политики, процент сторонников «военной мощи» выше, нежели в целом среди элиты, что повышает вероятность использования подобной тактики. Однако на данный момент сторонники внешнеполитического курса с опорой на военную силу находятся в значительном меньшинстве по сравнению с теми, кто полагает, что экономический потенциал определяет место страны на мировой арене,

Существует устойчивый тренд снижения количества представителей элит, которые разделяют широкую концепцию определения национального интереса России. Советские геополитические амбиции постепенно уступают место более реалистичной оценке роли России на мировой арене

и есть все основания полагать, что такое соотношение будет сохраняться в ближайшее десятилетие.

Описанные выше характеристики прогнозируемых внешнеполитических установок элит не стоит расценивать как заявление об экспансионистских намерениях. Скорее можно говорить о курсе на укрепление военного потенциала страны и выборе в пользу более жестких, в том числе силовых, решений в ходе международных конфликтов, которые угрожают интересам России.

Отсутствие экспансионистской направленности российской внешней политики подтверждает и тот факт, что существует устойчивый тренд снижения количества представителей элит, которые разделяют широкую концепцию определения национального интереса России. Интересно, что по данным на 2012 год среди двух групп респондентов, включающих людей, родившихся в 1961–1970 и после 1971 года, наблюдается наименьшее количество индивидов, полагающих, что сфера национального интереса России выходит за пределы государственной территории. Это позволяет говорить о том, что советские геополитические амбиции постепенно уступают место более реалистичной оценке роли России на мировой арене. Этот факт подтверждает гипотезу об отсутствии экспансионистских целей во внешней политике страны. Сосредоточенность на решении внутренних проблем также позволяет предположить, что в сфере внешней политики в ближайшее время не стоит ожидать агрессивных действий наступательного характера.

Тенденция к сужению определения сферы национальных интересов России можно сопоставить с данными, полученными в ходе анализа восприятия элитами внутренних угроз. Как показывают опросы, одной из наиболее серьезных угроз для стабильности государства респонденты считают неспособность решить внутренние проблемы: более 60% опрошенных считает, что это представляет значительную опасность

для России. Таким образом, можно предположить, что существует связь между высоким уровнем обеспокоенности относительно управляемости страны и увеличением количества сторонников узкой концепции сферы национальных интересов: неразрешенность внутренних проблем заставляет обратить более пристальное внимание на сферу внутренней политики, даже в ущерб геополитическим амбициям. Вместе с тем, значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена между двумя переменными равно $-0,167$ ($p = 0,013$), что не позволяет нам сделать заключение о наличии существенной связи между ними. Тем не менее, мы все же считаем, что при оценке трансформации установок элит необходимо более подробное

на ключевых позициях, связанных с внешнеполитической деятельностью, находятся представители старших поколений, которые склонны более широко рассматривать сферу национальных интересов России. Кроме того, можно подойти к объяснению этого противоречия и с другой точки зрения. Взятый курс на укрепление положения России на мировой арене может трактоваться не только как возрождение советских геополитических амбиций, но и как стремление обеспечить безопасность страны. В такой трактовке широкое понимание национального интереса, которое положительно связано с уровнем этноцентризма представителей элит, как уже было указано выше, становится более понятным.

Наблюдаемые тенденции к снижению геополитических амбиций элит в значительной мере расходятся с декларируемыми претензиями России на одну из ведущих ролей в международных отношениях

внимание уделять отношению между внутривнутриполитическими взглядами и внешнеполитическими предпочтениями.

Интересно, что наблюдаемые тенденции к снижению геополитических амбиций элит в значительной мере расходятся с декларируемыми претензиями России на одну из ведущих ролей в международных отношениях. «Мюнхенская речь» Владимира Путина по сути была декларацией мировому сообществу о том, что Российская Федерация претендует на статус одного из ключевых акторов мировой политики. Российский внешнеполитический курс за последние 10 лет значительно изменился, и сегодня РФ стремится не только защищать свои интересы и расширять влияние на евразийском пространстве, но и по всему миру. В отношениях с такими крупнейшими международными игроками, как НАТО или ЕС, также наметился переход к новому формату отношений, основанному на принципах равноправного партнерства. Отчасти это можно объяснить тем, что сегодня

Если рассматривать существующую российскую внешнюю политику как стремление устранить потенциальные внешние угрозы путем повышения авторитета страны, а также обеспечить защиту национальных интересов, особенно в приграничных районах, то можно предположить, что наблюдаемый тренд сужения сферы

национальных интересов России в восприятии элит не является предиктором курса на более изоляционистскую внешнюю политику. Скорее существующая тенденция позволяет прогнозировать, что в ближайшее время, когда ответственность за принятие внешнеполитических решений перейдет представителям младших когорт, рассматриваемых в нашем исследовании, в основу проводимой политики ляжет более рациональный подход, и представители внешнеполитической элиты будут руководствоваться, в первую очередь, национальными интересами страны, рассматривая внешнюю политику скорее как инструмент их защиты, а не способ реализации амбициозных геополитических планов.

Необходимо отметить, что в ходе исследования была выявлена значительная поляризация установок российских элит по внешнеполитическим вопросам как относительно определения сферы национального интереса, так и необходимости применения военной силы в международных отношениях.

Это позволяет предположить, что в ближайшие годы в среде лиц, ответственных за принятие внешнеполитических решений, может сложиться несколько групп с противоречащими взглядами и установками. Это определяет возможность возникновения трений между представителями элит по вопросам формирования российского внешнеполитического курса.

Отдельно необходимо выделить прогноз относительно перспектив развития двусторонних отношений между Российской Федерацией и Соединенными Штатами. В целом на текущий момент уровень антиамериканизма, выявленный в ходе опросов как среди элит, так и среди остальной части

деленный прогноз, касающийся тенденций формирования российского курса по отношению к Соединенным Штатам.

Хотя по сравнению с уровнем 1993 года количество респондентов, негативно настроенных по отношению к Соединенным Штатам, возросло, все же к 2012 году наметился значимый спад числа таких людей. Нами была выдвинута гипотеза, согласно которой рост антиамериканизма среди российского населения обусловлен эффектом рессентимента – разочарования в западных ценностях и США как их олицетворении в результате не вполне удачной попытки перехода к демократии и либеральной рыночной системе, приведшей к значительному снижению уровня жизни населения.

Гипотеза подтвердилась. Этот эффект позволяет объяснить весьма важный аспект трансформации ценностных ориентаций российских элит. Кроме того, как мы выяснили в ходе анализа, пики антиамериканских настроений связаны с периодами международной напряженности, когда обостряется чувство неприязни к потенциальному геополитическому противнику.

На данном этапе отношения между Соединенными Штатами и Россией складываются непросто, достаточно часто возникают

как конфликты в двусторонних отношениях, так и противоречия по вопросам международного характера (как, например, в случае с военными действиями в Ливии и Сирии). В этой ситуации российская сторона не уходит от конфронтации и занимает жесткую позицию. Это может быть объяснено тем, что среди представителей когорты 1961–1970 года рождения, которые сейчас в значительной мере влияют на выбор внешнеполитического курса, значительно больше людей, которые видят в США серьезную угрозу безопасности России, чем среди лиц других возрастов.

Таким образом, можно предположить, что когда в среде людей, ответственных за принятие реальных внешнеполитических решений, появится больше представителей поколения родившихся после 1971 года,

Когда в среде людей, ответственных за принятие реальных внешнеполитических решений, появится больше представителей поколения родившихся после 1971 года, российский курс в отношении США претерпит определенные изменения. В краткосрочной перспективе маловероятно потепление отношения российских элит к Соединенным Штатам

населения значительно выше, чем в начале 1990-х годов; с течением времени все больше респондентов оценивают Соединенные Штаты как угрозу для России. Наиболее серьезные изменения установок по отношению к Соединенным Штатам и демократическим ценностям в целом произошли среди когорты 1961–1970 годов рождения. В 1993 году большинство представителей этого поколения поддерживали демократию и либеральные экономические реформы, а также рассматривали Соединенные Штаты в качестве потенциального партнера России, однако в 2000-х годах наметился серьезный рост антиамериканских установок. Наблюдаемое изменение отношения к США среди этих когорт, которые вскоре займут ключевые посты, связанные с внешнеполитической сферой, позволяет составить опре-

российский курс в отношении США претерпит определенные изменения. Так, вполне вероятно, что молодое поколение представителей элитных групп будет склонно менее жестко действовать в рамках двусторонних отношений, а также искать взаимовыгодные компромиссы. В пользу этой гипотезы свидетельствуют результаты опроса относительно роли военной силы в международных отношениях по мнению представителей элит. Как показывает исследование, группа, включающая лиц, родившихся после 1971 года, является самой «миролюбивой», что позволяет предположить, что в двусторонних отношениях с Соединенными Штатами в период относительной стабильности на мировой арене представители этой группы будут склоняться к использованию экономических рычагов давления, а не военных.

Однако рассматриваемая возрастная группа, так же как и все остальные, демонстрирует значительное усиление негативного отношения к США в периоды напряженности в двусторонних отношениях (например, в 2008 году во время войны в Южной Осетии). Это позволяет сказать, что более мягкая политика в отношении Соединенных Штатов будет свойственна указанным респондентам в период относительной стабильности в российско-американских отношениях, а в случае возникновения серьезных противоречий или конфликтов может быть осуществлен поворот в сторону более жесткой политики, которая характерна для сегодняшнего внешнеполитического руководства. Тот факт, что в случае открытых противостояний респонденты из этой когорты вполне вероятно обратятся к военной силе как инструменту защиты своих интере-

сов в конфликтах с Соединенными Штатами, подтверждают данные опросов за 2008 год. Одновременно с ростом антиамериканских настроений данная группа демонстрирует увеличение числа респондентов, называющих военную силу решающим фактором в международных отношениях, в то время как в «мирное» время является одной из самых миролюбивых.

Учитывая, что в данный момент США и Россия находятся в стадии конфликта, в краткосрочной перспективе маловероятно потепление отношения российских элит к Соединенным Штатам, и, как следствие, осуществление поворота в сторону более мягкой политики по отношению к США.

Интересным наблюдением является то, что среди элит антиамериканские установки проявляются значительно сильнее, чем среди остальной массы населения. Если элиты в начале 1990-х годов демонстрировали резкий рост негативных установок по отношению к Соединенным Штатам, то массовые опросы демонстрируют намного более сдержанный рост таких установок. Однако, анализируя тренды антиамериканских установок для элит и масс, мы можем заметить, что пики антиамериканских настроений для двух групп примерно совпадают, как и направление тренда в целом. Таким образом, мы можем заключить, что вероятнее всего общественное мнение будет сближаться с позицией элит по вопросу выбора модели взаимодействия с Соединенными Штатами, особенно в периоды международной напряженности, когда наблюдается резкий рост негативных установок по отношению к США. У нас есть все основания

говорить о том, что такая ситуация сохранится, по крайней мере в среднесрочной перспективе.

Необходимо заметить, что при интерпретации роли установок во внешней политике следует учитывать, что в международных отношениях, на исход любого взаимодействия влияет и ряд иных факторов, в том числе поведение других акторов мировой политики, институциональная среда, прошлые решения и многое другое. Таким образом, нельзя утверждать наверняка, что зафиксированные нами изменения установок элиты приведут к кардинальной трансформации российского внешнеполитиче-

ских отношений на территории России. Этнические конфликты, которые также были названы в числе основных угроз, на протяжении всего постсоветского периода развития страны являются источниками нестабильности в разных регионах России и осложняют процесс укрепления вертикали власти. Но все же в целом экономические проблемы более остро воспринимаются российской элитой (см. раздел 2.5 и Приложение 4), поэтому основной акцент во внутренней политике страны будет сделан именно на преодоление неурядиц в социально-экономической сфере.

Идеологическая поляризация элит усиливается, однако более значительными эти трансформации являются для политического измерения. Для того чтобы понять, каковы могут быть реальные последствия этого тренда для общественно-политической ситуации в России, необходимо обратиться к анализу когортных различий по вопросам, для которых наблюдаются наиболее резкие изменения.

Одним из ключевых векторов российской внутренней политики на ближайшее время станет работа по укреплению вертикали власти и устранению внутренних противоречий

ского курса, даже если наблюдаемые тренды сохранятся в течение ближайших лет. В частности, в краткосрочной перспективе не стоит ожидать радикального пересмотра позиций правительства РФ по большинству проблемных направлений внешней политики, в которых имеет место конфликт России и других стран.

По результатам анализа восприятия элитами внутренних угроз для страны можно сделать определенные выводы относительно того, какие направления внутренней политики будут в числе приоритетных в ближайшие годы. Как уже отмечалось выше, одной из самых серьезных угроз для стабильности России, по мнению элиты, является неспособность решать внутренние проблемы, то есть слабая управляемость страны. Отсюда можно предположить, что одним из ключевых векторов российской внутренней политики на ближайшее время станет работа по укреплению вертикали власти и устранению внутренних противоречий. В рамках этого направления, вероятнее всего, также будет предпринят ряд мер по стабилизации межнациональных

Мы видим, что различия в средних значениях практически не отличаются между различными возрастными группами, тогда как для дисперсии разница может быть весьма значительной. В некоторых случаях дисперсия по отдельным когортам превышает 2, что свидетельствует о достаточно высоком уровне поляризации (см. Приложение 5). Для младшей когорты (респонденты, родившиеся после 1970 года) наибольшие расхождения наблюдаются по вопросам государственной собственности над промышленными предприятиями, перспектив нового бизнеса (этот вопрос является косвенным индикатором положительной оценки рыночной экономики индивидом), существования единственной верной философии и запрета опасных идей. При этом в последнем случае дисперсия для этой когорты является наивысшей; но в целом нельзя утверждать, что эта когорта является более поляризованной, чем другие, так как структура когортных различий зависит от конкретного индикатора.

Всё же можно утверждать, что в политическом измерении идеологического пространства российской элиты имеет место постепенное расхождение между двумя группами, первая из которых предпочитает авторитарные методы управления, тогда как вторая ориентируется на либерально-демократическую модель государства. При этом первая группа на данный момент находится в большинстве, на что указывают средние показатели идеологических позиций, снижающиеся год от года. С другой стороны, рост числа сторонников второй позиции приходится на последние несколько лет, о чем свидетельствует значимый рост дисперсии практически по всем идеологическим индикаторам. Сможет ли эта группа оказывать значимое влияние на российскую политику в ближайшие несколько десятилетий? Ответ на этот вопрос зависит от множества факторов. Во-первых, будет ли поддержан запрос на либерализацию и демократизацию массами? В 2011–2012 годах мы видели рост протестной активности, произошедший в основном за счёт повышения политического участия представителей среднего класса. Вместе с тем, кажется, что запал этой группы населения постепенно выдыхается, так как лавинообразного увеличения участников протестов не произошло – и в реальности, скорее всего, эта позиция не поддерживается большинством населения. Во-вторых, очень многое зависит от когортных различий: на протяжении 2010-х годов ключевые позиции в управлении страной займут представители поколения 1960-х, а в течение следующего десятилетия и будут постепенно менять люди, родившиеся в 1970-х. Вместе с тем,

их селекторат //Селекторат – концепт в политической науке, введенный американским политологом Брюсом Буэно де Мескитой и его соавторами. Данное понятие обозначает круг влиятельных лиц, которые не занимают основные политические позиции, но при этом обладают значительным весом в распределении ключевых ролей. Их согласие с проводимой политикой и составом непосредственно руководящих страной органов является ключевым фактором эффективного государственного управления и существования режима в целом, так как селекторат в совокупности обладает достаточными ресурсами для блокирования действий правительства. См.: B.Bueno de Mesquita, A.Smith, R.M.Siverson and J.D.Morrow, *The logic of political survival* (Cambridge, MA: The MIT Press, 2003)// будут составлять индивиды, принадлежащие к когорте 1981–1990 годов, и государственная политика будет во многом зависеть от того, какие цели (и средства их достижения) будет видеть в качестве приоритетных для развития РФ эта возрастная группа. На сегодня данные опросов, как массовых, так и исследования элит Циммермана, не показывают значительного увеличения сторонников демократического государства среди младших когорт по сравнению со старшими поколениями. Вместе с тем, уровень поляризации в этих группах растет с течением времени; если эта тенденция продолжится, то вполне возможен раскол элит и обострение борьбы за власть между сторонниками авторитарного и демократического правления, в которую также с очевидностью включится и основная часть населения.

Важным фактором, который может препятствовать такому развитию событий, является рост социально-экономического благосостояния Российской Федерации. Если страна преодолеет последствия кризиса и экономический рост продолжится такими же темпами, как и в 2000-е годы, то, вероятнее всего, поляризация элит обернется не расколом и открытой конфронтацией, а формированием двух группировок в правительстве, которые будут продвигать те или иные варианты решения насущных проблем в соответствии со своими идеологическими предпочтениями. При этом общей демократизации страны не произойдет; текущий политический режим будет законсервирован на несколько десятилетий, так как сможет обеспечить воспроизводство нового поколения элиты за счет привлечения значительного числа лояльных индивидов из младших когорт. Если же экономический рост в стране прекратится или замедлится, то это чревато ростом народного недовольства и повышенной вероятностью экстремальных сценариев. В таких условиях роль случайных факторов становится чрезвычайно высокой, что делает дальнейшее развитие событий абсолютно непредсказуемым. В целом, при таком сценарии установление авторитарного режима, как показывает мировой опыт, гораздо более вероятно. В любом случае, в результате экономического кризиса, неизбежно последующего за крахом политической стабильности, произойдет снижение общего уровня постматериализма, что приведет к устранению из повестки дня массовой потребности в либерально-демократических реформах.

Что касается возможного воздействия ценностных трансформаций на поведение будущего поколения российских элит, то в этой связи можно выделить следующие основные результаты, полученные нами при анализе ценностных установок российского населения. Во-первых, можно предположить, что рост числа носителей постматериалистических установок как среди населения в целом, так и среди элит, продолжится, однако будет замедляться с течением времени в силу того, что между поколениями, родившимися после 1960 года, нет особых ценностных различий. Таким образом, по мере того как старшие когорты постепенно будут покидать ведущие позиции, среди правящих кругов общее число постматериалистов вырастет, однако затем их доля будет оставаться стабильной, либо расти чрезвычайно медленно. Одним из политических следствий этого будет меньшее внимание к таким аспектам внутренней политики, как права человека (в том числе права женщин, сексуальных и национальных меньшинств) и развитие демократических институтов (честных выборов, свободных СМИ, независимых законодательных и судебных органов власти) со стороны правящих групп.

Это также подтверждается тем, что демократия не является предпочтительной формой правления для российских граждан: авторитаризм и технократия рассматриваются как не менее адекватные формы политического режима применительно к отечественным условиям. Более того, скорее всего с течением времени авторитарное правление может стать даже более популярной формой режима среди населения страны в целом и среди элиты.

Наконец, младшие поколения в массе своей не демонстрируют высокого уровня политической активности; отдельные проявления, наблюдавшиеся в последнее время, следует отнести скорее к сфере эмоций и/или моды, нежели к сознательной установке на полноценное и широкое участие в жизни гражданского общества. Несомненно, что в обществе – особенно в больших городах, прежде всего Москве и Санкт-Петербурге – присутствует небольшая прослойка людей, которые разделяют постматериалистические установки и готовы активно защищать и продвигать

здесь сыграет и более активное проникновение иностранных капиталов в результате вступления России в ВТО и последующую интеграцию в международные экономические институты. Однако для значительной части российского общества, в том числе и для элиты, это не будет представлять особого интереса. Вообще, применительно к поведению и установкам элитных групп роль ценностного компонента в развитии демократии в России в течение ближайших 10–15 лет может рассматриваться как незначительная. Те представители когорты 1970-х

и 1980-х годов, кто разделяет постматериалистические установки, в том числе их политическое измерение, будут либо инкорпорированы в существующие властные структуры, в рамках которых им придется находить компромиссы между своими ценностными убеждениями и принятыми среди элитных групп правилами игры, либо вытеснены на обочину политической жизни.

С другой стороны, если экономический рост в стране не прервется в ближайшие годы,

то это неизбежно приведет к значительному распространению постматериалистических установок среди молодых поколений, прежде всего, родившихся после 1990 года. В свою очередь, рост постматериализма приведет к росту политической активности представителей этих когорт, которые также будут поддержаны немногочисленными, но сплоченными активистами предшествующего поколения. Режиму будет трудно игнорировать все возрастающий запрос на демократизацию и развитие гражданского общества, поэтому он будет вынужден пойти на определенные уступки. Учитывая также все более тесную интеграцию России в мировое сообщество, особенно в плане экономических отношений, и возникающие с этим институциональные требования, представляется все же, что в течение 2020-х годов в политическом климате России произойдут значительные изменения.

Демократия не является предпочтительной формой правления для российских граждан: авторитаризм и технократия рассматриваются как не менее адекватные формы политического режима применительно к отечественным условиям. Смена поколений в российской элите вряд ли приведет к значительной либерализации и демократизации режима

гать свои идеалы. Однако на массовую поддержку эта группа рассчитывать не может, что и показало значительное снижение протестной активности в период после первого пика на рубеже 2011–2012 годов.

Таким образом, смена поколений в российской элите вряд ли приведет к значительной либерализации и демократизации режима; скорее всего, основной акцент в управлении страной будет сделан на комбинацию авторитарных и технократических методов. Вместе с тем, институты гражданского общества и демократии в России также будут развиваться, однако достаточно медленно; кроме того, главным двигателем этого процесса будут выступать скорее экономические интересы, по крайней мере, на первом этапе, – этот процесс будет инициироваться необходимостью наладить контакт между бизнесом (в первую очередь средним и малым) и властью. Скорее всего, свою роль

4. Список литературы

1. Андреев Р. Антиамериканизм в современной России: общие тенденции и специфические черты // Вестник Пермского университета, серия: политология, №3, 2011.
2. Баталов Э. Россия и Запад: Эволюция российского общественного сознания // Современная Европа, №1, 2003.
3. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности / Пер. с англ. Грингольц Т. и Вирозуба М. — М.: ПЕР СЭ, 2008.
4. Гудков Л. Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Мониторинг общественного мнения, № 2, 2002.
5. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
6. Крыштановская О. Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России, № 4, 2004. С.3–39.
7. Лапкин В., Пантин В. Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции // ПОЛИС: Политические исследования, № 6, 1999. С. 70–81.
8. Левада Ю. «Есть мнение!»: Итоги социологического опроса. М., 1990.
9. Чирикова Е. Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен // Политические исследования. №6, 2008. С. 98–112.
10. Фокин В. Особенности отношений бизнеса и власти в России // Международные процессы, № 2, 2009. С. 116–121.
11. Akaike H. A new look at the statistical model identification // Automatic Control, IEEE Transactions on. Vol.19 (1974). P. 716–723.
12. Bremmer I., Charap S. The Siloviki in Putin's Russia: Who They Are and What They Want // The Washington Quartely. Vol.30 (2007). P. 83–92.
13. Bueno de Mesquita B. et al. The logic of political survival. Cambridge, MA: The MIT Press, 2003.
14. Burton M., Higley J. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

15. Gelman V. Russia's Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation? // *Demokratizatsiya*. Vol.10 (2002). P. 343–361.
16. Gelman V. Subversive institutions, informal governance, and contemporary Russian // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol.45 (2012). P. 295–303.
17. Greenfield L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1992.
18. Higley J., Moore J. Elite Integration in the United States and Australia // *American Political Science Review*. Vol.75 (1981). P. 581–597.
19. Inglehart R. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
20. Inglehart R. The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies // *American Political Science Review*. Vol.65 (1971). P.991–1017.
21. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge university press, 2005.
22. Inglehart R., Welzel C. Political Culture and Democracy: Analyzing Cross-Level Linkages // *Comparative Politics*. Vol.36 (2003a). P.61–79.
23. Inglehart R. Welzel C. The theory of human development: A cross-cultural analysis // *European Journal of Political Research*. Vol.42 (2003b).P. 341–379.
24. Kagarlitsky B. *Russia under Yeltsin and Putin: neo-liberal autocracy*. London: Pluto Press, 2002.
25. Katzenstein P., Keohane R. *Anti-Americanisms in World Politics*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007.
26. Kohn M. *Class and Conformity: A Study in Values, With a New Essay, "Reassessment, 1977"* (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1977.
27. Krastev I. The Anti-American Century // *Journal of Democracy*, Volume 15, Number 2, April 2004.
28. Mendelson S., Gerber T. Activist Culture and Transnational Diffusion: Social Marketing and Human Rights Groups in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol.23 (2007). P. 50–75.
29. Mouw T., Sobel M. Culture Wars and Opinion Polarization: The Case of Abortion // *American Journal of Sociology*. Vol.106 (2001). P.913–943.
30. Mueller J. Presidential Popularity from Truman to Johnson // *The American Political Science Review*. Vol.64 (1970).P. 18–34.
31. Rose R. New Russia Barometer, 1992–2009. <http://www.esds.ac.uk/findingData/snDescription.asp?sn=6445> (Дата обращения: 03.11.2012)
32. Schwarz G. E. Estimating the dimension of a model // *Annals of Statistics*. Vol.6 (1978). P.461–464.

33. Shlapentokh V. The Puzzle of Russian Anti-Americanism: From “Below” or From “Above” // Europe-Asia Studies. Vol.63 (2011). P. 875–889.
34. Stenner K. The authoritarian dynamic. Cambridge: Cambridge university press, 2005.
35. Szporluk R. Communism and Nationalism. Karl Marx versus Friedrich List. Oxford: Oxford University Press, 1988.
36. Tetlock P. Personality and isolationism: Content analysis of senatorial speeches // Journal of Personality and Social Psychology. Vol.41 (1981). P.737–743.
37. World Value Survey, 1981–2008. <http://www.worldvaluessurvey.org> (Дата обращения: 14.10.2012).
38. Yajima M. et al. Multiple Imputation with Diagnostics (mi) in R: Opening Windows into the Black Box // Journal of Statistical Software. Vol.45 (2011).
39. Zimmerman W. Contemporary Russian foreign policy elite conceptions of Russia’s national interests: “People and state” and “Statist” perspectives // The National Council for Eurasian and East European Research, Washington, June 2009.
40. Zimmerman W. The Russian People and Foreign Policy: Mass and Elite Perspectives, 1993–2000. Princeton: Princeton University Press, 2002.

Приложение 1

Двуликий Янус: портреты типичных представителей российской элиты 2020-х годов

В течение двух следующих десятилетий в высшие страты российского общества вольется большое количество людей, родившихся в 1980-х годах. Они ещё не будут занимать ключевые политические позиции на протяжении указанного периода, однако составят костяк как различных органов власти, так и влиятельных экономических структур, а также научных и культурных

приоритетов России, а также гражданская активность. Все же, прежде чем представить наши результаты, необходимо отметить, что предлагаемые ниже зарисовки основаны на допущении о том, что темпы экономического роста и роста благосостояния в России останутся достаточно высокими. Альтернативный сценарий кратко рассматривается в конце заметки.

Можно выделить две основных группы представителей элит. Первую группу будут составлять постматериалисты, среди представителей второй группы доминировать будут носители материалистических и смешанных ценностей

организаций. Таким образом, их влияние на события в масштабах страны будет достаточно высоким; можно сказать, что им будет принадлежать «блокирующий пакет акций» в управлении страной. Поэтому изучение жизненных установок и ценностей этого поколения представляет особый интерес для предсказания того, как будет развиваться Россия в ближайшие десятилетия.

По результатам проведенного нами анализа был составлен портрет типичного представителя элиты 2020-х годов. Основное внимание в рамках этого направления уделялось следующим аспектам: ценностные характеристики будущих лидеров, их политические убеждения, оценка международной ситуации и внешнеполитических

В России, как и в большинстве стран мира, осуществляется переход к постматериалистическому обществу, что предполагает постепенное снижение значения материальных аспектов жизни для все большего числа людей. Этот процесс также приводит к широкому распространению эмансипативных ценностей среди населения, что имеет своим результатом рост числа приверженцев демократической системы управления. Постматериалистические установки, в противовес ценностям выживания, характерным для индустриальной цивилизации, в качестве приоритетных жизненных целей подразумевают стремление к самовыражению и реализации творческого потенциала индивида.

Применительно к анализу российской действительности, рост постматериализма среди младших поколений может означать, что по мере взросления и приобретения большего веса в принятии важных социальных, экономических и политических решений представители этих возрастных групп будут также трансформировать саму

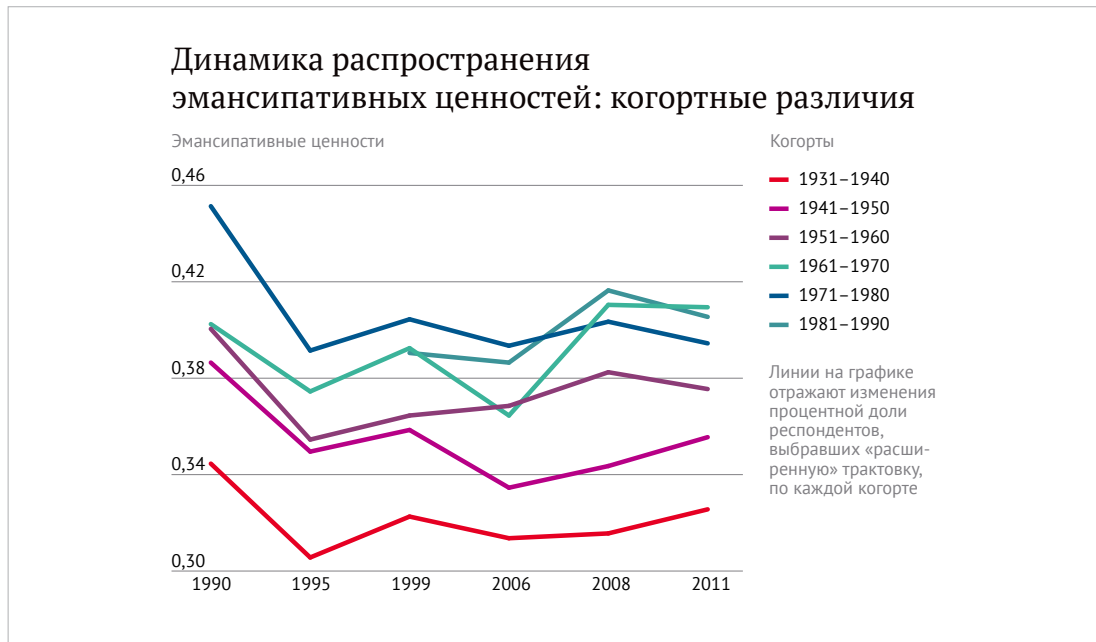

График 1

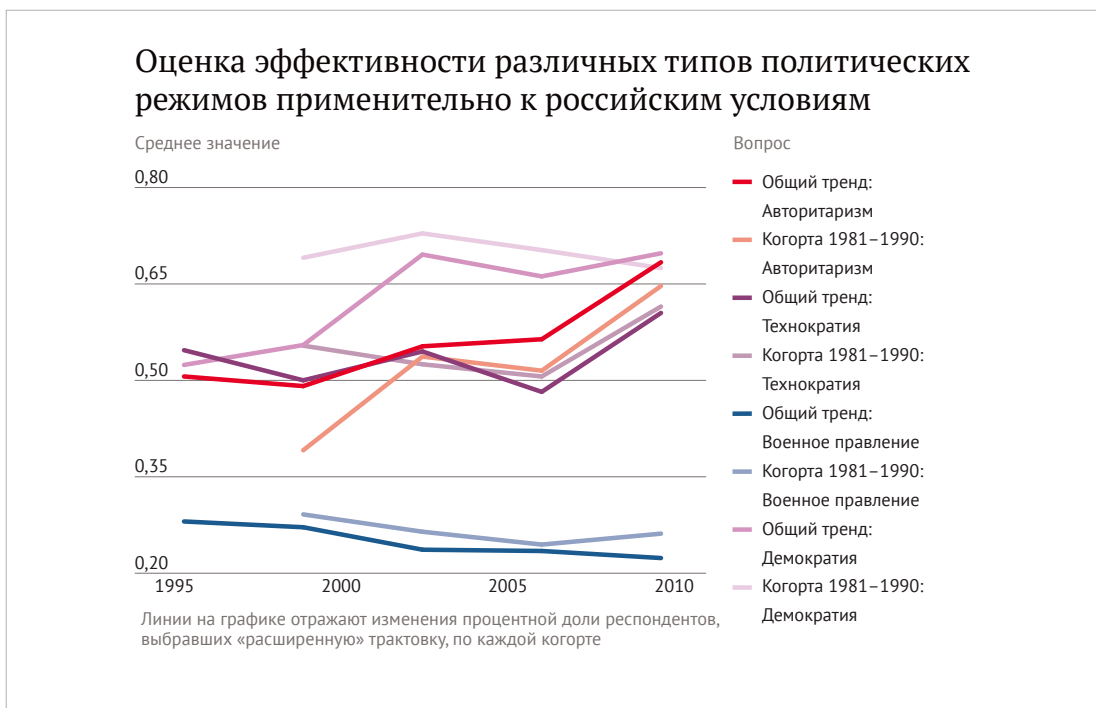

График 2

общественную систему, в рамках которой они существуют, делая ее более демократичной и открытой.

Однако, как показывают данные (см. График 1), в России распространение эмансипативных ценностей идет умеренными темпами, более того, значительного увеличения этого показателя для рассматриваемой

Это разделение будет иметь последствия для различных направлений внешней и внутренней политики РФ. Так, авторитарная форма правления становится все более популярной среди будущих членов элитных групп, в то время как количество приверженцев демократической формы политического устройства постепенно снижается данные (см. График 2).

Авторитаризм со временем будет становиться все более популярным среди возрастной группы 1981–1990 г.р.

возрастной группы по сравнению с людьми, родившимися в предыдущие десятилетия (1960-е и 1970-е), не наблюдается. По мере уменьшения доли представителей самых старших поколений, в элите будет происходить постепенное распространение эмансипативных ценностей, однако в ближайшие двадцать лет этот процесс будет идти достаточно медленно.

В 2011 году примерно равное количество представителей возрастной группы, включающей людей 1981–1990 годов рождения, поддерживает несколько различных системы политического управления: авторитаризм и технократия являются не менее приемлемыми для этих респондентов, чем демократия. Более того, учитывая, что наблюдается значительный рост сторонников авторитарных форм правления, мы можем заключить, что авторитаризм со временем будет становиться все более популярным среди представителей рассматриваемой группы.

Весьма вероятно, что через десять лет российская внешняя политика сосредоточится на регионах, непосредственно граничащих с РФ

Более того, элита через десять лет будет в значительной степени поляризованной, как в ценностном, так и в идеологическом плане. Можно выделить две основных группы представителей элит, исходя из их ценностных установок и взглядов. Первую группу будут составлять именно постматериалисты, однако они будут меньшинством – даже учитывая тот факт, что среди образованных и статусных индивидов постматериализм в целом распространен выше, эта категория среди элиты будет составлять не более трети. Среди представителей второй группы доминировать будут носители материалистических и смешанных ценностей.

Сторонникам демократии западного образца в России придется встраиваться в существующую политическую систему, отличающуюся значительной поляризацией взглядов относительно предпочтительной формы политического устройства, в противном случае они окажутся исключенными из процесса принятия ключевых политических решений.

Что касается внешнеполитических установок людей, которые составят основную часть элитных групп 2020-х годов, то в данной сфере индивидуальные ценностные ориентации играют менее значимую роль. Установки относительно Соединенных Штатов, которые формируются под воздействием рессентимента, а также усиления патриотических тенденций благодаря экономическим успехам существующего режима и обусловленной этим более эмоциональной реакцией на обострения в российско-американских отношениях,

определяют достаточно настороженное восприятие американской внешней политики со стороны отечественных элит. Как показывает анализ, среди представителей младших поколений случаются резкие всплески агрессии по отношению к США в периоды международной напряженности и дипломатических конфликтов, затрагивающих интересы обеих стран, и в целом считают США угрозой национальной безопасности страны. Мы можем говорить о том, что после увеличения доли представителей поколения 1980-х в сфере принятия внешнеполитических решений в целом Россия будет занимать более жесткую позицию на международной арене. Это не обязательно означает прямое применение военной силы для решения возникающих проблемных ситуаций, но при ведении

да во властные структуры новых представителей элит. Обеспечение стабильности евразийского пространства будет ключевой задачей в 2020-х, а на мировой арене предпочтение будет отдано поддержанию международного авторитета и сфер влияния, которые существуют на сегодняшний день.

Поколение 1980-х отличается достаточно прагматичными взглядами, и идеологии оно предпочитает экономические интересы. Это видение будет лежать в основе формирования внутривластного курса страны в ближайшие десятилетия. Россия будет продолжать входить в мировую экономическую систему: вступление в ВТО – это лишь первый шаг, который демонстрирует открытость зарубежным инвестициям и готовность принять правила игры, при-

нятые на международных рынках. Таким образом, несмотря на то, что ведущим направлением внешней политики станут приграничные территории и постсоветское пространство в целом, внешнеполитический курс России не превратится в изоляционистский, и интеграция в международную экономическую и политическую

систему будет осуществляться, однако только в той мере, в которой это необходимо для наиболее эффективной реализации национальных интересов страны.

Гражданскую активность будущей элиты сегодня можно оценить как достаточно низкую. Однако в этом отношении также можно отметить наличие двух отчетливо выраженных групп. С одной стороны, это постматериалисты с демократическими убеждениями, которые будут активно участвовать в политической деятельности, в том числе направленной на формирование в России институтов гражданского общества, смягчения законодательства, развитие прав и свобод человека и большую открытость власти. Вполне возможно, что этой группе политических активистов будет противостоять и другая, защищающая консервативные или националистические позиции. Однако большинство представителей этого поколения являются весьма аполитичными, с акцентом на карьеру,

Через десять лет в элитных кругах сложится две основных группы, выделенных по критерию политических предпочтений: демократы и технократы-авторитаристы

диалога с влиятельными акторами мировой политики Российская Федерация будет защищать свои интересы, как в ближнем зарубежье, так и по всему миру, и заявлять свое право на участие в принятии ключевых международных решений.

Однако необходимо отметить, что молодое поколение склонно менее широко, чем их предшественники оценивать сферу национального интереса России. Поэтому весьма вероятно, что через десять лет российская внешняя политика сосредоточится на регионах, непосредственно граничащих с РФ. Амбициозные геополитические планы советского времени не рассматриваются представителями младшей когорты как внешнеполитический приоритет, они более осторожно выбирают цели и инструменты реализации внешнеполитических задач. Курс на интеграцию с бывшими советскими республиками, который был сформулирован в последние несколько лет, скорее всего, сохранится и после прихо-

а не на продвижение политических и ценностных идеалов.

Резюмируя, можно дать следующий прогноз относительно изменения элитной политики через десятилетие. Во-первых, есть значительные основания полагать, что через десять лет в элитных кругах сложится две основных группы, выделенных по критерию политических предпочтений: демократы и технократы-авторитаристы. Это позволяет сделать вывод, что смена поколений в российской элите не приведет к резкой либерализации и демократизации политического режима. Скорее всего, основной акцент в управлении страной будет сделан на комбинации авторитарных и технократических методов с целью достижения максимального экономического роста. Вместе с тем, на внешнюю политику страны это разделение практически не повлияет. Более этого, установка на интеграцию России в мировую экономику и в целом благоприятное отношение к рынку могут выступить одним из движителей политической трансформации в стране.

Все же, как уже было отмечено в начале, представленная картина подразумевает, что экономическое развитие России не замед-

лится. В противном случае рост постматериализма и постепенная демократизация режима прекратятся; тогда доминирующие позиции среди младшего поколения элиты займут люди, ориентированные на удовлетворение материальных потребностей; скорее всего, им будет присуща модель так называемого «хищнического» поведения, что означает рост коррупции и государственного давления на бизнес. Кроме того, внешнеполитические установки лидеров страны в данном случае будут отличаться повышенным уровнем агрессии.

Тем не менее, мы предполагаем, что такой сценарий менее вероятен. С большей вероятностью среди элиты все же будет постепенно идти распространение постматериалистических убеждений, что, в конце концов, приведет к формированию нового типа политиков и управленцев, а также существенной трансформации режима. Однако это произойдет уже в 2030-е годы. До этого большую часть элиты будут составлять представители смешанного ценностного типа, которые не будут заинтересованы в принципиальном изменении основных политических институтов страны, если, конечно, у них не появятся сильные экономические стимулы к переменам.

Приложение 2

Регрессионные таблицы. Влияние индивидуально- психологических особенностей на внешнеполитические установки

Таблица 1

Регрессионная модель связи определения сферы геополитических интересов с индивидуально-психологическими особенностями

	Base1	Best1
(Intercept)	-1.554 (2.715)	0.572 (1.456)
Inequality	0.598*** (0.185)	0.563*** (0.173)
Self Esteem	0.212 (0.330)	
Need For Order	-0.393* (0.158)	-0.345* (0.149)
Punitivness	-0.339* (0.169)	-0.299 (0.157)
Mental Rigidness	0.516*** (0.156)	0.474*** (0.145)
Trust	0.367 (0.340)	
Happiness	0.201 (0.320)	
Gender	-0.614 (0.466)	
Group: Science/Education/Media	0.373 (0.651)	0.112 (0.578)
Group: Business/Media	-0.694 (0.606)	-0.908 (0.569)
Group: State-owned Enterprises/Media	-1.293 (0.708)	-1.666** (0.621)
Group: Executive/Media	-1.375* (0.623)	-1.409* (0.586)
Group: Legislative/Media	0.357 (0.694)	0.181 (0.611)
Group: Military/Media	-0.915 (0.799)	-1.148* (0.581)
CPSU	-1.123* (0.570)	-1.448*** (0.482)

	Base1	Best1
Age	0.011 (0.022)	
Edu: Admin/Military/High-Tech	0.121 (0.563)	
Edu: Human/High-Tech	0.867 (0.447)	
Edu: Other/High-Tech	1.293 (1.243)	
EthInd	0.018* (0.007)	0.017* (0.007)
Conservative Parenting	0.897 (0.591)	0.952 (0.553)
Aldrich-Nelson R-sq.	0.251	0.233
McFadden R-sq.	0.247	0.224
Cox-Snell R-sq.	0.284	0.261
Nagelkerke R-sq.	0.384	0.353
phi	1.000	1.000
Likelihood-ratio	80.296	72.714
p	0.000	0.000
Log-likelihood Deviance	-122.151 244.302	-125.942 251.884
AIC	288.302	279.884
BIC	364.876	328.613
N	240	240

signif. codes - "****"=.005, "***"=.01, "**"=.05

Таблица 2

Регрессионная модель связи роли военной силы в международных отношениях с индивидуально-психологическими особенностями

	Base2	Best2
(Intercept)	5.622* (2.647)	6.090** (2.196)
Inequality	0.030 (0.173)	
Self Esteem	0.165 (0.345)	
Need For Order	0.218 (0.157)	0.290* (0.145)

	Base2	Best2
Punitivness	0.325 (0.168)	0.285 (0.153)
Mental Rigidity	-0.230 (0.156)	-0.350* (0.144)
Trust	-0.740* (0.367)	-0.673* (0.343)
Happiness	0.177 (0.333)	
Gender	-0.060 (0.476)	
Group: Science/Education/Media	-0.379 (0.702)	
Group: Business/Media	-0.596 (0.674)	
Group: State-owned Enterprises/Media	-0.339 (0.738)	
Group: Executive/Media	-1.002 (0.661)	
Group: Legislative/Media	0.031 (0.764)	
Group: Military/Media	-1.821* (0.838)	
CPSU	-0.797 (0.567)	-0.973 (0.503)
Age	-0.056* (0.022)	-0.054* (0.021)
Edu: Admin/Military/High-Tech	-1.015* (0.510)	-1.580*** (0.416)
Edu: Human/High-Tech	-0.222 (0.459)	-0.142 (0.386)
Edu: Other/High-Tech	15.869 (1071.797)	15.652 (1091.824)
EthInd	-0.021*** (0.007)	-0.019** (0.007)
Conservative Parenting	2.594*** (0.648)	2.409*** (0.618)
Aldrich-Nelson R-sq.	0.257	0.234
McFadden R-sq.	0.263	0.233
Cox-Snell R-sq.	0.293	0.263
Nagelkerke R-sq.	0.400	0.360
phi	1.000	1.000
Likelihood-ratio	83.110	73.393
p	0.000	0.000
Log-likelihood Deviance	-116.163 232.326	-121.021 242.043
AIC	276.326	266.043

	Base2	Best2
BIC	352.900	307.811
N	240	240

signif. codes - "****"=.005, "***"=.01, "**"=.05

Таблица 3

**Регрессионная модель связи отношения к США
с индивидуально-психологическими особенностями**

	Base3	Best3
(Intercept)	4.695* (2.322)	-0.030 (0.488)
Inequality	0.198 (0.149)	
Self Esteem	-0.321 (0.308)	
Need For Order	-0.151 (0.137)	
Punitivness	-0.183 (0.149)	
Mental Rigidity	0.274* (0.139)	0.316** (0.118)
Trust	0.036 (0.313)	
Happiness	-0.466 (0.300)	
Gender	0.317 (0.407)	
Group: Science/Education/Media	-0.493 (0.596)	
Group: Business/Media	-0.627 (0.558)	
Group: State-owned Enterprises/Media	-1.026 (0.619)	
Group: Executive/Media	-0.124 (0.562)	
Group: Legislative/Media	-0.947 (0.658)	
Group: Military/Media	-0.249 (0.716)	
CPSU	-0.693 (0.497)	
Age	-0.021 (0.020)	
Edu: Admin/Military/High-Tech	-0.128 (0.477)	

	Base3	Best3
Edu: Human/High-Tech	-0.451 (0.403)	
Edu: Other/High-Tech	1.040 (1.083)	
EthInd	-0.027*** (0.007)	-0.023*** (0.006)
Conservative Parenting	-1.647*** (0.550)	-1.507*** (0.497)
Aldrich-Nelson R-sq.	0.166	0.122
McFadden R-sq.	0.144	0.101
Cox-Snell R-sq.	0.180	0.130
Nagelkerke R-sq.	0.241	0.173
phi	1.000	1.000
Likelihood-ratio	47.730	33.422
p	0.001	0.000
Log-likelihood Deviance	-142.282 284.564	-149.436 298.872
AIC	328.564	306.872
BIC	405.138	320.795
N	240	240

signif. codes - "***"=.005, "**"=.01, "*"=.05

Таблица 4

**Регрессионная модель связи отношения к военной операции в Ливии
с индивидуально-психологическими особенностями**

	Base4	Best4
(Intercept)	-5.154 (2.835)	-5.018*** (1.367)
Inequality	0.069 (0.200)	
Self Esteem	0.557 (0.382)	0.484 (0.326)
Need For Order	0.415* (0.194)	0.410* (0.183)
Punitivness	0.089 (0.185)	
Mental Rigidity	-0.338* (0.159)	-0.330* (0.137)

	Base4	Best4
Trust	0.503 (0.390)	0.539 (0.378)
Happiness	0.570 (0.358)	0.505 (0.323)
Gender	-0.321 (0.491)	
Group: Science/Education/Media	0.468 (0.700)	
Group: Business/Media	1.134 (0.686)	
Group: State-owned Enterprises/Media	0.395 (0.767)	
Group: Executive/Media	0.082 (0.722)	
Group: Legislative/Media	0.341 (0.787)	
Group: Military/Media	0.494 (0.926)	
CPSU	-0.085 (0.620)	
Age	-0.013 (0.023)	
Edu: Admin/Military/High-Tech	-0.233 (0.595)	-0.258 (0.478)
Edu: Human/High-Tech	-0.553 (0.444)	-0.660 (0.392)
Edu: Other/High-Tech	-16.663 (1121.125)	-16.122 (1170.926)
EthInd	0.019* (0.008)	0.017* (0.007)
Conservative Parenting	2.054*** (0.684)	1.917*** (0.654)
Aldrich-Nelson R-sq.	0.164	0.150
McFadden R-sq.	0.184	0.165
Cox-Snell R-sq.	0.178	0.162
Nagelkerke R-sq.	0.272	0.246
phi	1.000	1.000
Likelihood-ratio	47.159	42.312
p	0.001	0.000
Log-likelihood Deviance	-104.380 208.759	-106.803 213.606
AIC	252.759	235.606
BIC	329.333	273.893
N	240	240

signif. codes - "****"=.005, "***"=.01, "**"=.05

Таблица 5

Регрессионная модель связи отношения к военной операции в Сирии с индивидуально-психологическими особенностями

	Base5	Best5
(Intercept)	-5.169 (2.696)	-4.853*** (1.257)
Inequality	-0.192 (0.188)	
Self-Esteem	0.637 (0.363)	0.488 (0.306)
Need For Order	0.540*** (0.190)	0.442** (0.169)
Punitivness	0.122 (0.182)	
Mental Rigidity	-0.344* (0.159)	-0.241 (0.129)
Trust	0.726 (0.376)	0.653 (0.351)
Happiness	0.420 (0.340)	0.438 (0.307)
Gender	0.058 (0.466)	
Group: Science/Education/Media	0.187 (0.657)	
Group: Business/Media	1.166 (0.643)	
Group: State-owned Enterprises/Media	-0.179 (0.741)	
Group: Executive/Media	0.226 (0.670)	
Group: Legislative/Media	0.210 (0.747)	
Group: Military/Media	0.575 (0.877)	
CPSU	-0.470 (0.580)	
Age	0.006 (0.022)	
Edu: Human/High-Tech	-0.268 (0.434)	
Edu: Other/High-Tech	-16.665 (1131.740)	
EthInd	0.012 (0.008)	
Conservative Parenting	1.659** (0.632)	1.577** (0.573)
Aldrich-Nelson R-sq.	0.141	0.099
McFadden R-sq.	0.149	0.101

	Base5	Best5
Cox-Snell R-sq.	0.151	0.104
Nagelkerke R-sq.	0.227	0.157
phi	1.000	1.000
Likelihood-ratio	39.249	26.460
p	0.009	0.000
Log-likelihood Deviance	-111.939 223.878	-118.333 236.667
AIC	267.878	250.667
BIC	344.452	275.031
N	240	240

signif. codes - "****"=.005, "***"=.01, "**"=.05

Приложение 3

Регрессионные таблицы. Вариации антиамериканизма

Таблица 1

Регрессионные модели связи антиамериканизма с оценками текущего политического и экономического курса

	Model 1a	Model 1b
(Intercept)	-0.807*** (0.081)	-2.008*** (0.306)
disappointment	1.739*** (0.080)	3.130*** (0.350)
confidence	-0.959*** (0.116)	-1.925*** (0.379)
Year: Y94/Y93		0.315 (0.366)
Year: J96/Y93		0.389 (0.385)
Year: JA96/Y93		1.267*** (0.420)
Year: MA98/Y93		0.894* (0.417)
Year: J00/Y93		1.489*** (0.401)
Year: A00/Y93		1.558*** (0.448)
Year: J01/Y93		1.888*** (0.411)
Year: J03/Y93		2.725*** (0.521)
Year: J05/Y93		1.826*** (0.459)
Year: A07/Y93		2.192*** (0.664)
Year: Jun 09/Y93		1.341 (0.746)
disappointment × Year: Y94/Y93		-0.687 (0.408)
disappointment × Year: J96/Y93		-0.751 (0.427)

	Model 1a	Model 1b
disappointment $\times$ Year: JA96/Y93		-1.809*** (0.437)
disappointment $\times$ Year: MA98/Y93		-0.909* (0.460)
disappointment $\times$ Year: JO0/Y93		-1.829*** (0.447)
disappointment $\times$ Year: AO0/Y93		-1.492*** (0.476)
disappointment $\times$ Year: JO1/Y93		-1.763*** (0.442)
disappointment $\times$ Year: JO3/Y93		-2.361*** (0.473)
disappointment $\times$ Year: JO5/Y93		-1.497*** (0.474)
disappointment $\times$ Year: AO7/Y93		-1.710*** (0.591)
disappointment $\times$ Year: Jun 09/Y93		-2.146*** (0.605)
Year: Y94/Y93 $\times$ confidence		1.676*** (0.469)
Year: J96/Y93 $\times$ confidence		0.983 (0.516)
Year: JA96/Y93 $\times$ confidence		0.869 (0.552)
Year: MA98/Y93 $\times$ confidence		0.628 (0.534)
Year: JO0/Y93 $\times$ confidence		1.413** (0.536)
Year: AO0/Y93 $\times$ confidence		0.766 (0.634)
Year: JO1/Y93 $\times$ confidence		0.523 (0.552)
Year: JO3/Y93 $\times$ confidence		-0.511 (0.728)
Year: JO5/Y93 $\times$ confidence		0.494 (0.609)
Year: AO7/Y93 $\times$ confidence		0.512 (0.903)
Year: Jun 09/Y93 $\times$ confidence		2.475* (1.044)
Aldrich-Nelson R-sq.	0.028	0.059
McFadden R-sq.	0.021	0.046
Cox-Snell R-sq.	0.028	0.061
Nagelkerke R-sq.	0.038	0.081
phi	1.000	1.000
Likelihood-ratio	559.735	1230.809

	Model 1a	Model 1b
p	0.000	0.000
Log-likelihood	-13133.607	-12798.069
Deviance	26267.213	25596.139
AIC	26273.213	25668.139
BIC	26296.877	25952.108
N	19693	19693

Таблица 2

Регрессионные модели связи антиамериканизма с оценками текущего курса и контрольными переменными

	Model 2a	Model 2b
(Intercept)	-1.216*** (0.136)	-0.945*** (0.128)
disappointment	1.621*** (0.100)	1.617*** (0.100)
confidence	-1.045*** (0.143)	-1.042*** (0.144)
Year: JA96/J96	0.221*** (0.077)	0.225*** (0.077)
Year: MA98/J96	0.253*** (0.069)	0.251*** (0.069)
Year: JO0/J96	0.712*** (0.067)	0.711*** (0.067)
Year: AO0/J96	0.646*** (0.075)	0.646*** (0.075)
Year: JO1/J96	0.656*** (0.066)	0.656*** (0.066)
Year: JO3/J96	0.611*** (0.073)	0.608*** (0.073)
Year: JO5/J96	0.753*** (0.067)	0.756*** (0.067)
Year: AO7/J96	1.015*** (0.091)	1.017*** (0.091)
Year: Jun 09/J96	1.026*** (0.090)	1.028*** (0.090)
Status	0.026*** (0.009)	
education: Higher/else	0.141*** (0.045)	0.141*** (0.045)

	Model 2a	Model 2b
cohort: 1971/1940	-0.089 (0.057)	-0.083 (0.057)
Sex: female	-0.167*** (0.034)	-0.167*** (0.034)
empstat: full-time/other	0.074 (0.041)	0.077 (0.041)
urban	0.033 (0.039)	0.033 (0.039)
status2: lower middle/lowest		-0.064 (0.050)
status2: upper middle/lowest		-0.172*** (0.050)
status2: higher/lowest		-0.141* (0.066)
status2: elite/lowest		-0.190 (0.115)
Aldrich-Nelson R-sq.	0.045	0.046
McFadden R-sq.	0.035	0.035
Cox-Snell R-sq.	0.046	0.047
Nagelkerke R-sq.	0.062	0.063
phi	1.000	1.000
Likelihood-ratio	711.051	715.994
p	0.000	0.000
Log-likelihood Deviance	-9928.874 19857.748	-9926.402 19852.805
AIC	19899.748	19900.805
BIC	20059.623	20083.520
N	14960	14960

Приложение 4

Восприятие внешних и внутренних угроз российскими элитами

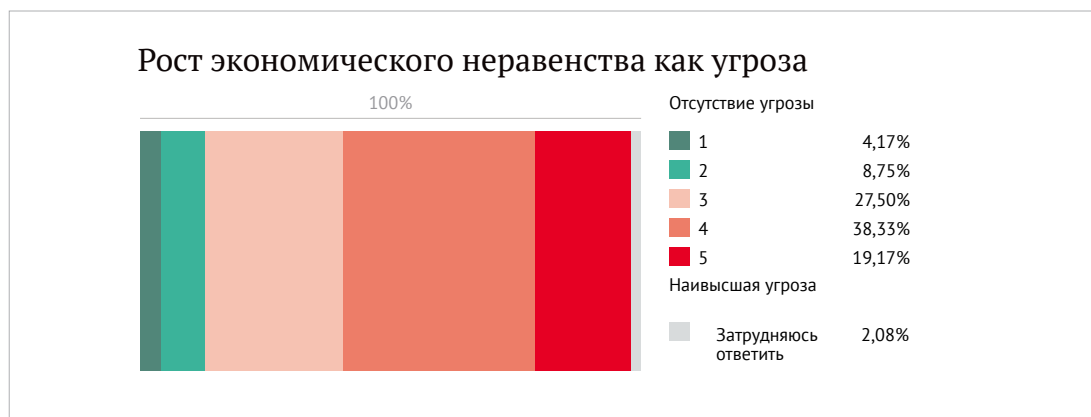

График 1

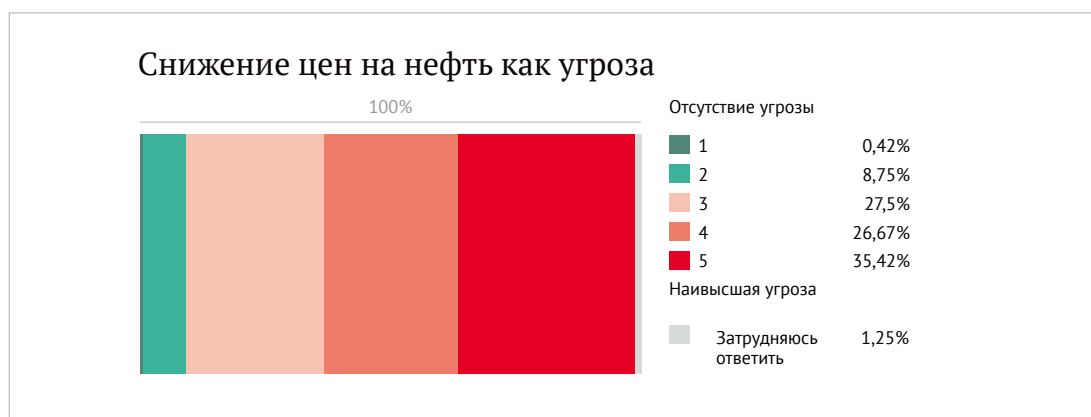

График 2

График 3

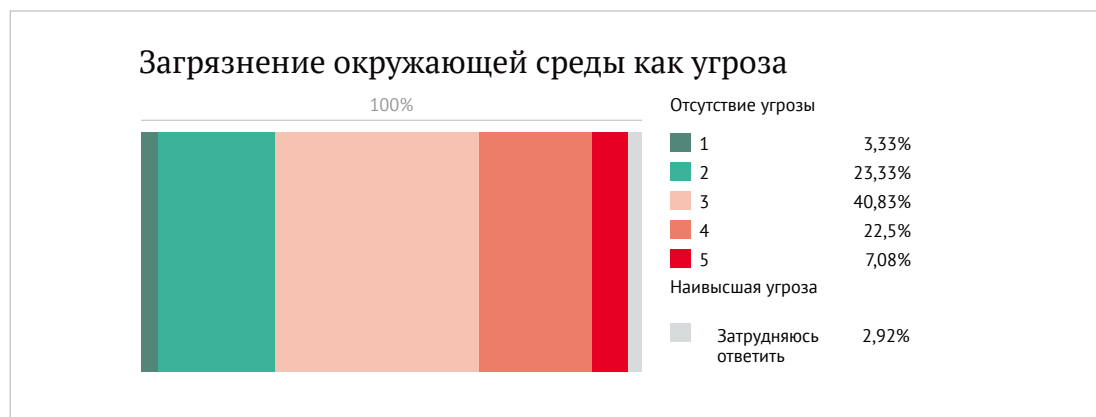

График 4

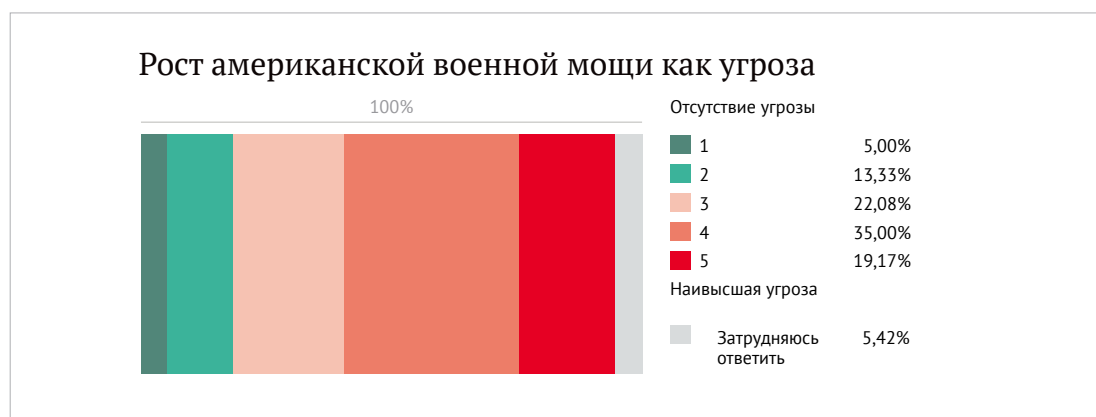

График 5

Неспособность решить внутренние проблемы как угроза

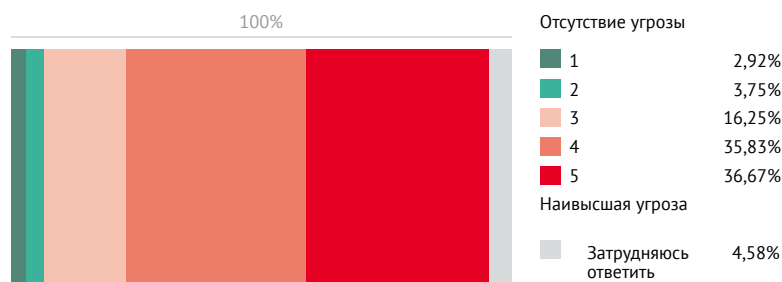

График 6

Терроризм как угроза

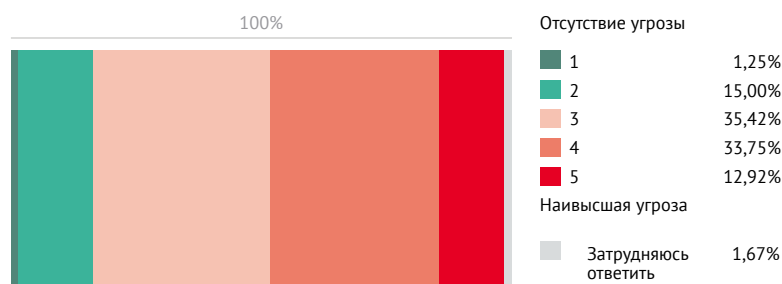

График 7

Приграничные конфликты как угроза

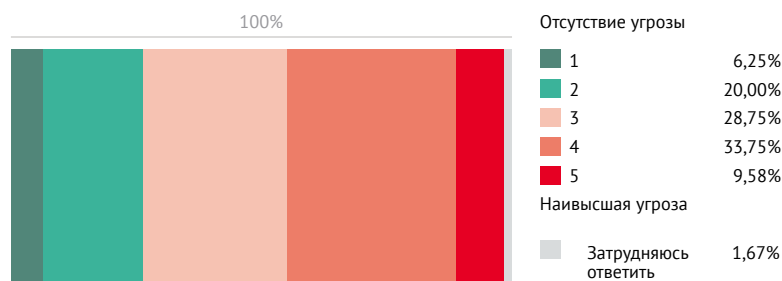

График 8

Рост напряженности между русскими и представителями других национальностей как угроза

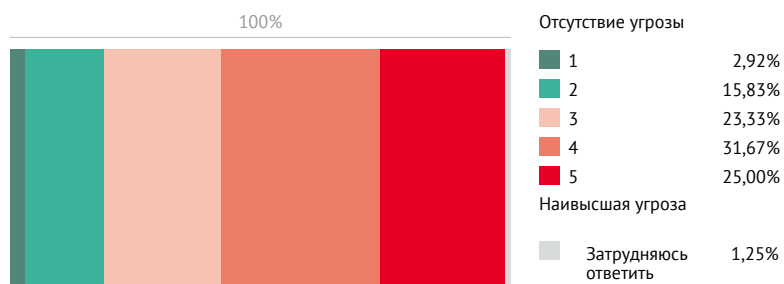

График 9

Цветная революция как угроза

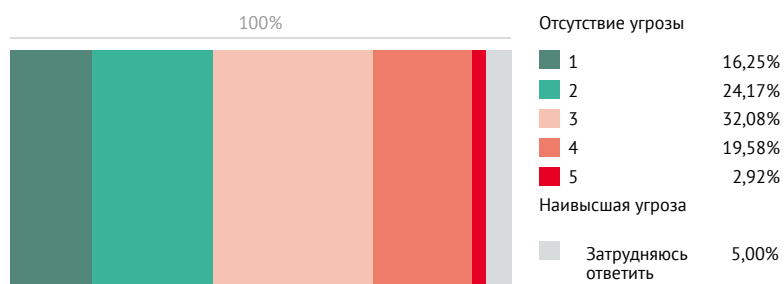

График 10

Приложение 5

Когортные отличия в установках российской элиты

График 1

Когортные различия дисперсии по утверждению «В любом обществе всегда будет необходимо запрещать публичное высказывание опасных мыслей»

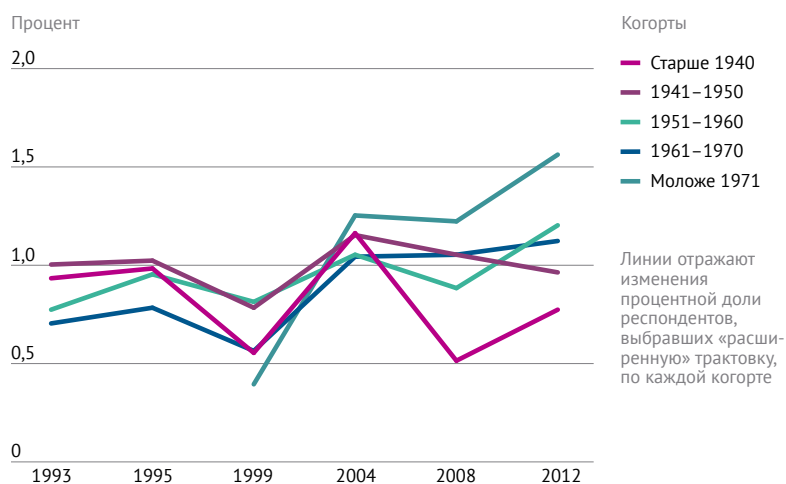

График 2

Когортные различия средних по утверждению «Права человека должны быть защищены, даже если виновные люди будут иногда оставаться на свободе»

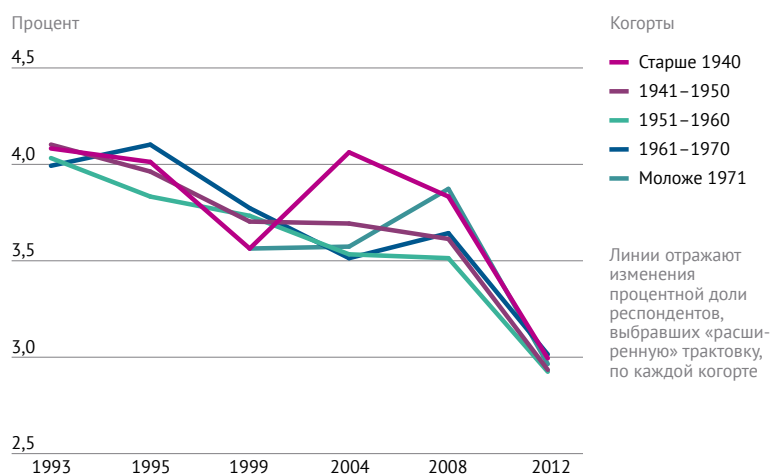

График 3

Когортные различия дисперсии по утверждению «Права человека должны быть защищены, даже если виновные люди будут иногда оставаться на свободе»

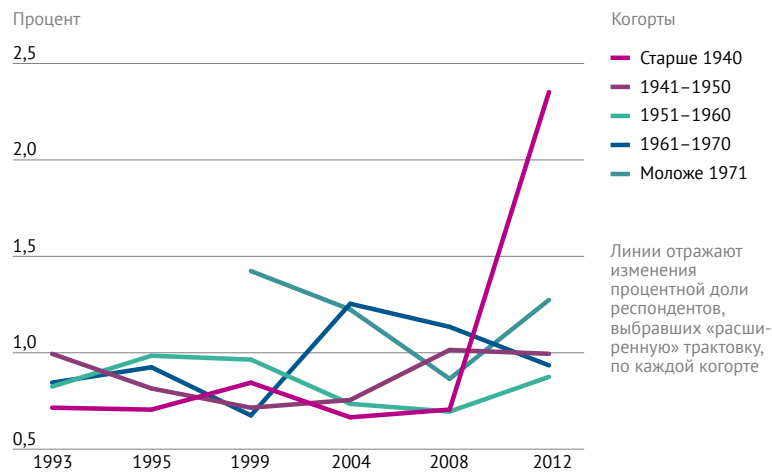

График 4

Когортные различия средних по утверждению «Интересы общества должны быть защищены, даже если невинные люди будут иногда попадать в тюрьму»

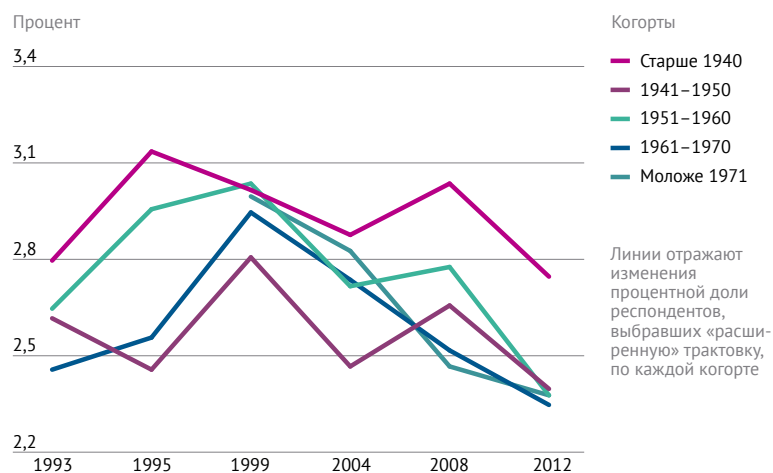

График 5

Когортные различия дисперсии по утверждению «Интересы общества должны быть защищены, даже если невиновные люди будут иногда попадать в тюрьму»

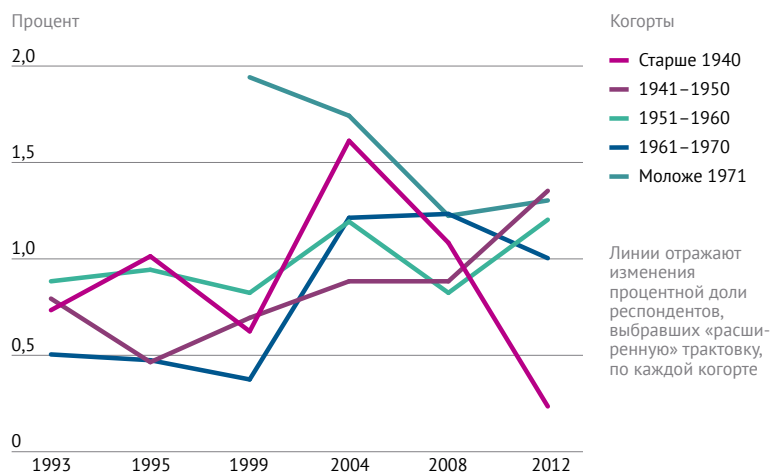

График 6

Когортные различия средних по утверждению «Очевидно, что из всех существующих в мире философий только одна безусловно правильная»

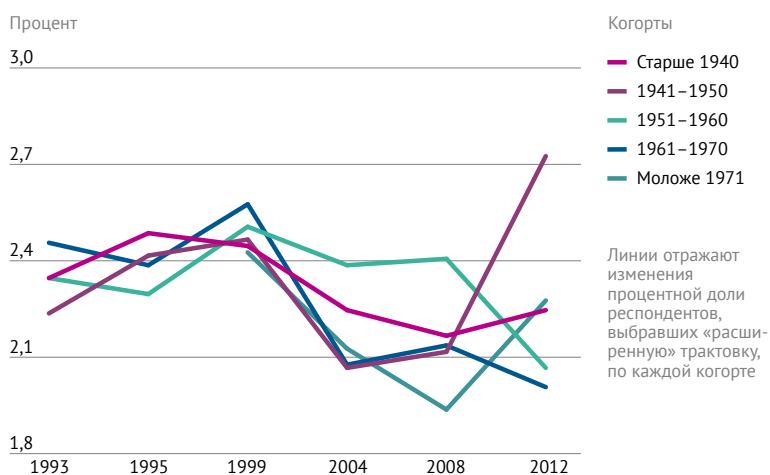

График 7

Когортные различия дисперсии по утверждению «Очевидно, что из всех существующих в мире философий только одна безусловно правильная»

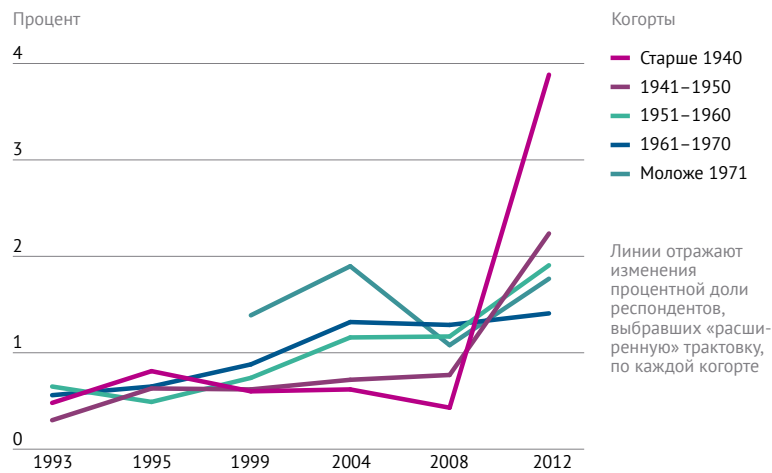

График 8

Когортные различия средних по утверждению «Сталина обвиняют в том, чего он не делал»

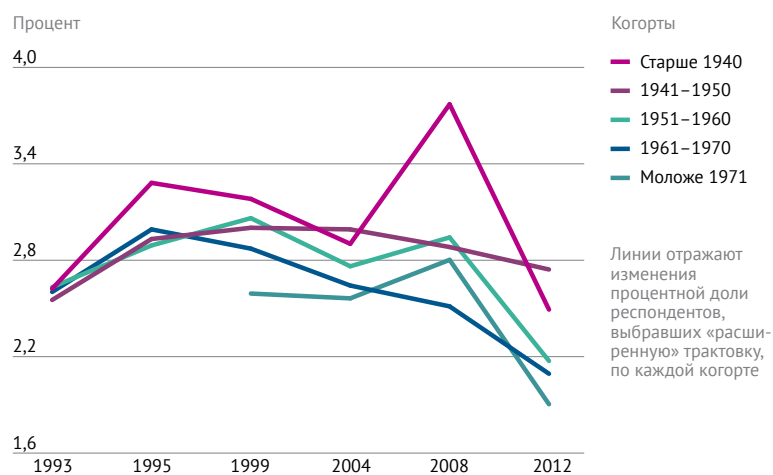

График 9

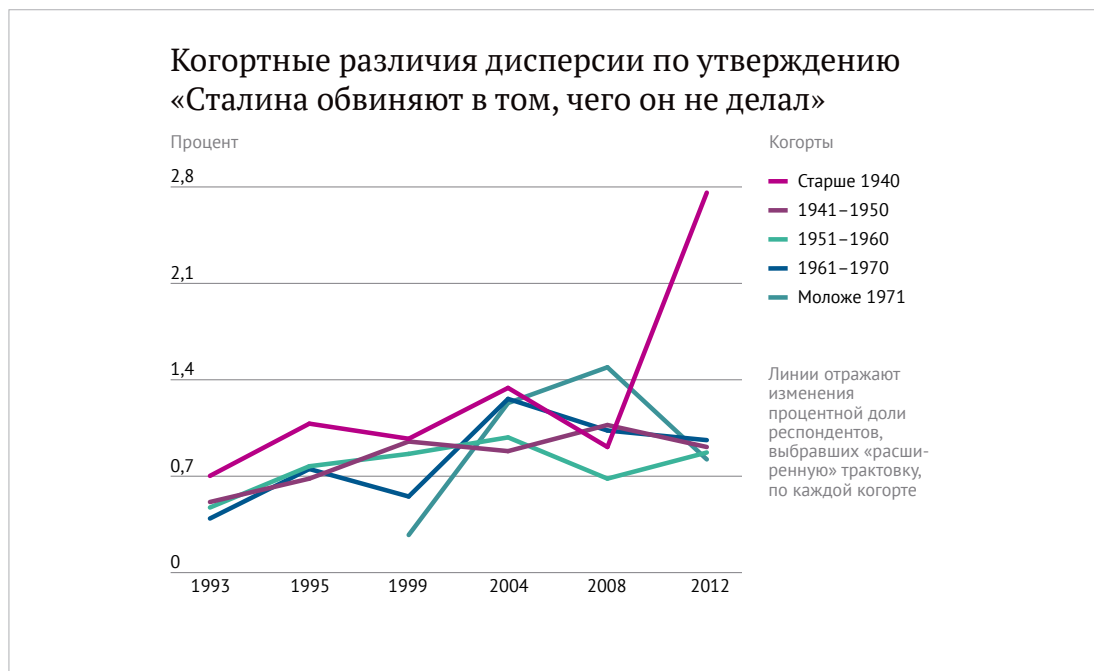

График 10

График 11

Когортные различия дисперсии по утверждению «Конкуренция различных политических партий сделает нашу систему сильнее»

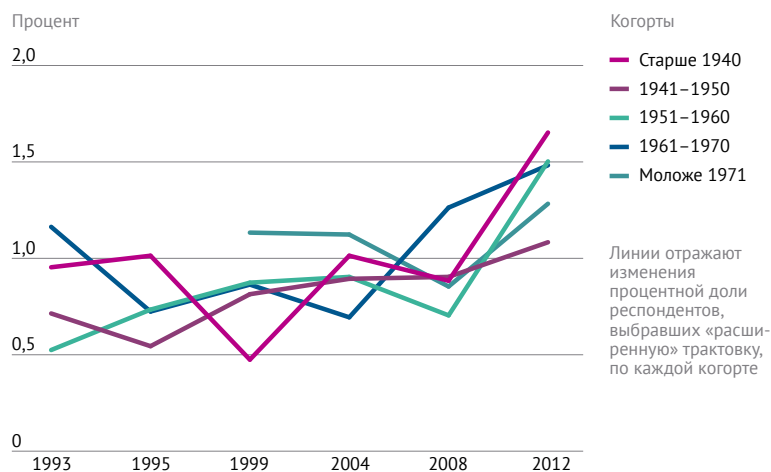

График 12

Когортные различия средних по утверждению «Конкуренция между предприятиями пойдет на пользу нашему обществу»

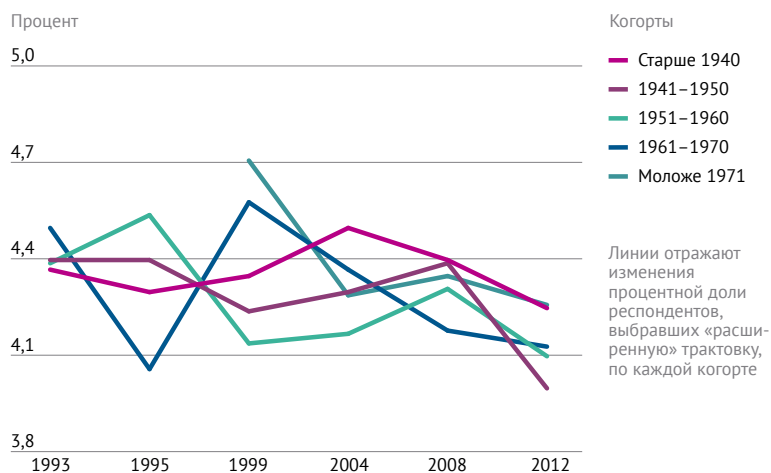

График 13

График 14

График 15

Когортные различия дисперсии по утверждению «Я считаю нормальной ситуацию, когда владелец процветающего предприятия, использующего труд наемных рабочих, становится богаче других людей»

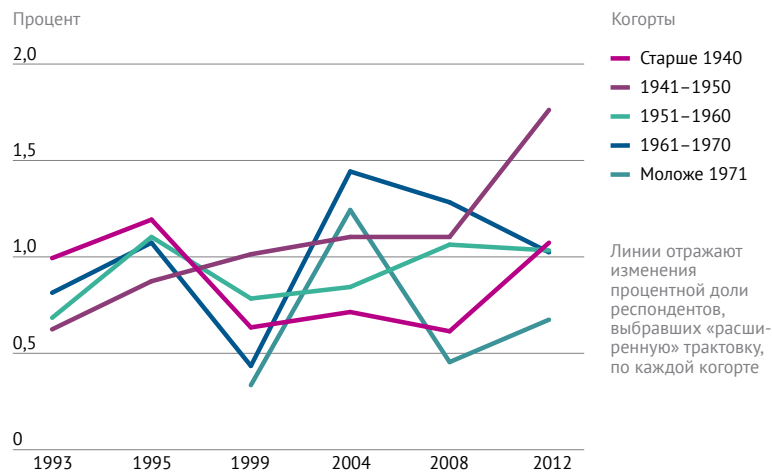

График 16

Когортные различия средних по утверждению «Нет смысла начинать новое дело, потому что оно может провалиться»

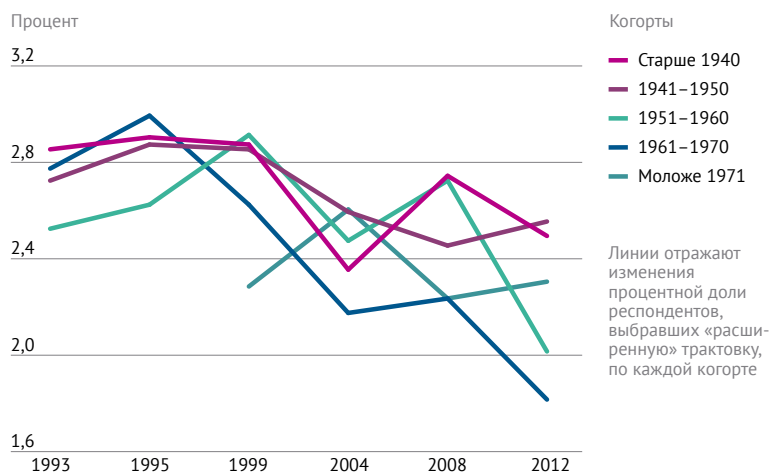

График 17

График 18

График 19

График 20

Приложение 6

Идеологическая структура российского общества: динамика изменений

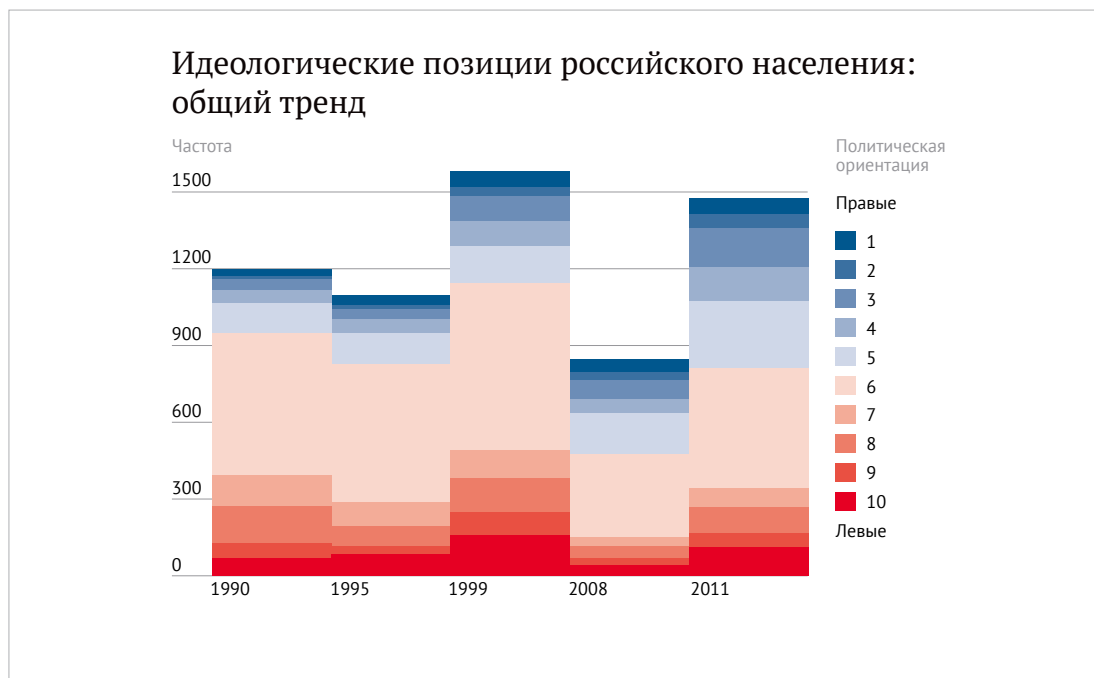

График 1

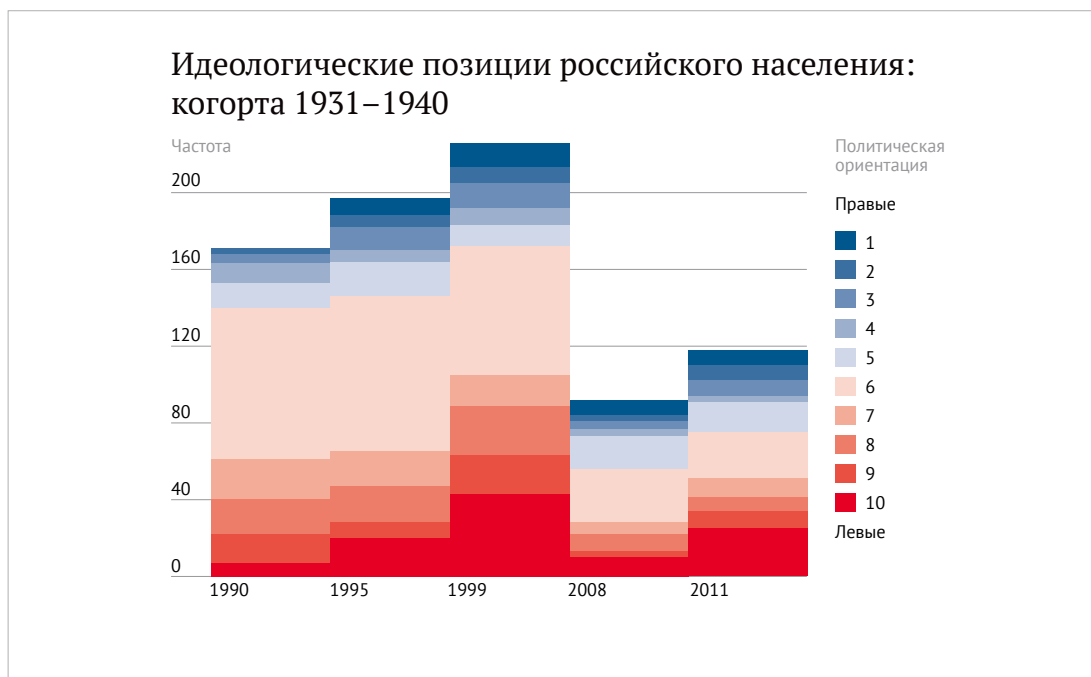

График 2

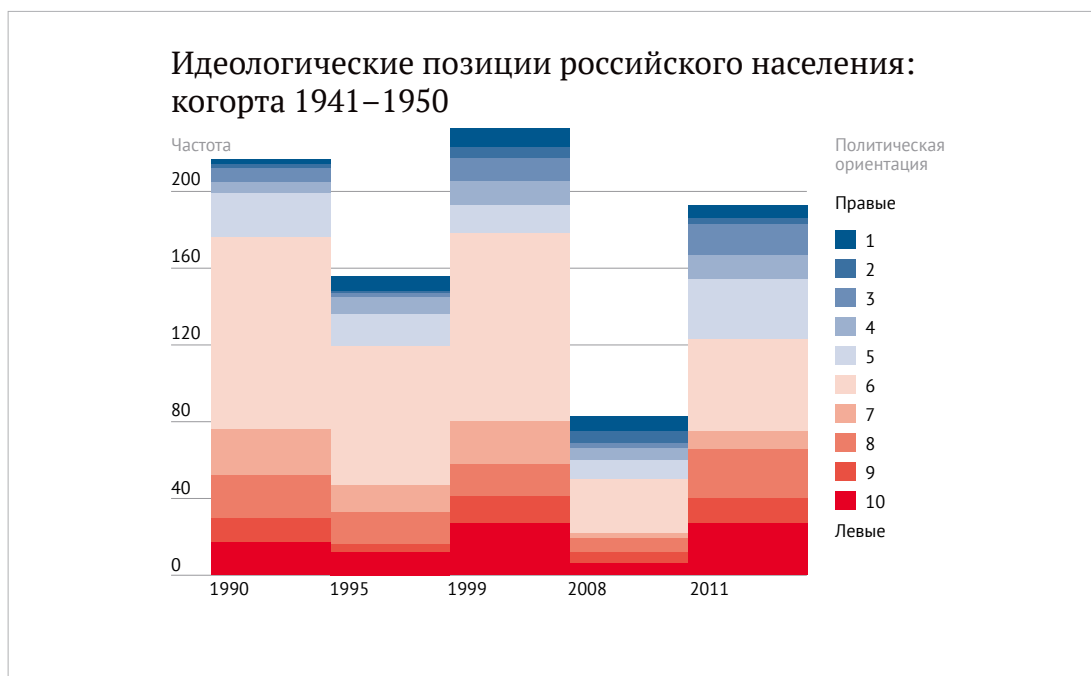

График 3

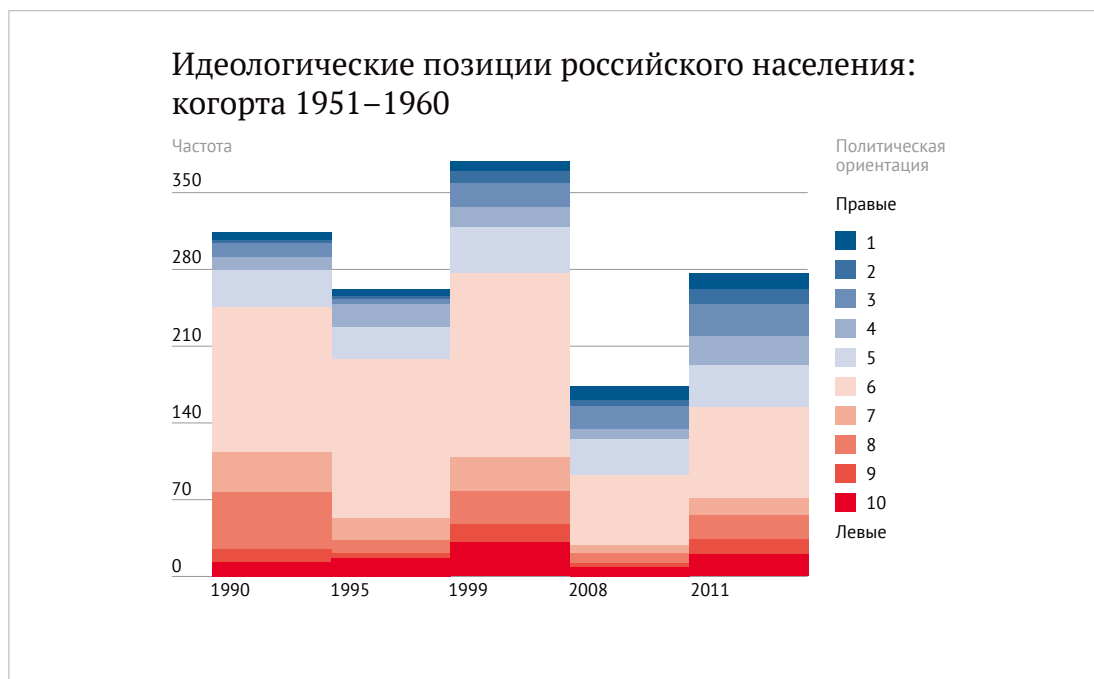

График 4

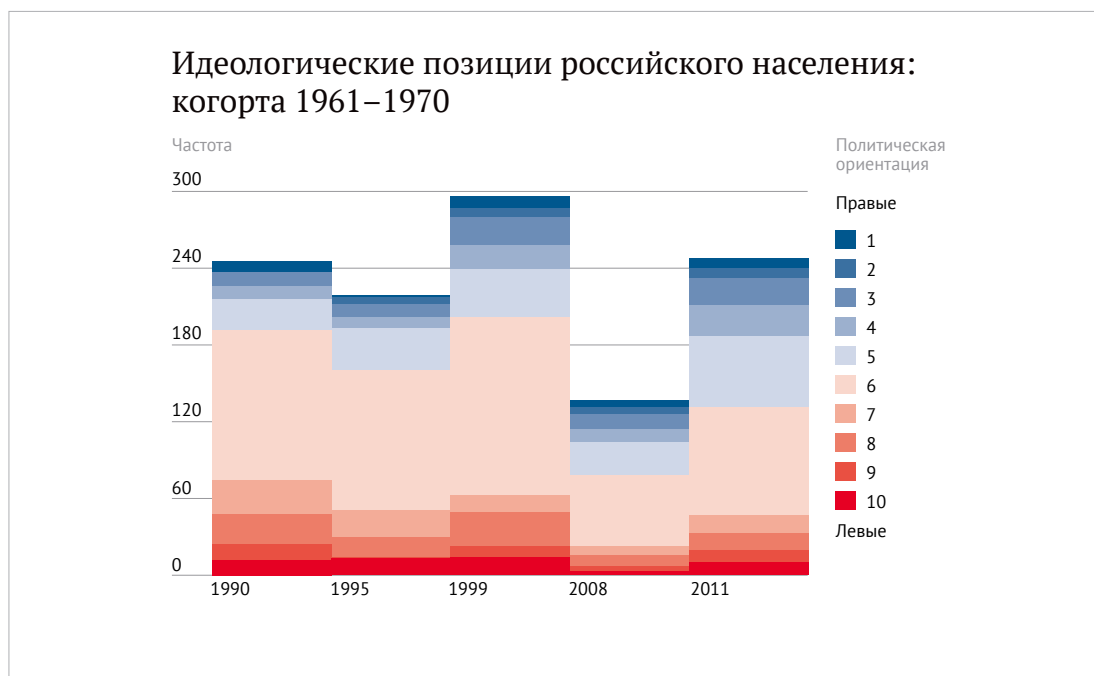

График 5

Идеологические позиции российского населения: когорта 1971–1980

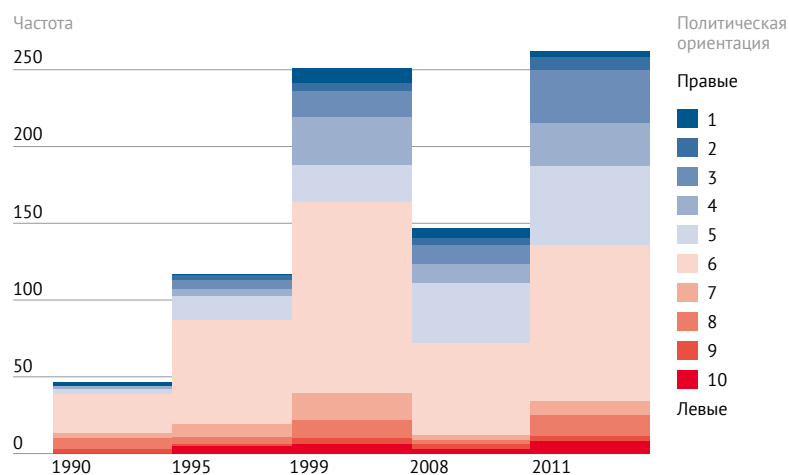

График 6

Идеологические позиции российского населения: когорта 1981–1990

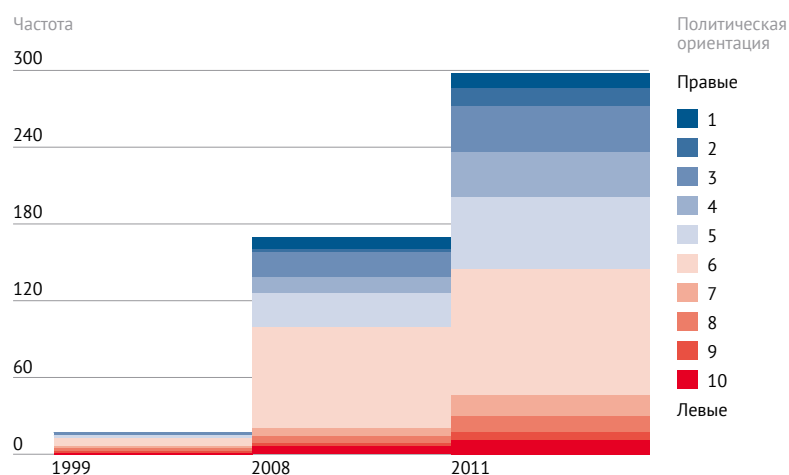

График 7

